

НАТАЛЬЯ ИЛЬИНА

# ПОКА ТЫ ЗДЕСЬ



Young  
Adult

МИО



**STONE HEDGE**

*Red Violet. Задержи дыхание*

Наталья Ильина

ПОКА ТЫ ЗДЕСЬ

Москва  
«Манн, Иванов и Фербер»  
2022

STONE HEDGE

УДК 82-312.9(470+571)  
ББК 84(2Рос)6-445.1  
И46

**Ильина, Наталья**

И46 Пока ты здесь / Наталья Ильина. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 256 с. — (Red Violet. Задержи дыхание).

ISBN 978-5-00195-552-8

В темном и пустом незнакомом городе приходит в себя девушка. Она не знает своего имени и ничего не помнит о себе. Кто она и почему оказалась в этом странном, пугающем месте? До захода солнца она должна вспомнить прошлое и найти ответы на свои вопросы, иначе тьма заберет ее навсегда.

УДК 82-312.9(470+571)  
ББК 84(2Рос)6-445.1

Все права защищены.  
Никакая часть данной книги не может  
быть воспроизведена  
в какой бы то ни было форме без письменного  
разрешения  
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-552-8

© ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022  
© Наталья Ильина, текст, 2022

**STONE HEDGE**

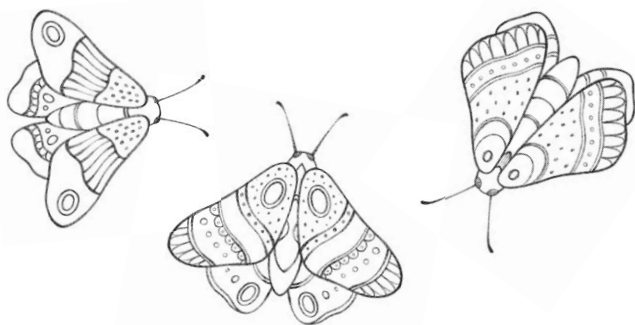


# Часть первая



**STONE HEDGE**

**STONE HEDGE**



## Глава 1

# УТРО

Она вытянула поджатые к самому подбородку ноги и перевернулась, укладываясь поудобнее. Сырость и холод навалились одновременно. Бок казался заледеневшим, а теперь замерзала и спина. Голова упиралась затылком во что-то жесткое, а локоть, напротив, увязал в податливом и влажном. Она вздрогнула и рывком села, вытаращив глаза. На мокрой траве газона тускло-красными и блекло-желтыми кляксами смутно выделялись кленовые пятерни. Одна нога соскользнула с бетонного бортика на тротуар, вторая уперлась голой пяткой в холодную землю. Вылинявшие до белизны джинсы, художественно разодранные на коленях и бедрах, насквозь промокли с правой стороны.

Девушка поднялась на ноги и принялась медленно поворачиваться на месте, недоуменно и испуганно озираясь по сторонам. Небо в просвете

между двумя домами только начинало светлеть, и разглядеть, где она оказалась, было довольно сложно. Холодный асфальт заставил ее по очереди поджимать то одну, то вторую ногу. «Почему так холодно?» Она обхватила себя руками и стала похожа на нелепую птицу, топчущуюся в узком дворовом проезде, который тянулся вдоль унылого двенадцатиэтажного дома, исчезая в утреннем тумане.

Сбитая с толку, растерянная и продрогшая в растянутой хлопчатобумажной толстовке, она повернулась спиной к расширявшейся полоске рассвета и сделала осторожный шаг. Потом еще один. В босые ступни немедленно впились мелкие камешки. Огромный корабль дома плыл в полном безветрии и невозможной тишине, на его гигантском боку не светило ни единого окна. Девушку затрясло от холода и ужаса. И этот дом, и двор, самый обычный с виду, были ей незнакомы.

«Где я? Что со мной? Я...» — Она не понимала, что происходит. «Я» — такое простое и незыблемое — повисло в пустоте. Никаких следов того, что обычно окружает это определение, — даже имени своего она вспомнить не могла! Дом был домом, незнакомым, но дающим четкое понимание, что это такое. То же и с двором, небом, кустами... Но стоило подумать о себе, и нахлынула паника. Сердце заколотилось, перестало хватать воздуха. Она задышала ртом, глубоко и часто, но это не помогло. Вязкая тишина сумеречного двора обволакивала и сжималась на горле душащим кольцом.

Судорожно всхлипнув от страха, она сорвалась на бег. Бесцельный, безоглядный. Глаза широко

распахнулись, дыхание с хрипом вырывалось из открытого рта — единственный звук, который нарушал эту страшную тишину. Мысли хаотично и бестолково метались в голове, сталкиваясь и рассыпаясь: «Что это? Почему? Мне надо домой... Куда — домой?» Запредельный ужас, охвативший ее всю, целиком, гнал и гнал вперед.

Возле угла дома ей пришлось остановиться. От сумасшедшего бега заложило уши, закололо в боку. Девушка согнулась, упираясь в колено одной рукой. Другая вцепилась в пояс джинсов, туда, где острым ножом тыкалось в живот колотье.

— Мама! — коротко и отчаянно прохрипела она пересохшим горлом, глядя прямо перед собой на серый, заметенный мелким песком асфальт.

Сиплый вскрик завяз в неподвижном воздухе, как ложка в стакане крутого киселя. Произнесенное вслух слово не нашло никакого отклика ни в пустом дворе, ни в ее голове. От этого стало еще страшнее. Мысли понеслись по кругу, усиливая панику: «Что происходит? Где я?» Кровь прилила к лицу, на виске задержалась тонкая вена. В памяти не было ни одного знакомого лица, ничего, что могло бы понять происходящее.

За хрипами в груди и оглушительным стуком сердца ей послышался какой-то новый звук, оборвавший сумятицу мыслей. Шорох? Шуршание? Шипение, которое издает кран, когда вместо воды из него вырывается воздух? От этого непонятного звука кожа девушки немедленно покрылась мурашками. Она принялась затравленно озираться, но вокруг не было видно никакого движения.

Звук доносился отовсюду и ниоткуда, не приближаясь и не отдаляясь, пугающий, неопределенный и... живой. «Р-х-ш-ш...»

Темнота в кустах под окнами дома словно сгустилась, почернела. Девушка принялась всматриваться в нее до рези в глазах и внезапно, повинуясь безотчетному порыву, попятилась. Сначала медленно, потом все быстрее, запинаясь и всхлипывая от ужаса. В панике она снова бросилась бежать, сбивая ноги, совершенно потерявшие чувствительность от холода. Страшный звук исчез. Остался где-то позади, затерявшись в тяжелой тишине неподвижного воздуха.

Между двумя домами туманным провалом зиял проход к дороге. Девушка завернула за угол, скобочившись и держась за живот. Улица тоже оказалась абсолютно пуста. Смутно понимая, что так быть не должно, она попыталась сообразить, чего же не хватает. Вдалеке желто и ритмично вспыхивал и гас глазок светофора. Догадка вспыхнула молнией — машины! Их не было совсем. Ни одной. Ничто не двигалось в холодном ущелье улицы. Даже отсутствие людей пугало меньше, чем эта полная неподвижность. Окружающее казалось декорацией к фильму ужасов, заброшенной и ненастоящей. Фонари, вывески, рекламные щиты не горели. Окна зданий по обе стороны дороги ле덴ели чернильной тьмой. Все вокруг словно покрылось серым налетом: дома, дорога, полуголые скелеты деревьев с остатками неподвижных листьев. Девушка замерла на месте, не понимая, куда теперь бежать и что делать дальше. Это было похо-

же на кошмарный сон, и она желала только одного — проснуться. Сейчас. Немедленно. Пальцы ног поджимались, и разглядывание собственных босых ступней на грязном холодном асфальте делало ситуацию еще безумнее.

Небо понемногу светлело, но на улице по-прежнему царила тишина и полное отсутствие движения. Серый налет не исчез вместе с тающими сумерками, напротив, стала отчетливей видна блеклость красок.

«Сколько времени?» — проскочила у нее нелепая мысль, и рука сама поднялась запястьем вверх. Его обнимал браслет с чудесными часами: в позолоченный металл были вправлены натуральные камни цвета карамели, с искорками в глубине. Она понятия не имела, откуда они взялись, эти дорогие часы. Золотая секундная стрелка не двигалась, часовая замерла на римской цифре шесть, а минутная — на тройке.

Ухоженные ногти блеснули благородным бежевым лаком. Она невольно задержала взгляд на руке. Пошевелила пальцами. Задышала часто-часто, к горлу подступила едкая горечь: руку — несомненно, свою собственную — она словно видела впервые.

— Эй, кто-нибудь? — жалобно позвала девушка, оглядываясь по сторонам.

Эхо — негромкое, приглушенное — пробежалось до пустой автобусной остановки и застряло в дырчатом металле ненадежных стенок под пластиковым навесом. Возле перевернутой урны валялись обрывки бумаги, пустые жестянки и желтая игрушечная

машинка без передних колес. Почему-то именно этот автомобильчик — пузатый, неожиданно яркий — вызывал наибольший ужас. Может быть, потому, что никто не тянул его за веревочку? Она лежала на земле, протянувшись от переднего бампера к краю тротуара, похожая на дохлого червяка.

Холод вызвал очередную волну дрожи. Девушка ощутила, что ноги почти примерзают к асфальту. Поминутно оглядываясь и всхлипывая, она побрела вдоль дороги, натываясь взглядом на пустые окна, мелкий мусор, зачем-то поставленный на попа прямо посреди тротуара пластиковый ящик. Вокруг громоздился чужой холодный город под низким небом, притихший и серый. Казалось, весь мир расплылся, как потемневшая от времени фотография, и потерял четкие очертания.

Страх побуждал бежать, но куда? Она снова остановилась и растерянно затопталась на месте, не зная, что делать дальше.

Откуда он мог вывернуть, девушка не имела понятия. Секунду назад улица была совершенно пуста, а теперь всего в паре десятков метров впереди ей навстречу шел человек. Шел медленно, неожиданно замирая на пару секунд и снова начиная двигаться. Она рванулась к нему, забыв про холод и страх, из груди вырвалось короткое рыдание — облегчение как будто ослабило туго затянутую внутри пружину.

— Помогите!

Отчаянный вскрик не оказал на незнакомца никакого эффекта. Он продолжал двигаться неровными рывками.



— Помо...

Голос сорвался на полуслове. Пожилой мужчина был совершенно гол. Дряблая кожа груди и большого обвисшего живота отдавала нездоровой желтизной; руки, будто деревянные, приклеились к боккам; лицо — сильно небритое, унылое — застыло равнодушной маской; а глаза, утонувшие под нависшими бровями, невидяще смотрели куда-то выше головы девушки. Она встала как вкопанная, невольно приоткрыв рот, а мужчина, механически передвигая уродливо-худые ноги, подошел уже совсем близко.

Бросив растерянный взгляд по сторонам, она убедилась, что, кроме них двоих, на улице никого больше нет.

— Простите, — слова давались ей с трудом, — мне нужна помощь.

Старик прошаркал мимо, не обращая на нее никакого внимания, все с тем же отрешенным видом.

Потрясенная, она машинально шагнула следом.

— Четвертинку серого, — невнятно пробормотал он вдруг и быстро-быстро затряс головой.

«Да что же это такое? — поднялась в душе у девушки гневная волна. — Какой-то сумасшедший? Ладно! Но где все остальные? Где люди?» Понимая, что помощи от старика не добиться, она все-таки пошла за ним, боясь снова остаться в одиночестве. Но спутник прошагал молча всего несколько шагов и внезапно остановился.

— Туда! Мне — туда! — громко прокаркал он ломким голосом и взмахнул обеими руками, указывая в конец улицы. Потом хрипло рассмеялся одними

губами, не меняя выражения лица, и добавил затухающей скороговоркой: — Все там будем. И четвертинку серого.

Девушка отпрянула, попятилась и еще долго стояла, глядя вслед нелепой фигуре, удалявшейся под сухое шарканье босых ног. Когда голый старик почти скрылся из виду, она еще некоторое время колебалась, не пойти ли за ним, но ноги сами понесли в противоположную сторону. В результате она снова брела на подмигивание далекого глазка светофора, напоминавшего маяк для заблудившихся кораблей, настолько сбита с толку, что оказалась не в состоянии даже думать.

Далеко уйти не удалось. Рассвет, силившийся разогнать темноту, странно задержался, как будто солнце внезапно передумало подниматься. Казалось, так и не поднявшись над городом, оно снова завалится обратно за невидимый горизонт. Узкая пустынная улица нагоняла на девушку ужас. Дело было даже не в отсутствии людей, улица казалась ненастоящей, неживой... иной. В чем заключалась эта «инаковость», уловить никак не получалось, и от этого становилось только страшнее. К глазам подступали слезы, и она изо всех сил старалась не разреветься от отчаяния.

— Эй! Э-эй! Кто-нибудь? — крикнула она.

Тишина сожрала этот жалкий призыв. Проглотила.

— Люди!

Обезумев от страха, девушка готова была колотить в окна, но те располагались слишком высоко — не дотянуться.

На глаза попался обломок кирпича. В сознании мгновенно проявилось узнавание, прямо-таки рекламный буклет на тему «Кирпич и все, что с ним связано». Строительство, падение на голову по воле судьбы для особо с ней несогласных, сравнение с этим нехитрым предметом любой тяжести, превышающей нормальную... Неровная половинка, бурая от влажного песка, лежала на истоптанном газоне у дороги. Девушка потянулась за ней, ухватила за грязный бок, пачкая руку, и со всей силы швырнула в ближайшее окно. Короткий полет закончился стеклянным взрывом — глухим «бомц!» и опадающими осколками. Бросая его, девушка вовсе не знала, чего ожидать, но, едва посыпались стекла, она даже присела, моментально вспомнив о том, какая реакция должна за этим последовать.

Кирпич провалился в темноту чужого жилья, и больше ничего не произошло. Никто не высунулся из разбитого окна с проклятиями, не загорелся свет. Хулиганский поступок все же возымел эффект, хоть и не тот, которого она испугалась. Теперь стало совершенно ясно: никакой это не кошмарный сон — мокрая и грязная рука была тому лучшим доказательством.

Девушка брезгливо вытерла ладонь о джинсы и отвернулась от разбитого окна. За спиной послышался шорох. Тихий, вкрадчивый, на грани восприятия. «Р-х-ш-ш». С таким звуком ветер гонит по асфальту смятую газету. Вот только никакого ветра не было. И звук шел со стороны окна. «Р-х-ш-ш-а...» Она осторожно оглянулась через плечо, до боли скосив глаза в сторону звука, напряженная, готовая

сорваться с места. В беспросветном провале рамы, утыканной острыми осколками невыпавшего стекла, шевелилось нечто. Как будто темнота могла менять очертания, как будто стояла жара и воздух плавился знойным маревом прямо в глубине квартиры...

Девушка взвизгнула и рванула прочь, забыв о босых ногах, подгоняемая шуршащим шипением. Злобным, если звук может источать злобу. Она не знала. Не понимала, что возможно, а чего не бывает. Каждое действие пробуждало в памяти детали, о которых секунду назад она не помнила. Отбежав от страшного места, девушка остановилась, настороженно озираясь и прислушиваясь. Превратилась в сплошные глаза и уши. Прежняя тишина обволокла ее снова, но больше не могла обмануть.

На другой стороне улицы, выбиваясь из одинаковой серости домов, торчала самая обыкновенная коробка супермаркета. «Двадцать четыре» — большие цифры на уродливом фасаде не горели, но оставались ясно различимыми. Девушка перебежала дорогу, машинально поворачивая голову влево-вправо, но машин не было, и замерла в испуге: раздвижная стеклянная дверь магазина оказалась наполовину открыта, за ней — все та же тьма. В глубине что-то негромко брякнуло.

— Есть тут кто-нибудь? — прошептала девушка в полумрак зала.

Тишина. Память услужливо подсказала, что на входе должен стоять охранник, а кроме него — кассиры, продавцы. В полутемном зале не было никого. Длинные ряды стеллажей терялись в густой тени.

— Эй! — теперь она уже кричала срывающимся голосом. — Кто-нибудь?

Тишина. Все вокруг было неправильным, ненастоящим, неживым, и это пугало сильнее всего.

Она побрела вдоль касс, наткнулась взглядом на стойку с домашними тапочками — смешными и уютными, такими неуместными посреди кошмара — и вспомнила, что ноги, которые она почти не чувствовала, по-прежнему босы.

Сначала она не ощутила разницы между ледяным полом и мягкой пушистостью стелек, но минуто спустя онемение отпустило ступни, и они начали ныть.

Предрассветные сумерки за широкой витриной неохотно уступали дневному свету, но в самом магазине сумрак уходить не торопился. Девушка медленно двинулась к стеллажам, собираясь отыскать бутылку воды или пачку сока: у нее пересохло в горле.

— А-р-ш-ш-а-а, — донесся из глубины магазина леденящий душу, уже знакомый, но куда более явственный звук. Девушка вздрогнула, по рукам снова побежали мурашки, она попятилась, вглядываясь во мрак между стеллажами. Там что-то зашуршало, сухо и хрустко. Что-то посыпалось с полок, с грохотом раскатываясь по мраморному полу.

«А-р-р-ш-а-а...» — отдалось вибрацией в костях, загудело где-то в темечке. Звякнула и покатилась к кассам пустая магазинная тележка. На половине пути замерла, зато в дальнем конце зала что-то отчетливо загремело. Потом мелко затряслись ближние стеллажи, звеня выставленными на них банками.

Девушка метнулась обратно к кассам, замерла, не в силах пошевелиться, и вцепилась в край конвейерной ленты, чтобы не упасть: от ужаса подкашивались ноги. В глазах потемнело. Мысли исчезли все разом. Сердце подскочило к горлу и принялось биться там, пытаясь вырваться наружу.

— Беги!

Она подпрыгнула от неожиданности.

Негромкий голос шел из приоткрытых дверей. Там кто-то маячил, подзывая ее к себе:

— Беги, сюда!

Третьего раза не понадобилось — она со всех ног бросилась к выходу.

— А-р-х-ш-ш-а-а! — неслоь вслед, сопровождаемое грохотом и звоном рассыпающихся товаров.

Он был выше ее на голову. Худоватый, но не тощий. Без лишних слов схватил за руку и потащил за собой вдоль улицы прочь от магазина, туда, где без устали продолжал мигать светофор. Сумерки почти рассеялись, стало намного светлее, но вокруг по-прежнему не было никакого движения. Парень быстро вымахивал длинными ногами в синих замшевых кроссовках, ей же приходилось семенить следом почти бегом, поджимая пальцы ног, чтобы не потерять на ходу розовые пушистые тапки. Она пыталась разглядеть лицо незнакомца, но никак не могла угнаться за его широким шагом.

— Подожди, — взмолилась девушка, когда супермаркет исчез из виду. Паника, охватившая ее в магазине, отступила.

Парень замедлился. Остановился. Обернулся, и она отшатнулась, зажимая рот ладонями. Его лицо —

симпатичное, с правильными чертами, крепким, но не слишком тяжелым подбородком и темными глазами — то проявлялось болезненно четко, так, что можно было разглядеть крошечную родинку на правой щеке и редкие точечки щетины на подбородке, то вдруг размывалось, словно она смотрела на него из-под воды. Она моргнула, зажмурилась, потеряла глаза. Нет. Не помогло. Воротник его синего жилета-пуховика в представлении не участвовал. Оставался просто синим воротником. Значит, зрение было ни при чем. Кошмар продолжался!

— Кто ты? Что происходит? Где я?

Она пятилась, пока не уткнулась лопатками в стену.

— Тише, не кричи. — Он не двинулся с места, внимательно ее разглядывая. Всю. Целиком. От растрепанных светлых волос до тапочек на босу ногу. — Я — Аликвис. А ты? Помнишь свое имя?

Она открыла рот. Язык сделал невнятное движение, горло сжалось, готовое вытолкнуть порцию воздуха размером с одно слово. Всего лишь одно слово! Имя. Но... оно не прозвучало. Воздух вылетел горьким выдохом из губ. Глаза защипало от слез. Она покачала головой.

— Нет. Не знаю. Не помню! Где я? Кто ты такой?!

Ее голос взлетел до визга, подкатывала самая настоящая истерика.

— Ш-ш...

Он коснулся своих губ длинными и удивительно красивыми пальцами.

— Не шуми так. Не надо. Тебе повезло, что я услышал тебя, но больше кричать не стоит. Лучше

сосредоточься. Попытайся вспомнить ну хоть что-нибудь.

Вместо этого она обняла себя обеими руками за плечи. Холодное и бледное солнце совсем не давало тепла. Хотелось плакать. Хотелось пить. Согреться. Но все это — желания тела, а в голове, там, где должны были храниться знания о самой себе, огненной пеленой дрожал ужас, готовый снова вырваться на свободу.

— Я не знаю! Мне холодно! — выпалила она первое, что пришло на ум. Губы тряслись, и слова получились невнятными.

Он кивнул. Устало и как-то обреченно.

— Пойдем, поищем тебе одежду.

Но не двинулся с места.

Девушка отлепилась от сыроватой шершавости стены и шагнула к светофору, чье мигание на свету потускнело, но не прервалось. Странное лицо парня со сложным именем внезапно озарилось улыбкой. Он шагнул следом.

— Что такого? — подозрительно покосилась на него девушка.

— Ты идешь на запад. Я надеялся...

— И что?

Она оглянулась: низкое солнце действительно осталось у них за спинами.

— Значит, тебе нужно вспомнить! А времени только до заката. Нам сюда.

Он неожиданно свернул за угол дома, и она увидела в торце здания дверь. «Женская одежда» — гласила аляповатая вывеска, неяркая, словно выцветшая от времени.



— Так закрыто же? — удивилась она.

— Нет. Замки здесь не работают. Все везде открыто.

— Да объясни же ты наконец, здесь — это где? — почти выкрикнула девушка и с опаской переступила порог магазинчика следом за своим проводником.

— Здесь — это здесь. В этом месте. В этом городе. В этом мире, если хочешь.

Он нашел выключатель и пощелкал туда-сюда. Загорелся свет. Очень тусклый, словно лампы — обычные белые лампы дневного света — израсходовали весь ресурс. Но — желтый, совсем не похожий на настоящий — свет ее почему-то обрадовал. Слабый символ чего-то нормального, обыденного, неизменного.

— В каком еще мире? Что происходит?

Она растерянно замерла в центре небольшого помещения.

— Я расскажу тебе все, только обуйся сначала, нам нужно идти.

Парень прислонился к обшарпанному прилавку и скрестил на груди руки.

Вешалки и полки были битком набиты одеждой и обувью. Девушка бросилась к ботинкам, в два ряда выстроившимся на полках у дальней стены. И застыла. Размера своей обуви она тоже не помнила...

— Приложи к ноге, — терпеливо подсказал парень. «Алик? Алекс?»

Она примерила черные, с аккуратным носом и хорошей прошивкой, ботинки фирмы DINO,

и вдруг сердце замерло, а потом забилося быстро-быстро.

— Дино, — произнесла она вслух. Звучало знакомо, но неправильно. — Дино... Дина!

Как была, в одном ботинке, размахивая вторым перед лицом ошарашенного парня, она пустилась в пляс по тесному залу магазинчика.

— Дина, Дина! Меня зовут Дина! Я вспомнила!

— Молодец!

Парень широко улыбнулся, казалось обрадовавшись не меньше, чем она сама.

«Дина! Дина!» — имя крутилось в голове, теплое, уютное, родное, но... Больше там ничего не было. Одно-единственное слово, которым можно было обозначить себя, и все.

Девушка сникла. Зашнуровала второй ботинок, стянула с вешалки первую попавшуюся куртку и вопросительно посмотрела Алексу (как он там себя назвал? Пусть будет Алекс) в лицо. Оно по-прежнему иногда мерцало, словно подергивающееся рябью изображение на экране телевизора, но больше не пугало.

— Этого мало. — Он как будто прочитал ее мысли. — Нужно вспоминать дальше. Тогда ты сможешь вернуться.

— Куда вернуться?

— Не знаю. Домой. Туда, откуда пришла.

— А ты? Почему ты не возвращаешься?

Дина уловила едва заметный оттенок горечи в его словах.

— Не знаю. Не могу вспомнить. Пошли, — сухо ответил он, толкнул дверь и вышел наружу.

По дороге к двери стояло большое зеркало в наклонной металлической раме. Дина, проходя мимо, мельком глянула на свое отражение и тут же сделала шаг назад, сообразив, что вообще не знает, как, собственно, выглядит.

Лицо показалось незнакомым, чужим. Довольно красивым. Тонкий нос, немного полноватые, зато идеально очерченные губы, чистая кожа высокого лба, яркие зеленые глаза. Девушка в зеркале должна была гордиться своей внешностью. Но Дина ее видела впервые. Стиснув кулаки так, что ногти впились в ладони, она хмуро сообщила отражению:

— Я — Дина.

Отражение нахмурилось в ответ. Она отвернулась и вышла из магазинчика вслед за Алексом.



— У меня часы встали, — прервала Дина молчание, когда перекресток с мигающим светофором остался далеко позади.

— Здесь часы не ходят. Никакие. Я проверял.

— Что здесь еще не так?

Она пробежала глазами по ближайшей вывеске. Вывеска как вывеска.

— Много что, но тебя это не должно беспокоить. Лучше следи за солнцем.

— Зачем?

Дина оглянулась. Мутный диск, зависший на уровне средних этажей между двух одинаковых кирпичных «точек», еще не добрался до кромок их высоких крыш.

— У тебя есть только этот день. Не успеешь вспомнить и поймать последний луч — пропадешь.

— Не поняла. Ты же не пропадаешь?

— Я — нет. И в этом нет ничего хорошего. Я здесь такой не один. Некоторые совсем потерялись. Некоторые, как я, пытаются понять. А кое-кто... Тебе это не нужно.

Он замолчал.

— Слушай, мы идем неизвестно куда. Убежали неизвестно от кого. Ты ничего не хочешь объяснить толком. Может, я вообще пошлю тебя на фиг и... — Дина покрутила головой, — пойду вон в кафе. Пить хочу. И есть хочу тоже!

Конечно, она врала. Меньше всего на свете ей хотелось сейчас остаться одной в этом пустом страшном месте. Дина огляделась. Широкую улицу, на которую они свернули, тусклые полосы трамвайных путей разрезали на две половины, и нигде — ни впереди, ни позади — по-прежнему не было заметно никаких признаков жизни. По-прежнему совсем отсутствовали автомобили. Она еще не увидела ни одного, пусть даже и неподвижного.

— Машин нет, — удивленно озвучила Дина последнюю мысль.

— Нет, — согласился Алекс. — Никакого транспорта, совсем. Я как-то добрался до аэропорта, так там ни одного самолета. И вообще — очень неприятное место.

Он внимательно посмотрел на спутницу и решительно кивнул.

— Хорошо. Давай зайдем в кафе. Не уверен насчет еды, но попить-то мы сможем. Я расскажу то, что знаю, только ты не пугайся.

«Не пугайся». Дина была напугана так, что сомневалась, можно ли бояться сильнее.



В небольшом, на четыре столика, зале царил загадочный полумрак. Алекс, не задерживаясь в дверях, прошел к большому окну, сгреб пластинки опущенных жалюзи в кулак, а потом с силой дернул вниз. Жалюзи оборвались и с металлическим шорохом, скрипя по простенкам пластинками позолоченного алюминия, соскользнули вниз. Стало значительно светлее.

— Ты зачем? — поразилась такому варварству Дина.

— Темно. Оно предпочитает мрак.

— Какое «оно»? Что это значит?

Она догадалась, что речь идет о том, кто издавал жуткий звук в супермаркете. Воспоминание заставило ее передернуться.

— Погоди.

Алекс деловито направился за стойку, чем-то там погрел, и на бежевой пластиковой столешнице появились две чашки, горка пакетиков с крекерами «Тук» и орешками. Кофейный автомат тихо загудел.

— Повезло! — возникла над стойкой взлохмаченная голова Алекса. — Электричество тут часто глючит. Иногда чайник можно час греть, а чаще всего напряжения просто нет совсем.

— И как же ты тут живешь, костры разводишь, что ли?

— Нет. Огонь тоже не всегда ведет себя как положено. Подожди минуту...

Он исчез за блестящим боком старого аппарата. Там зашипело и зафыркало.

— Забирай!

Вид у Алекса был почти победоносный. От кофе шел парок и дурмнящий аромат. Дина осторожно взяла чашки и медленно, стараясь не расплескать, отнесла к столику возле окна. Алекс появился с бутылкой колы и пластиковыми стаканчиками.

— Это тебе. — Он придвинул крекеры поближе к Дине. — Мне... Я могу не есть. И не пить. Но иногда хочется.

— Господи! — Она не донесла к губам кофе. — Кто ты такой?

— Это сложно.

Алекс перевел взгляд с ее лица на свои руки, обнимавшие пузатую чашку из дешевой белой керамики.

— Вероятно, я такой же, как и все здесь, как и ты. Но не совсем. Я сам не слишком многое понимаю. Если бы ты не начала вспоминать так быстро, а задержалась здесь надолго, тоже узнала бы, что можешь подолгу не есть и не пить. Можешь не спать. А со временем перестала бы так остро ощущать холод и боль. Но тебе повезло, у тебя есть шанс вернуться...

Дина смотрела, как он делает мелкие, осторожные глотки кофе. Грустное лицо парня не перестало временами мерцать, но она как-то притерпелась

к этому странному явлению. Возможно, слишком быстро и совершенно непонятно почему. Увиденное и услышанное постепенно заполняло пустоту в ее голове, смягчая страх. Оказывается, даже самые невероятные объяснения не пугают так, как пугает полная неизвестность.

— Ага, ладно, все мы люди-человеки. А теперь давай про «оно», пожалуйста.

— Так я же и хотел...

Парень посмотрел на нее с тревогой и почему-то с жалостью. У него были необычные глаза: вроде бы серые, но слишком темные. «Наверное, именно о таких говорят — глубокие», — подумалось Дине.

— Оно, они, это... Не знаю, как назвать или описать. Существо или сущности? Тоже не знаю. Но днем они охотятся за такими, как ты. Не за всеми. Почему и как выбирают — непонятно. Чем ближе к западу и закату, тем опаснее станет. Понимаешь, кроме тех людей, кто здесь давно, есть другие, они появляются каждый день. Одни выбирают запад. Неосознанно, инстинктивно идут за солнцем. И начинают вспоминать. И если успеют вспомнить — возвращаются. А другие выбирают восток. Они ничего не вспоминают, просто идут туда весь день, и на закате оно их забирает. Уводит с собой. Навсегда. Им ничего не грозит, их никто не трогает. И только немногих оно старается схватить, удержать во тьме сразу, еще днем. Не позволить вернуться. Таких, как ты. Единственное, чего оно всегда избегает, — свет.

— Ну хоть так. — Дина пыталась переварить рассказ Алекса. — Будем держаться на свету. А тебе

какой резон со мной возиться? Ты всех, что ли, провожаешь? Или ты здесь живешь?

Дина бросила взгляд за окно. Предположение выглядело безумным. Но не безумнее того, что она не узнала свое отражение в зеркале и помнила назначение всего, что ее окружало, но не себя саму.

— Живу я в центре. А провожаю всех, кого встречу. И на запад, и на восток иногда. А что здесь еще делать? — Алекс пожал плечами. — Хорошо, если получится держаться на свету. Но ты вспоминай, пожалуйста. И не молчи. Когда говоришь, вспоминается быстрее, проверено.

— Ладно, я попробую, — согласилась Дина.

Но слова не шли. О чем говорить, она не представляла. Все это казалось ей подозрительным. Как и сам Алекс.

— А где нужно ловить закат? Есть место какое-то специальное или все равно где?

— За большим стадионом, на намыве возле залива. Все идут именно туда. Это довольно далеко, вот почему я говорю, что времени у тебя немного. Правда, — Алекс тоже выглянул в окно, — день у тебя не должен быть слишком коротким.

Дина непонимающе уставилась на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне кажется, — смущенно отозвался Алекс, — что продолжительность дня здесь для каждого своя. Бывает, что для одного солнце мчит-ся по небу, как олимпийский бегун, а для другого — еле ползет. И день, по ощущениям, растягивается до нескольких. Но такие — самые опасные. Устанешь, решишь поспать по привычке, а проснешься



уже в темноте. Или — уже не проснешься. *Тьма-то* не спит.

— Звучит бредово, — честно призналась она. — А с чего ты взял, что если я все вспомню, то вернусь?

Дина поднялась из-за стола следом за своим спутником, и вопрос прозвучал тогда, когда он уже повернулся к ней спиной.

Парень остановился, съежился, приподняв плечи и сгорбившись, словно слова были чем-то материальным и ударили его прямо между лопаток, в синюю, заполненную пухом «сардельку» прошивки жилета.

— Знаю, — не оборачиваясь, глухо ответил Алекс, — потому что видел. Тех, кто успел вспомнить, и тех, кто не успел.

От его тона, от того, что он не повернулся к ней лицом, от резанувшей ухо беспомощности в голосе Дине стало не по себе, но она все же продолжила:

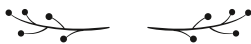
— Так, может быть, мне не стоит торопиться? Может быть, лучше и не вспоминать? Оставить все как есть? Ты же вон живешь себе...

Он обернулся так резко, что зацепил пластиковый стул, который отлетел в сторону, словно живой.

— Ты не понимаешь! — Лицо Алекса мерцало так часто, что у Дины зарябило в глазах. — Ты — точно не можешь здесь остаться, ведь Тьма уже тебя выбрала! Или поймает последний луч, когда все вспомнишь, или...

Он замолчал и отвернулся, шагнул к дверям.

— Пошли, — буркнул уже на ходу, — я не вру. У тебя мало времени.



Казалось бы, после еды и горячего кофе Дину должно было немного отпустить, тем более она больше не металась в этом странном городе в одиночку, но в груди продолжала дрожать тонкая струнка пережитого ужаса. Любая мысль на тему болезненно-неразгаданной тайны собственного «я» могла эту струнку задеть. И тогда та грозила зазвенеть новой волной страха. Да и последние слова Алекса оптимизма не добавили.

Дине хотелось разного. В основном — глупого и бесполезного. Топнуть ногой, крикнуть: «Горшок, не вари!» — и очутиться дома. Где это, дома? Да где угодно, лишь бы не здесь! Хотелось расплакаться. Снова. Забиться в угол (нет-нет, не темный!), и пусть все окажется дурным сном...

Она молча брела по незнакомой улице незнакомого города рядом со странным, временами мерцающим, словно привидение, парнем и не замечала, что крепко-крепко сжимает его теплую, вполне материальную ладонь.



На углу у перекрестка притулился к старому кле-ну ларек-стекляшка. Обычный крохотный магазинчик, где можно в любое время суток купить вчерашний хлеб, сомнительную колбасу, дешевый корм для животных и пиво с сигаретами. Открытую дверь подпирала железная урна-перевертыш.

Алекс направлялся прямо к этой двери, и Дине пришлось идти следом, отставая ровно настолько, насколько позволяла вытянутая рука. Разжать ее казалось совершенно невозможно! А вдруг он войдет в ларек и исчезнет так же внезапно, как появился?

— Доктор? — Алекс просунул голову в дверной проем.

— Бур-бур, — неразборчиво ответили ему изнутри ларька хриплым баском.

— Подождем, — вздохнул Алекс, оборачиваясь к Дине. — Доктор не всегда в настроении, но, если повезет, он тебе поможет.

— В чем? — Дина ничего не понимала.

Изнутри ларька донесся грохот, словно там упало что-то тяжелое. На пороге возник шуплый мужичок невнятных лет. Он был сурово небрит, рыжеватая щетина еще недотягивала до того, чтобы считаться бородой, и придавала его помятому лицу неряшливый вид опустившегося алкаша. Стойкая вонь перегара только усилила это впечатление. Дина поморщилась.

— Что? Опять? Ну чего ты их ко мне таскаешь, Алик? — скривившись, пробурчал мужичок, кутаясь в женскую меховую жилетку, украшенную стразами вдоль молнии.

В сочетании с грязными штанами цвета прелой листвы и клетчатой фланелевой рубашой выглядело это до невозможности нелепо. Он вперил в Дину немигающий взгляд мутно-желтых глазок. Вздохнул.

— Выглядит на шестнадцать. Точно. Школьница, местная. Фифа к тому же. Какой класс? Одинадцатый «А»?

— «В», — не успев подумать, ответила Дина и покачнулась.

*Идти страшно. Она с трудом заставляет ноги передвигаться по квадратным плитам школьного двора. Голова опущена, длинная челка падает на лоб, волосы свешиваются на лицо. Под ногами поскрипывает первый ледок. Два шага — плита. Еще два шага — стык — следующая. Она смотрит только под ноги, ежась, словно ожидает удара. Доходит да школьного крыльца и заставляет себя шагнуть на ступеньку. Она не была в школе с конца весны и почти всю осень...*

*Она боится. Ее переполняет злость. На себя — за этот гаденький страх. На несправедливость, которая заставила ее, всеобщую любимицу, самую красивую девочку гимназии № 1001, подниматься сейчас по ступеням школьного крыльца с низко опущенной головой. На родителей, которые обрекли ее на эту пытку.*

— Одиннадцатый «В», гимназия тысяча один, — чужим деревянным голосом отчеканила Дина.

Желтоглазый бомжеватый Доктор печально ухмыльнулся и сплюнул себе — и ей — под ноги.

— Все. Валите отсюда. В школу идите, там, может, дальше вспомнит.

— Спасибо, — прозвучало у Дины над головой.

Оказывается, Алекс стоял прямо за спиной и поддерживал. Она привалилась к нему, не заметив, когда это произошло. Доктор пинком отшвырнул урну в сторону, и дверь магазинчика захлопнулась у Дины перед носом.

— Что это было? Кто он такой?

Она повернулась к Алексу, заглядывая в лицо.

— Доктор? Ну, это его тут так прозвали. Иногда он людей насквозь видит. Умеет задать правильный вопрос. И срабатывает. Иногда.

Алекс посмотрел на нее очень серьезно, пытли-  
во и спросил:

— Что ты вспомнила?

Дина нахмурилась. Отвела глаза. Сунула руки в карманы куртки. Ковырнула выбоинку в асфальте блестящим носком новенького ботинка. Она по-прежнему ничего не понимала, но теперь стало еще хуже: там, в ее воспоминании, она тоже боялась. Вот только не знала — чего?

— Только то, что сказала, но в школу идти не хочу! — наконец ответила она, глядя в сторону, на жалкие скелеты полуголых кленов вдоль тротуара.

— Дин? — Парень мягко коснулся ее плеча. — Школа — единственная ниточка к твоей памяти. Я понимаю, что тебе все кажется полным безумием, но поверь мне, пожалуйста! У тебя есть шанс выбраться отсюда!

«Школа, — шагая за Алексом, думала Дина. — Школа».

Мысль не рождала никаких ассоциаций, кроме стойкого нежелания туда идти. Где ее искать, эту гимназию номер тысяча один?

Перед глазами немедленно возникла табличка черного металла, с названием. Она крепилась к голубой стене длинного двухэтажного здания с большими окнами. В памяти всплыла пальма посреди холла второго этажа, ярко освещенная

солнцем, с подсохшими кончиками метровых листьев. Из черного «ничего» проявились красные кресла актового зала, рядами убегающие в загадочный полумрак, плохо различимые со сцены... Что она делала там, на сцене, в пустом зале?

Дина удивленно моргнула. Актальный зал сменился воспоминанием о каком-то кабинете. За его окнами, за квадратными плитами школьного двора, за частоколом забора и зеленью деревьев шумела широкая дорога. И далеко, за этой дорогой, теснились высотки новых, аляповато-разностильных домов.

Дина снова моргнула и задрала голову. Ну да! Именно таких, что торчали, возносясь десятками этажей над унылыми рядами девятиэтажек, вдоль улицы, по которой они шли сейчас!

«Наверное, Доктор был прав. Воспоминания тянутся, цепляясь одно за другое». Она посмотрела на Алекса и указала на уродливые кирпичные башни.

— Нам туда. На ту улицу. Я помню похожие дома.

— Отлично!

Он потянул ее во дворы с уверенностью, которой сама Дина похвастаться не могла. Но едва они вышли на открытое место из-под давящих серых стен домов, оживилась — город вдруг перестал быть совсем чужим. Пустынное шоссе, молчаливо убегавшее туда, где уже не было видно никаких домов, называлось Выборгским. «Озерки», — мелькнуло в голове. И сразу же стала знакомой застроенная ларьками площадь перед большим торговым

центром. Метро! Метро «Озерки». Шумные поезда. Толпы народа по утрам. Толкотня у эскалаторов. Дина ездила на метро, но очень редко.

Ноги уверенно понесли ее вперед, к неширокой ленте тротуара на другой стороне, за шоссе. Эта сторона дороги обилием кустов и деревьев перед невысокими коттеджами так отличалась от скученной толчеи новостроек напротив. «Школа, — упорно думала Дина, — школа...»



Чугунная калитка, ведущая на школьный двор, стояла распахнутой настежь. В глубине тускло поблескивали стекла больших, точно таких, как в ее воспоминании, окон. На месте оказалась и металлическая табличка: «Муниципальное образовательное учреждение Гимназия № 1001 Выборгского района г. Санкт-Петербурга».

Дина сунула внезапно озябшие руки в карманы. И снова воспоминание обрушилось неожиданно, выдергивая из одной реальности в другую.

*Парусник с невозможно-алыми парусами величаво скользит между распахнутыми сводами моста... Она стоит на парапете набережной, кто-то держит ее сзади, крепко прижимаясь к бедрам... Вокруг несметное количество людей: молодых и не очень, подвыпивших и совершенно трезвых. В небо взлетают и рассыпаются разноцветными искрами огненные шары салюта под оглушительные крики восторга, свист парней и грохот музыки. Она кричит вместе со всеми.*

*Она счастлива. Торжественность действия переполняет ее, крепкие руки, обхватившие бедра, волнуют. Это пока не ее праздник, но осталось недолго: следующим летом она будет здесь снова, в красивом платье, с глупой лентой выпускника, и вот тогда...*

Дина оглянулась. Алекс остановился возле широкого крыльца, настороженно прислушиваясь. Она вдохнула поглубже и потянула на себя тяжелую дверь.

Гулкий вестибюль, забранные в фигурные решетки загоны гардеробных, долгое эхо шагов, рамка и пустая стойка охранника на входе. Дина поежилась. Что она тут делает? Зачем пришла? Открыв рот, чтобы высказать Алексу свои сомнения, она так и застыла: вестибюль, только что пустой, вдруг наполнился разноголосым шумом.

*— Самойлова! — повысив голос, обращается к ней Комариха — Тамара Харитоновна, классный руководитель и по совместительству историчка. — Ты не оглохла? Принесла освобождение?*

*Дина вздыхает и театрально закатывает глаза. Закадычная подруга Люська и одноклассница Мара Кулыгина, стоящие рядом, сдержанно прыскают.*

*— Да принесла я ваше освобождение.*

*Она достает из украшенного стразами, совсем не школьного рюкзака лист бумаги, упакованный в прозрачный файл. На листе под несколькими строчками текста красуются аж две круглые печати и размашистая подпись. Дина небрежно, двумя пальцами, протягивает письмо Комарихе. Там в сотый*



*раз сообщается, что ученицу Самойлову можно освободить от занятий физической культурой в рамках школьной программы ввиду интенсивности ее спортивных тренировок... Но дотошная Комариха требует подтверждения каждую четверть. Она щурится, внимательно изучая написанное, только что на зуб не пробует. Рыжие кудельки волос подрагивают, обрамляя вислые щеки. Губы — в полусъеденной красной помаде — шевелятся.*

*Дина нетерпеливо постукивает аккуратным носком новенькой туфельки по мраморным плитам пола, бросая короткие взгляды в сторону. Там, возле двери в столовую, скрестив на груди руки, прислонившись спиной к стене и поглядывая на Дину со снисходительной улыбкой, стоит он. Дина чувствует, как начинают пылать щеки.*

От накатывающих волнами воспоминаний разболелась голова. Дине показалось, что она сейчас лопнет, что там недостаточно места для всего, что уже вернулось, и того, что оставалось забытым. Кусочки памяти мало что проясняли, только порождали новые и новые вопросы.

— Я фамилию свою вспомнила, — тихо сообщила она Алексу.

Перед глазами все еще стояла фигура незнакомца. Высокий, очень симпатичный, с восточным разрезом глаз. Похож на киноактера или супермодель. С этим парнем ее определенно что-то связывало.

— Надо в канцелярию заглянуть: может, там личное дело есть? Или что-то вроде того? — Алекс не заметил ее задумчивости. — Где она может быть?

— Не уверена... Может, на втором этаже?

Тишина угнетала. Дина напряженно прислушивалась и, казалось, вязла в отсутствии звуков, словно мошка, попавшая в банку с медом. Они поднялись по широкой лестнице, истоптанной сотнями ног, и практически сразу наткнулись на дверь с табличкой «Канцелярия». Алекс вошел внутрь, а Дина остановилась на пороге. Ее взгляд притянула пальма. Та самая, с длинными подсохшими листьями.

— Я сейчас, — пробормотала она Алексу, который копался в широком выдвижном ящике металлического канцелярского шкафа.

— Далеко не уходи, — оглянулся тот и продолжил вытряхивать папки из железной пасти шкафа.

В центральной стене большого вестибюля была только одна двустворчатая дверь. Актальный зал. По обе стороны от нее висели нарядные стенды и чьи-то портреты в одинаковых рамках.

Дина, словно загипнотизированная, потянулась к этой двери, будто за ней скрывались ответы на все вопросы. Ступила в расплывчатый прямоугольник света, аккуратно вычерченный на полу слабым солнечным лучом из холла, и попыталась включить освещение. Оно не работало, но рука нашарила в стороне еще один выключатель, и тот оживил тускло-красные колпачки дежурных ламп вдоль стен. Получились неприятные, немного зловещие багровые сумерки, но какой-никакой, а свет все-таки был. Дина вздохнула и быстро пробежала по проходу до сцены — невысокого помоста с темными полотнищами занавеса по бокам и густо-

розовым в таком освещении белым концертным роялем в центре.

Воспоминание застало ее врасплох, прервав дыхание. Дина покачнулась, слепо глядя в никуда, и навалилась на рояль.

*...Она задыхается. Щеки горят. Губы, кажется, размягчились так, что могут стечь с лица. Чьи-то широкие ладони бродят по ее спине, проскальзывают под джемпер, касаются груди... Нужно сопротивляться, но она не может... Не хочет. Чье-то горячее дыхание щекочет шею, заставляя тело отзываться волнами дрожи, но вовсе не от страха или стыда. Эта дрожь — новая, неподвластная ей особенность вышедшего из подчинения тела.*

— Не надо, — слабо шепчет она, вовсе не желая, чтобы руки и губы остановились.

— А-р-х-ш-а... — шипят губы возле самого уха...

— А-р-х-ш-ш-а! — слишком громко и близко.

Дина содрогнулась, уловив краем глаза шевеление занавеса. Что-то выползло из темного угла, клубясь и бугрясь, еще более темное, чем сама чернота.

Дина закричала. Нечленораздельный вопль рванулся из горла, переходя в режущий уши визг, превращая ее всю в комок животного ужаса. Отчаянным броском преодолев пространство между сценой и креслами, она понеслась прямо через ряды, не разбирая дороги, врезаясь в ручки, спинки и поднятые сиденья, путаясь в собственных ногах, продолжая кричать и не смея оглянуться.

— А-р-р-х-ш-ш-ш! — несло ей в спину.

Впереди распахнулся освещенный прямоугольник двери. Двери, которую она машинально закрыла за собой...

— Дина! Беги!

В зал влетел Алекс — темный силуэт в полоске света.

— Ш-а-р-р-р-х-а-ш, — зашипела Тьма, ворочаясь в партере.

Дина спиной чувствовала ее ледяное движение, тяжелое и неумолимое. Плети щупалец, словно ножки морской звезды, тянулись и мелькали слева, справа, впереди между рядами.

Алекс бежал прямо по этим щупальцам, его ноги по колено утопали в непрозрачной, клубящейся мраком субстанции. Дина запрыгнула на ручку кресла, перешагнула на спинку и, покачиваясь, словно канатоходка, устремилась к выходу прямо по мягкой обивке спинок. Алекс промчался по проходу между рядами и очутился вне поля зрения. А через секунду за ее спиной зазвучала музыка. Странные звуки, немного глуховатые и дребезжащие, сливались в очень знакомую мелодию, нарастая, накатываясь на пустой зал. Дина была уже в дверях, когда смогла заставить себя оглянуться: щупальца Тьмы, извиваясь и рассерженно шипя, уползли во мрак за сценой, далеко огибая рояль и склонившегося над клавиатурой парня. Он продолжал играть Ave Maria, пока шипение не стихло совсем. Тогда он бережно опустил крышку инструмента и спрыгнул со сцены в зал.

В холле, залитом светом из окон, Дина бросилась к нему навстречу. Ноги, руки, губы у нее дро-

жали. Задыхаясь от суеверного ужаса, она прошептала:

— Что это? Что это? Почему?..

— Ш-ш, — Алекс легко, почти невесомо погладил ее по голове, — успокойся. Сюда она не выйдет. Слишком светло.

— Оно почти схватило... почти схватило! — Дина клацнула зубами, едва не прикусив язык, так тряслась челюсть. — Холодное! Живое! Ты видел? Видел?!

Она невольно повторялась.

— Нет. Я ее не вижу. И не чувствую. Только слышу. И она меня, похоже, совсем не замечает.

— Но ты играл! Зачем?

Дина была совершенно сбита с толку.

— Сомневаюсь, что она чего-нибудь боится, но, как я уже говорил, две вещи ей очень не нравятся — солнечный свет и музыка. Даже такая. — Алекс вздохнул. — Зачем же ты пошла туда в одиночку?

— Я же включила свет! Не думала, что оно...

Дина вздрогнула, ее обдало холодком, словно ленивые плети щупалец мрака снова оказались совсем близко.

— Давай уйдем отсюда?

— Давай. Вот, я нашел, тут есть твой адрес. — Алекс вытащил из-за пазухи согнутую вдвое папку. Она оказалась тощей — всего несколько листов бумаги.



По пустому проспекту Энгельса, прямо по трамвайным путям, им навстречу медленно шел человек.

Издалека было не разглядеть, мужчина это или женщина, молодой или старый, но деревянная, неживая походка была заметна даже с такого расстояния.

— «Уходящий», — уверенно прокомментировал Алекс, не дожидаясь, пока человек приблизится.

— В смысле? — равнодушно спросила Дина.

Она так устала, что думать над значением его слов не было никакого желания. Гудели ноги, голова пухла от тревожных мыслей и обрывочных воспоминаний, которые никак не желали сложиться в то, что она приняла бы как незыблемое «я».

— Один из тех, кто ничего не вспомнит и к концу дня исчезнет во тьме. Там, на востоке. Не бойся, они безвредные.

Женщина — а это оказалась женщина средних лет, босая, в ярко-зеленом фланелевом халате — поравнялась с ними, но даже не повернула головы. Она механически переставляла ноги, глядя перед собой совершенно пустыми глазами. Ее лицо, бледное до синевы, помятое и обрюзгшее, абсолютно ничего не выражало.

— Ух, — выдохнула Дина, вспомнив сумасшедшего старика, и обернулась женщине вслед. — Они всегда такие?

— Нет. Некоторые даже разговаривают. Поначалу. Но ближе к вечеру становятся как зомби.

Некоторое время они шли молча.

— Слушай, Алекс, — Дина вдруг сообразила, о чем собиралась его спросить еще до того, как они вошли в школу, — а что ты делаешь в Озерках, если сказал, что живешь в центре?

— А, — Алекс насупился, — вчера был дурацкий день. И закончился он здесь. Я не успел бы вернуться обратно, заночевал у Доктора. Ночью здесь неуютно.

— В смысле день закончился?

Дина непонимающе потерела замолчавшего спутника за рукав.

— Ну, я же говорил тебе, что день для каждого свой? Вот пока я с тобой, мой день будет длиться столько же, сколько и твой. А вчера... — Алекс помрачнел. — Вчера я ничем не успел помочь одному человеку. Он вспоминал слишком медленно, а солнце двигалось слишком быстро...

Девушка непроизвольно ускорила шаг, встревоженно посмотрев в блеклое небо. Солнце будто зацепилось за крышу одной из высоток и никуда не двигалось. До зенита было еще далеко, хотя, судя по ощущениям, оно должно было уже стоять там, прямо над их головами.



— Это здесь.

Алекс сверился с табличкой на стене и завернул за угол длинного кирпичного дома, во двор.

Именно здесь Дина и очнулась на рассвете. Сейчас двор не показался ей таким пугающим, хотя тишина и пустота продолжали нервировать.

— Подожди, я отъеду...

*Выдав дежурную фразу, папа протискивается в машину с водительской стороны. С пассажирской*

*повторить такой трюк невозможно: до зеркала соседского «вольво» каких-то тридцать сантиметров, а двери у «паджеро» широкие. Так что Дина остается ждать, нетерпеливо притопывая.*

*Машин во дворе так много, что они жмутся друг к другу боками. Хозяева вынуждены ставить их максимально близко, чтобы не колесить по кварталу в поисках свободного местечка. Сегодня важный день, опаздывать совсем не годится. Они, как всегда, едут на соревнования первыми, мама появится уже к разминке. Улицы пусты, никаких пробок. Воскресенье, 06:30 утра.*

Дина моргнула — стоянка была пуста. Ни соседского «вольво», ни серебристой «хондочки», ни красного малютки-«смарта», о котором она, кажется, мечтала. Двор без машин казался осиротевшим.

— Мой подъезд.

Дина замерла перед массивной железной дверью. Подняла голову так резко, что хрустнула шея. Все окна выглядели одинаково тусклыми. На седьмом этаже, в пустой квартире, притаились воспоминания. Ей отчаянно не хотелось туда идти. Было до одури, до тошноты страшно.

— На лестнице темно, как мы там пройдем? — нерешительно спросила она, пытаясь оттянуть неизбежное.

Алекс тоже посмотрел вверх, на незастекленные провалы балконов черной лестницы, уходившие до самой крыши.

— Мы побежим. На каждом этаже — балкон. Двери будем оставлять открытыми. По утрам оно



еще медлительное, после полудня станет намного опаснее. Готова?

«Нет! — хотелось крикнуть Дине. — Не хочу!» Она не знала, что пугало больше: осколочные воспоминания или новая встреча с ужасом, сотканным из ледяного мрака. Почему нельзя оставить все как есть? Подождать: может быть, того, что она уже вспомнила, хватит, чтобы вернуться? А как же папа? Ведь она даже не смогла вспомнить его лица. Запах — вспомнила. Серую, в мелкую полоску рубашку — вспомнила. А лицо — нет. А мама? Ведь у нее была мама? В голове нашлось только слово. Пустое, знакомое по смыслу, но ничего не содержавшее внутри. И еще одно, мучительное и непонятное: что такого ужасного она могла натворить, раз так боялась идти в школу в своем первом воспоминании?

— Готова!

Дина решительно кивнула, преодолевая страх, словно барьер.

*...Галоп у Гардемарина мягкий, ровный. Они прошли маршрут чисто, и Дина, переводя коня в рысь, оглядывается. Елена Ивановна поднимает планку. Что она ставит, Дине не видно, но сердце замирает: еще выше? Как? Ей и эти метр двадцать прыгать страшиновато...*

— Елена Ивановна, — робко блеет Дина, направляя Гардемарина к тренеру, — не высоко?

— Прошагни кружок, пока я не закончу, — отзывается Елена Ивановна (за глаза — Елена Прекрасная), словно и не расслышала вопроса. Она перекашивает жерди-подсказки, лежащие на земле перед

барьером, и быстрым уверенным шагом направляется к следующему.

Дина нервно охлопывает горячую Гардемаринову шею. Конь фыркает, вытягивает ее на всю длину ослабленного повода и широко шагает вдоль стенки манежа.

Сто тридцать. Дина холодеет. Напрягается спина, начинают ныть сведенные страхом плечи.

— Чего скрючилась? — Тренер умудряется видеть даже затылком. — А ну, разожмись! Я на пять сантиметров всего подняла. Линейку представь. И где там эти сантиметры? Вы их даже не замечаете.

Но Дине страшно. Она неуверенно набирает повод. Гардемарин чувствует эту неуверенность, топчется на подъеме в галоп, заходит на первый барьер неловко, снимается слишком близко, а навстречу уже несется второй... Дина не контролирует себя, не контролирует коня. Препятствие вырастает перед глазами, и кажется, что оно выше холки коня. Повал! Жерди с грохотом валятся за спиной, Гардемарин спотыкается на приземлении, Дина съезжает ему на холку, упираясь руками в шею. Конь — умница-конь — останавливается сам.

Лицо тренера ничего хорошего не сулит. Она смотрит, как Дина, пыхтя, заползает обратно в седло. Кровь прилила к лицу и шумит в ушах.

— Зачем коня сбила? Боишься? Слезай и отправляйся домой, крестиком вышивать! — рычит Елена Прекрасная.

— Нет! — бормочет себе под нос Дина сквозь закипающие слезы и упрямо мотает головой.

— А нет, тогда прыгай, как положено! — орет тренер во всю луженую глотку. — И нечего тут из себя недоτροгу строить!

До скрипа стиснув зубы, Дина посылает Гардемарина вперед.

Темп галопа. Темп. Темп — прыжок! Пять темпов — еще один! Еще! Красно-белые, фиолетовые с желтым, бело-черные «березки» — жерди наплывают и остаются позади.

— Похвали коня, — устало и недовольно бурчит Елена Ивановна. — Чисто прошли. Отшагивайтесь.

Страх исчез, словно позорного момента и не было никогда. Дина улыбается во весь рот, готовая прыгнуть и сто сорок, но Елена уходит, сердито качая головой.

Осмысливать новые воспоминания было некогда. Дина рывком дернула дверь на себя и понеслась сквозь темноту наверх.

— Постой, отдышись. — Алекс придержал ее на площадке балкона. Заглянул внутрь подъезда, на лестницу, задирая голову. — Тихо. Бежим?

Открытая дверь давала совсем немного света на первый пролет, но дальше царила все та же темнота. Семь этажей, словно семь барьеров, и каждый — выше предыдущего. Дина неслась через три ступеньки, не глядя под ноги. Сердце стучало так, что заглушало и грохот ботинок, и любой «а-р-х-ш», если бы тот возник. Дина пулей влетела на свой полутемный этаж и с размаху впечаталась в дверь квартиры. Незапертая, она распахнулась,

глухо стукнув о стену. Следом в прихожую ввалился Алекс.

Запах. Он заполнил все ее существо, заставив замереть посреди прихожей и закрыть глаза. В квартире было светло и тепло. И запах тоже был теплым. Бесконечно родным.

— Ого! — уважительно пробормотал Алекс, оглядываясь кругом. — А ты не из бедных!

Дина открыла глаза. Пожала плечами. Квартира была большой, верно. Соединили двушку с трешкой. Долго делали ремонт. Это она вспомнила, едва коснулась двери подъезда. Как и то, что жили они здесь всего два года. Она присела снять ботинки, да так и замерла, пораженная внезапной нелепостью этого действия.

— И что я должна делать? — внезапно рассердилась Дина.

— Не знаю, — растерялся Алекс. — Пройдись по комнатам. Хочешь, я здесь подожду?

— Нет уж! — отрезала она. — Я не хочу быть одна! Пошли.

В гостиной, залитой светом из больших окон полукруглого эркера, сиротливо поникли засохшие розы в белой напольной вазе. Кто их принес? Когда? Дина прошла по комнате, осторожно прикоснулась к гладкой поверхности стола, провела пальцами. Тронула шершавую обивку дивана. Пальцы обладали собственной памятью: они узнали и эту гладкость, и эти короткие шерстинки бежевой обивки. Ноги помнили, когда перешагнуть железную пластинку порога, чтобы не запнуться, им был знаком переход со светлого

ламината на серо-голубую шероховатую плитку в коридоре...

Двери в родительскую спальню были закрыты. Дина потянула обе створки, и они бесшумно разошлись в стороны. На прикроватной тумбе с маминной стороны стояла красивая серебряная рамка для фотографий. Овальные вырезы паспарту обнимали три снимка. Мамин, папин и ее, Динин, — первоклашки с глупым бантом на макушке. А над большой кроватью половину стены занимал этот ужасный портрет.

— Это ведь ты! — восхищенно утвердил Алекс, уставившись на картину.

Считалось, что портрет очень хорош. Папин друг, художник, писал его на заказ. На холсте Дина прильнула к шее Гардемарины, ее волосы перепутались с прядями его гривы, спадая золотисто-черным водопадом. Она смеялась, довольная и очень красивая.

Вид картины вызвал у Дины гнев и тошноту, совершенно непонятно почему.

— Я, да. Пошли отсюда, — пробормотала она.

В душе поднималось что-то гадкое, черное и страшное. Что-то, чего она не хотела знать.

Дальше по коридору была дверь в ее комнату. Дина помедлила на пороге, не решаясь войти внутрь. Алекс стоял прямо за спиной и терпеливо ждал.

В светлой и чистой комнате было пусто, как если бы кто-то только въехал сюда и не успел до конца распаковать и расставить по местам вещи. Дине показалось, что здесь чего-то не хватает.

С кровати свешивал сиреневые уши большой плюшевый заяц. Она не помнила, откуда он взялся. Широкий застекленный шкаф занимали аккуратно расставленные книги. Дверь в гардеробную была раздвинута, обувь и пустые коробки валялись на полу, словно здесь что-то неаккуратно искали...

Взгляд зацепился за плоскую коробочку, лежавшую на краю стола. Дина нахмурилась, не сразу вспомнив, что это такое, а когда сообразила, схватила мобильник обеими руками. Привычная тяжесть в ладонях подействовала успокаивающе. Как будто включился дремавший до сих пор механизм защиты, и теперь, стоит лишь набрать нужный номер, все проблемы мгновенно разрешатся сами собой.

Дина посмотрела на Алекса и радостно сообщила:

— Телефон! Алекс, смотри!

Она давила и давила на кнопку запуска, но стеклянный экран не оживал.

— Блин! Разряжен, — огорченно пробормотала Дина и снова обернулась к Алексу в безумной надежде, что сейчас он сделает что-то (ведь можно же что-то сделать!), и телефон воскреснет вместе с телефонной книгой, сайтами и чатами, со всеми голосами, до которых всего ничего — несколько легких прикосновений к экрану.

Выражение лица Алекса — смесь неловкости и досады — сначала удивило, и только через долгую секунду до Дины начала доходить абсурдность ее поведения. Куда звонить? Кому? В сто двенадцать? Спасите, я забыла все на свете?

Словно прочитав ее мысли, Алекс заговорил. Осторожное сочувствие в голосе, как будто он обращался к сумасшедшей, вызвало у Дины приступ раздражения.

— Ты не расстраивайся. Все равно не заработает, даже если найти электричество и зарядить. Беспольная игрушка. Компьютеры, телевизоры, телефоны — все сдохло.

— Ну и ладно! — с деланным равнодушием отозвалась Дина и небрежно швырнула мобильник на кровать.

На самом деле ей хотелось зареветь от острого разочарования. Слишком сильна оказалась иллюзия безопасности, слишком больно оказалось ее терять.

Чтобы переключиться, опять огляделась. Взгляд вернулся к двери гардероба. Отпихнув в сторону белую кроссовку и туфли, Дина потянула ее в сторону. Полотно, чуть слышно скрипнув роликами, послушно поехало вбок и закрыло пространство, забитое вешалками и полками. Зеркало. Большое, в пол, зеркало служило здесь дверью, а сейчас вместо него была лишь сероватая фанерная стенка с косой царапиной, грубо пропахавшей середину полотна. Дина растерянно оглянулась на Алекса, как будто тот мог подсказать ей, куда оно подевалось.

*...Она медленно, очень медленно застегивает молнию и задвигает дверь, встречаясь глазами со своим отражением. Вздрагивает. Отворачивается. Снова вздрагивает, зная, что никогда к нему не привык-*

*нет! Нос искривлен горбинкой. Эта горбинка — целый горб — никуда не собирается исчезать вопреки обещаниям врачей, но не это главное. Собранные на скобах кости правой скулы и нижней челюсти, наверное, не настолько кривы, какими их делают шрамы — уродливые багровые полосы, которые не замаскировать никакому тональному крему. Правый глаз до сих пор иногда слезится, и совершенно невозможно улыбаться, хотя мама и утверждает, что мышцы придут в норму, нужно только потерпеть... Потерпеть!*

*Из зеркала на Дину смотрит отвратительная калекка. Уродина. Страшилище. И мамино: «Все поправимо, дай только время. Главное, что ты осталась жива!» — звучит для Дины как издевка. Жива? А зачем?*

*Дина завешивает лицо волосами, наклоняет голову и косит в зеркало одним глазом из-под длинной челки. Кошмар!*

*— Дочура, ты где? Опоздаем! — зовет из прихожей папа.*

*«Опоздаем? Я должна спешить, по-вашему?» Она не произносит это вслух, и слова, оставаясь в груди, заливают сердце язвительной горечью пополам со страхом перед поездкой в школу. Дина хватает со столика тяжелые часы в бронзовом корпусе и со всей силы запускает в зеркальную стену. Та распадается на острые хищные куски и с глухим звоном осыпается на светлый паркет. Последним летит на пол большой нижний кусок, разлетаясь брызгами осколков. Испуганно вскрикивает в коридоре мама, но Дине все равно. В комнате повисает хрупкая тишина, в которой чуть слышно, мерными уколами*



*ножа в сердце, отсчитывает секунды ее новой жизни тиканье неповрежденных часов.*

Дина попятилась и плюхнулась на кровать, придавив телефон и несчастного зайца. Ее трясло, будто в ознобе. Хотелось забраться под мягкий бежевый плед, на котором она сидела. Тяжелый теплый плед. Накрыться с головой и забыть обо всем, свернувшись калачиком в крохотной норке «домика» — иллюзорного островка безопасности и покоя.

— Ты что-то вспомнила? — осторожно спросил Алекс, тревожно вглядываясь ей в лицо.

Дина опустила глаза.

— Да, — голос прозвучал глухо, — вспомнила. Скажи, — она подняла голову, — я красивая?

Алекс ошарашенно моргнул.

— Какое это имеет значение?

— Как я выгляжу?!

Дина вскочила, почти крича.

Алекс сделал шаг назад, словно защищаясь от волны ее ярости.

— Даже лучше, чем на той картине. — Он вдруг покраснел. — Ты красивая. Очень.

Дина оттолкнула его с дороги и бросилась в родительскую спальню. Распахнула дверь мамино-го гардероба — целой комнатки с узким окном — и уставилась в зеркало. У нее закружилась голова. Два отражения накладывались друг на друга, и оба казались нереальными. Уродливое, только что выплывшее из памяти, и обычное — немного испуганная, но симпатичная девчонка с вытаращенными

зелеными глазами. Та же самая, которая хмурилась утром в магазине.

— Ничего не понимаю, — прошептала зеркалу Дина, коснувшись кончиками пальцев равнодушной поверхности стекла.

Она вернулась к Алексу, с порога еще раз оглядев свою комнату. Пустые стены вызвали внутренний протест, их определенно должно было что-то украшать. А этот стеллаж возле стола — почему он пуст? Какое-то воспоминание томилось на самой границе сознания, но так и не прорвалось наружу. Дина развернулась и пошла к кухне, позвав Алекса:

— Давай поищем попить? У меня в горле сухо, как в Сахаре.



Кухня — это был мамин мир. Ее королевство. Ее убежище, как папин кабинет или Динина комната. По вечерам они втроем собирались в столовой и мама, откатив раздвижную дверь матового стекла, разделявшую кухню и столовую, кормила своих родных чем-нибудь необычайно вкусным.

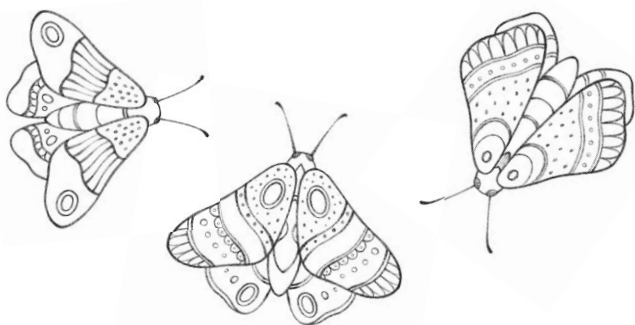
Дина едва не расплакалась, перешагнув порог. На спинке стула, небрежно брошенный, висел голубой мамин фартук — кокетливый и всегда чистый. Она стянула его и прижала к лицу. Пахло мамой. Не той строгой леди в бежевом брючном костюме, на неизменных шпильках, какой она бывала по утрам, уходя на работу, а той, что, мило фальшивя, напевала мотивчики любимых песен, колдуя над очередным кулинарным шедевром...

«Диночка-льдиночка», — часто приговаривала она, и зеленые, такие же яркие, как у Дины, глаза светились любовью.

Алекс тронул ее за плечо, и Дина опомнилась. Сморгнула набежавшие слезы.

— Прости, — он смущенно улыбнулся, — у тебя мало времени. Смотри.

Дина выглянула в окно. Размытый кружок солнца почти поднялся в зенит.



## Глава 2

# ДЕНЬ

В буфете нашлась папина минералка и пара бутылок «Эвиан». Дина потянулась за своей любимой чашкой...

*Это не истерика. А если и истерика, то какая-то новая разновидность. За последние месяцы их было немало. Посреди комнаты стоит большая коробка из-под купленного совсем недавно пылесоса. Дина снимает со стены очередную рамку, вынимает фотографию — Гардемарин запечатлен в момент прыжка, сосредоточенная Дина составляет с концом одно целое, — рвет ее на мелкие куски. Обрывки падают в коробку с сухим шорохом. Она ломает рамку и отправляет туда же. Тянется за следующей. Методично и холодно. Коробку заполняет ворох глянцевых обрывков, разбитые статуэтки, смятые грамоты, ленточки медалей, кубки и даже брелок*

*с тремя подковками, снятый с ключей от дома. Все, что связывает ее с лошадьми. Если бы можно было разорвать в клочья и швырнуть в коробку саму память о семи годах тренировок, она сделала бы и это. В Дининой душе нет и следа той черной ярости, которая сжигала ее в больнице. Только холодная сухая готовность.*

*Она слышит, как мама то и дело тихо подходит к двери, но войти не решается. «И правильно! — зло думает Дина. — Нечего здесь делать! Не лезь ко мне. Я все сказала!» Ее передергивает от мысли, что придется — не сейчас, так позже — снова увидеть мамин взгляд. Сочувствующий. Ужасающийся. Страдающий. Глаза не умеют лгать. «Не лезь, не лезь, не лезь!» — как мантру, повторяет Дина, продолжая методично опустошать комнату.*

*«Его усыпили? — полыхая гневом, прохрипела она, едва смогла шевелить губами. — Усыпите! Усыпите!»*

*Это прошло. Но сейчас Дина настроена твердо. Гардемарин — ее конь. Он ее предал, изуродовал. Он должен исчезнуть из ее жизни навсегда. «Продайте!» — поставила она ультиматум родителям и заперлась у себя в комнате. Обрывки прежней жизни сухо шелестят, падая в коробку из-под нового пылесоса.*

Дина сфокусировала взгляд на чашке: цепочка серебряных трензелей\* растянулась по белому фарфору вдоль ободка. Ей было так много лет, что

---

\* Трензель — приспособление к удилам для сдерживания горячих лошадей. *Прим. ред.*

Дина давно перестала замечать рисунок, и чашка выжила...

— Мне нужно попасть в конюшню, — сухим от жажды голосом сообщила она Алексу, продолжая смотреть на маленькие полустертые «восьмерки». Вспомнила, как охотно брал настоящий, тяжеленький трензель Гардемарин, мягко касаясь ладони теплыми губами...

— Куда? — изумился Алекс, пока Дина глотала, давясь от подступивших рыданий, пресную, лишённую вкуса и запаха воду с далеких альпийских ледников.

— Это на Крестовском. Недалеко от метро, — выдавила она.

Воспоминания душили. Воспоминания пугали. Она не могла ни поверить, ни принять того, что сгусток злобы и боли принадлежит ей самой. Что она вообще способна испытывать такую ненависть. И к кому? К родителям. К животному, собственному коню, который терпеливо и бережно носил ее на своей спине годы. Почему? За что? Ей нужно было это понять, и к черту дурацкое солнце, кажется, ускорившее бег!

*У него густая грива. Слишком длинная для спортивной лошади, которой приходится весь сезон выезжать на старты. Слишком густая, чтобы каждый раз заплетать десятки косичек, сворачивая их в толстые «шиишки», как это делают у выездковых лошадей.*

*Дина неумолима, на все просьбы коновода она отвечает: подровнять и продернуть можно, а стричь — нет! Ни за что!*

*Гардемарин полностью с ней согласен: встряхивает воронными прядями, отгоняя назойливую муху, ласково косит карим глазом, в котором плавится медовый отсвет полуденного солнца. Дина смеется, расчесывает гриву тяжелым металлическим гребнем, перекладывает на левую, «правильную» сторону. Ближе к затылку уже не дотянуться, Гардемарин слишком высокий, но никакие подставки Дине не нужны. Умница-конь опускает голову, вытягивая шею вперед, и дружелюбно фыркает. Кусок морковки перекочевывает из кармана жилета в теплые лошадиные губы. «Хороший мальчик», — шепчет ему на ухо Дина, оглаживая бархатную шкуру шеи.*

Жаркое, до замирания сердца, чувство безграничной любви к коню продолжило сжимать грудь и тогда, когда воспоминание отступило. Чувство, когда-то жившее в каждом вдохе, в каждой мысли, никак не вязалось с другим — ненависти и гнева. Дина должна была узнать, что еще скрывает беспмятство, без этого никогда не получится опять стать собой. Страх снова шевельнулся в груди, словно живой, сдавил сердце. Не давая ему времени, она мрачно спросила Алекса:

— Так что? Идем?

— Конечно. Именно туда тебе к ночи надо добраться. На Крестовский остров. Не знал, что там есть конюшня.

Алекс вышел в прихожую, выглянул из квартиры.

— Ты ничего не слышишь? — насторожилась Дина.

— Нет. Тихо. На лестнице не должно быть слишком темно, я оставил все балконные двери открытыми.

Дина запомнила только сумасшедший бег по ступеням. Что там делал Алекс с дверьми, даже не заметила. К тому же ей казалось, что они провели дома целую вечность, а бег по лестнице был давно. Давно и неправда.

Они успели спуститься только одним этажом ниже, когда гулкое «р-ш-ш-ш-а» — жадное и нетерпеливое — заполнило мрак лестницы, взлетая откуда-то снизу, проносясь мимо них и исчезая на верхних этажах. Доводчики! Проклятые механизмы послушно закрыли двери на балконы!

Что-то коснулось ее ноги в районе щиколотки, Дина взвизгнула и пулей выскочила на балкон, к свету.

«Р-ш-ш-ш-а-р!» — почти обиженно рявкнула Тьма.

— Блин! — в сердцах ругнулся Алекс, выскакивая следом и захлопывая дверь. — Жди меня здесь. Я спущусь, все открою, только найду, чем двери подпереть.

Дину трясло. Челюсть прыгала, зубы постукивали друг о друга.

— Нет! Не уходи! — Она вцепилась в рукав его толстовки. — Подожди!

Этот страх был сильнее ее, нелогичный, по-настоящему животный, такой, что свело мышцы живота и неожиданно захотелось в туалет.

Алекс остановился.

— Ладно. Подыши.



Он перегнулся через перила и посмотрел вниз с высоты шестого этажа. Дина, все еще держась одной рукой за его рукав, заглянула туда же и отпрянула: закружилась голова. Она не помнила, чтобы когда-то боялась высоты, но ведь она много чего не помнила о себе.

Пока Алекс спускался и открывал двери, Дина прижималась спиной к холодным кирпичам простенка на балконе и пыталась унять дрожь. От страха, от напряжения постоянно приподнятых плеч ныли мышцы. Голова разрывалась от суматошных мыслей и обрывочных воспоминаний. Мама, папа, школа, Гардемарин, поцелуи в актовом зале... Что случилось? Как и почему она оказалась в этой ужасной копии родного города? Что с ней не так?

*— Дура ты, Дин, — наставительно вещает Люська — Еремеева Люда, с которой Дина сблизилась неожиданно быстро, буквально с первых дней в новой школе. — Проще надо быть. Нравится — бери. Сможешь взять — и все, оно твое. А всякие моральные страдашки — для простаков. Лъзя-нельзя, могу ли я? Магнолия! Ты можешь все! Все, чего действительно хочешь! А ушами пусть идиоты хлопают.*

Дина зачарованно смотрит, как преобразается Люськино лицо. Подруга успела накрасить только один глаз, и удлинённые тушью, красиво загнутые, аккуратно расчесанные ресницы делают его загадочным и глубоким. Второй, пока не накрашенный, выглядит бедненько — обычный серый глаз в рыжеватых прямых стрелочках ресниц.

— Ну ты даешь, — пытается робко возразить Дина. — Есть же правила, законы, в конце концов, и вообще — родители имеют право...

Люська восхищает своей уверенностью. Спорить с ней Дина не хочет, она хочет так же спокойно делать все что вздумается, не терзаясь никакими угрызениями совести, но промолчать не получается. Ей боязно и немного стыдно.

— Дети тоже имеют права, зайка моя! Особенно если им уже шестнадцать! Ты что, до старости у них разрешения спрашивать собираешься?

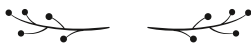
Они собираются в ночной клуб, где Дина не бывала ни разу. Люськин отец умчал в командировку, а бабушка попала в больницу, так что мама отпустила Дину к Люське с ночевкой без задней мысли. По широкой Люськиной кровати раскидана косметика, дверцы шкафа открыты настежь, демонстрируя пестрый ворох имиток, подруга гримасничает перед зеркалом, приоткрыв рот, а Дина замерла на краю кровати, охваченная страхом и нетерпением, словно перед экзаменом.

При чем здесь Люська? С чего она вдруг пришла ей в голову? Дина вздрогнула: за дверью коротко стукнуло, и она распахнулась во всю ширь. Алекс подsunул под нее тяжелый черный ботинок слоновьего размера (и где только такой откопал?).

— Думаю, можно идти.

Он протянул Дине руку.

Сердце кувыркнулось у нее в груди, а потом застучало быстро-быстро, но Дина крепко сжала протянутую ладонь и перешагнула через порог.



Теперь все вокруг было знакомо до мелочей. Дома, магазины, кафешка на углу. И от этого блеклая, подернутая серой патиной улица выглядела совсем уже неприятно, как будто асфальт щедро поделился с окружающим пейзажем своей пылью. При мысли, что придется прошагать через половину опустевшего города пешком, Дине стало жутко. На конюшню ее возил папа. Реже — мама, а папа забирал после тренировки. И даже на машине дорога занимала изрядное количество времени.

Они снова свернули на проспект Энгельса, двигаясь туда, где еще сохранились одинаковые, словно близнецы, пятиэтажные дома, и конца им не было видно. Энгельса длинный, зато приведет куда надо кратчайшим путем, насколько помнила Дина. Да и Алекс не возразил.

Она ссутулилась под тяжестью воспоминаний, которые настойчиво прокручивались одними и теми же эпизодами в голове, но так и оставались непонятными, словно чужими. Слишком многих кусочков не доставало в сложной мозаике.

Чтобы отвлечься, она спросила:

— А откуда ты узнал, что умеешь играть на рояле, если ничего не помнишь?

Алекс пожал плечами. У него это получилось неловко, словно бы виновато.

— Да я и не знал. Просто увидел однажды инструмент, тоже в школе, кстати, только в центре, и так захотелось прикоснуться к клавишам. А руки сами... — он помедлил, — не знаю, как объяснить. Не только

руки. Музыка живет где-то во мне. Если я начинаю играть, сразу вспоминаю и автора, и всю партию. Вот только откуда я это знаю, не вспоминается...

— Поняла, — кивнула Дина. — Когда я вспомнила Гардемарина, коня, я сразу знала, как нужно сидеть, что делать. Прямо все, что с этим связано, пачкой. Так, может, ты не безнадежен? Просто твой день...

— Я провел здесь слишком много дней, Дина, — горько оборвал ее Алекс. — И своих, и чужих.

— Но не можешь же ты оставаться здесь вечно? — не сдалась Дина.

— Не могу. И не останусь. Дольше меня здесь только Доктор, остальные уже ушли...

Алекс усталился себе под ноги, не поворачивая головы.

— Куда? — Дина опередила его и пошла задом наперед, стараясь заглянуть в лицо. — Как это бывает с такими, как ты?

Он нахмурился. Дрогнули губы.

— Однажды к вечеру я просто забуду все, что здесь было, и поверну на восток, как та безумная женщина. Наверное, даже неважно, в каком месте меня застигнет ночь, — к утру меня здесь уже не будет. И я чувствую, это случится скоро. Видишь?

Алекс вытянул вперед руку — кисть едва заметно подрагивала и вдруг замерцала так же, как это случалось с его лицом.

— Раньше такого не было, — тихо произнес он.

— Нет! Ты должен вспомнить! Это неправильно, что ты всем помогаешь, а сам пропадешь! — горячо возразила Дина, схватив эту мерцающую ладонь, на ощупь — самую обыкновенную.

— Думаешь, я не пытался? — с горечью отозвался Алекс, мягко высвобождая руку из горячих Дининых пальцев. — Когда я играю, а играю я каждую ночь, чтобы не слышать... — он запнулся, — что-то пытается пробиться, что-то оказывается совсем рядом, какой-то свет, запах... Но этим все и заканчивается. А утром снова иду искать тех, кому можно помочь вспомнить. Иногда — тех, за кем охотится Тьма, иногда — просто кого-то, потерянно бредущего на запад. В какие-то дни не встречаю никого, и это плохие дни. Пустые и длинные.

Дина нахмурилась, пытаясь подобрать слова. Ей не понравилось, что Алекс вроде как смирился с тем, что его ожидает. Но что она могла сделать? Так и не отыскав нужных слов, решила вернуться к разговору о музыке:

— Не уверена, но, кажется, я совершенно не разбираюсь в классике. Всякие там Шопены и Бахи... Не цепляет.

Алекс даже притормозил немного, изумленно уставившись на нее.

— Ну ты даешь! Всякие там... — передразнил он. — Кроме того, что оба — великие композиторы, нет в них ничего общего. Но как можно сказать о классической музыке «не цепляет»?

Похоже, Дина задела его за живое. Ну и славно! А то шел потухший какой-то. И так страшно, а тут твой проводник нос вешает. Она тихонько улыбнулась, опустив голову. А Алекс успокаиваться не собирался.

— Чтобы что-то не любить, это хотя бы нужно знать, — проворчал он.

— Ой, ну так просвети меня! Что такого в твоей классике особенного? Мне вот нравится LP, например. Голос классный, и песни пишет крутые. А что Моцарт твой?

— Моцарт — не мой. А Лаура Перголицци, к твоему сведению, дочь оперной певицы, так что без влияния классической музыки тут не обошлось! Я же не говорил, что поп-музыка — это плохо. Я просто пытался сказать, что нельзя пренебрежительно отмахиваться от того, чего не знаешь.

— Ладно, — примирительным тоном согласилась Дина, — расскажи мне, что тебе нравится? Кто твой любимый автор, из классиков?

Алекс вздохнул.

— Композитор. Шуберт. Он — музыкальный романтик. Во многом. Есть, конечно, и у него вещи не слишком романтические.

— А то, что ты в школе играл, «Аве Мария», да? Кто написал?

Дине было по большому счету все равно, кто ее сочинил, но, как сказал Алекс, «говори, так лучше вспоминается». Чем черт не шутит? Вдруг и он что-то о себе вспомнит? Помнит же вот про Шуберта своего.

Алекс снова вздохнул и уставился на Дину. Она решила, что именно так родственники смотрят на неизлечимо больного, стоя возле его постели.

— Ave Maria тоже написал Шуберт, Дина.

— Да ладно? — искренне удивилась она. — Ты же сказал — романтик. Я думала, менуэты всякие или там романсы...

— Стоп. Ты меня убиваешь прямо. — Алекс тряхнул головой. — Может, сменим тему?

— Почему? Ну согласна, я темная совсем. Сделай скидку на то, что я вообще мало что помню. Есть же у тебя что-то, что ты особенно любишь? — зашла Дина с другой стороны.

Ей показалось, что тема как раз самая удачная. Алекс оживился, на лице, если забыть о периодическом мерцании, проступил румянец.

— Есть, — задумчиво отозвался он после короткой паузы. — Очень странная вещь. Она у меня в голове все время крутится... «Лесной царь» называется. Я про эту балладу много чего знаю, только не понимаю почему.

— Значит, у тебя с ней многое связано?

Дина стиснула его руку, ожидая, что память вот-вот прорвется к Алексу.

— Наверное... — Он несмело ответил на пожатие, но продолжил идти вперед, не меняя темп. — Это довольно страшная история. Написал балладу Гёте, а Шуберт так впечатлился, что сочинил музыку. И был он тогда примерно моим ровесником. Ну предположительно, я ведь точно не знаю, сколько мне лет.

— И что тут страшного? — не поняла Дина.

— Да нет, сама баллада — страшная. Там отец везет больного мальчика к врачу, ночью, через лес, а малыш всю дорогу бредит, ему кажется, что злой дух хочет забрать его с собой. Он просит отца о помощи, а тот не понимает. Когда наконец они подъезжают к дому врача, мальчик оказывается мертвым. Лесной царь все-таки забрал его...

— Короче, все умерли. — Дина передернулась. — Совсем как здесь: какая-то жуткая хрень пытается

меня забрать. Слушай, как вообще можно написать музыку вот на это?

— В том-то и гениальность композитора! Ты слушаешь и просто видишь несущегося коня, слышишь грохот копыт, вкрадчивый шепот Лесного царя, детский стон.

— Ой, не надо про шепот! — Дина вздрогнула и оглянулась.

— Прости.

Алекс вслед за ней оглядел пустынную улицу.

Вокруг по-прежнему было тихо. Слишком тихо, чтобы расслабляться. Дина принялась вглядываться в окна домов, но за стеклами ничто не шевелилось, они были однообразно мертвы. Разговор угас сам собой, и дальше они пошли молча, думая каждый о своем.



— Опачки! Ну наконец-то!

Он спрыгнул с пандуса «Пятерочки», занимавшей первый этаж пятиэтажки, прямо перед ними. Щеголевато одетый верзила, выглядевший в дорогах шмотках до абсурда нелепо. Дина даже удивиться не успела.

— Черт! — пробормотал Алекс сквозь зубы, задвигая ее себе за спину.

Дина, от неожиданности едва не запутавшаяся в собственных ногах, выглянула из-за его плеча.

В распахнутом ворота белой рубахи верзилы красовался замысловатый вензель синей татуировки. Самый краешек. Остальное пряталось под



тканью. Кисти рук тоже были в наколках. Щеки и подбородок заросли густой рыжей щетиной, а голова напоминала шар для боулинга — ни одного волоска. К нижней губе прилипла вяло тлеющая сигарета и противно шевелилась, когда незнакомец говорил. От сильного запаха мужского парфюма в смеси с табачным дымом и алкогольной вонью Дину едва не стошнило.

— Чего молчим? На истуканов вроде не похожи.

Парень подошел к Алексу вплотную развинченной, неестественной походкой, и стало очень заметно, насколько он выше и крупнее.

На взгляд Дины, верзиле было под тридцать, и выглядел он расфуфыренной пародией на бандюгана из дешевых сериалов.

Выпустив дым из ноздрей, бандюган плевком отправил окурок в недалекий полет и представился:

— Витек.

Но руки не протянул.

— Дай нам пройти, Витек, — напряженно произнес Алекс.

— Да ладно! Я думал, что один нормальный тут кайфую, третий день одни дебилы попадают, зомбаки какие-то. Не, пацан, куда же ты собрался? Что, и с девушкой не познакомишь?

Витек мерзко хохотнул.

Теперь напряглась и Дина, почувствовав на себе ошупывающий, оценивающий взгляд Витька.

— Дай пройти, — глухо повторил Алекс.

— Не-а, — лениво ответил Витек. — Ты, ботан, можешь идти, а девушка остается.

Он легонько толкнул Алекса в грудь растопыренной пятерней. Парнишка пошатнулся, наваливаясь на Дину. Она подперла спину Алекса, отставив ногу для равновесия, даже не задумываясь. Машинально.

— Дина, беги! — выдохнул Алекс, одновременно бросаясь на здорового Витька.

«Ага, конечно!» — проскочило у нее в голове донельзя язвительное. Лихорадочно озираясь, она натолкнулась взглядом на бутылку, которая валялась у пандуса. Квадратную коричневую бутылку, похожую на ту, в которых продается дорогой виски. Удивляться неизвестно откуда выплывшим познаниям об алкоголе было некогда.

— Х-э-х, — выдохнул за спиной кто-то из сцепившихся парней.

Послышался звук глухого удара или падения. Дина схватила бутылку за горлышко и развернулась.

Алекс лежал спиной на асфальте. Верзила сидел сверху и метил ему в лицо татуированным кулачищем. «В-и-т-е-к» — синели жирные буквы над побелевшими костяшками.

Пальцы Дины до боли сжались на скользком и влажном горлышке бутылки. Время застыло, застыл распятый под тушей Витька Алекс, застыл сам Витек с занесенным для удара кулаком, застыла Дина.словно муха, пойманная в липкую паутину, она сражалась с очевидным и совершенно невозможным: нужно было поднять руку и ударить. Ударить человека. По голове. Желательно так, чтобы кулак бритоголового Витька, свернувший в улитки толстые пальцы, безвольно упал, разжавшись.

— Дина, помоги! — что есть силы орет Сонечка, ее лучшая подруга. Голос у нее писклявый, слабенький. Дина замирает посреди большого двора, не решаясь сделать даже шаг в сторону драки. Трое старших ребят пинают упавшего на землю Сонечкиного брата, а она, такая же шестилетка, как и Дина, яростно вцепившись в одного из них, пытается оттащить его в сторону.

— Дина! — в голосе Сонечки слезы и отчаяние.

Мальчишка стряхивает ее с себя, девочка падает, отлетает в сторону голубой сандалик, но она тут же поднимается и снова вцепляется мальчишке в ногу, повисая на ней всем телом...

Дина делает маленький робкий шагжок вперед, и один из мальчишек оборачивается. У него бешеные, совсем побелевшие глаза. Сжатый кулак — в крови. Этот окровавленный кулак поднимается и грозит Дине, а потом одним ударом отбрасывает Сонечку прочь, словно куклу. И, словно кукла, Сонечка остается лежать посреди двора в перепачканном грязью сиреневом платье...

Июньское солнце по-прежнему ласково пригревает Дине затылок, возле песочницы и горки клубятся невесомые «сугробы» тополиного пуха, а Сонечка все лежит на земле лицом вниз и больше не пытается помочь брату.

Дина разворачивается и опрометью бросается к дому. Когда на ее крики сбегаются взрослые, драка уже прекратилась. Только сидит возле железной горки, покачиваясь и держась руками за живот, Борька, Сонечкин брат, да лежит там же, где упала, неподвижная Сонечка, лучшая Динина подруга.

*Папа уносит плачущую Дину на руках, и она почему-то уверена, что больше никогда не увидит ни Сонечку, ни ее старшего брата. От грядущей разлуки слезы льются и льются на воротник папиной рубашки...*

Размахнувшись, она со всей силы врезала по бритому затылку отморозка. Прямо над отвратительной складочкой жира, протянувшейся поперек черепа, над толстой шеей. От удара бутылка выскользнула и, целехонькая, звякнула об асфальт.

Витек замер и боком повалился на землю. Кулак разжался. Желтоватые пальцы, похожие на дохлых личинок майского жука, вяло распустились.

Алекс пошевелился, крикнув, спихнул с себя Витьковы ноги и медленно сел. Из разбитых губ по мерцающему подбородку побежала кровь. Двумя руками он держался за живот, совсем как Борька из Дининогo воспоминания.

— Вставай, Алекс, вставай! — очнулась она и вцепилась ему в руку, изо всех сил потянув на себя.

— Сейчас, — прохрипел Алекс и с трудом поднялся на ноги.

Он пошатнулся, вытер губы и удивленно уставился на ладонь, перепачканную в крови. Дина бо-язливо обошла неподвижного Витька.

— Я его случайно не убила?

Закравшееся подозрение заставило ее похолодеть.

Алекс сплюнул, покачал головой.

— Нет. Если бы здесь можно было умереть... Не переживай. Очнется. А здорово ты его! Спасибо.

Он с уважением посмотрел на Дину, на бутылку, снова на Дину.

— Не здорово. Я вообще-то боюсь драк.

Она недовольно покосилась на Алекса. На его скуле алело пятно, разбитые губы припухли. Недовольство сменилось тревогой.

— Больно? — сочувственно прошептала Дина.

Не корча из себя супергероя, Алекс скривился:

— Угу. Под дых засадил. И по ребрам. Я не очень умею драться. Если бы чувствовал боль по-настоящему, уже не встал бы.

Они медленно побрели прочь от места стычки. Ей было жаль парня. Приятно, что он заступился за нее. Досадно, что ему сильно досталось. Запоздалый страх того, что она ввязалась в драку, выводил из себя.

— А чего тогда полез? — рассердилась Дина вслух.

— Как чего? — искренне удивился Алекс. — Я же взялся тебе помочь.

— Господи! Ты из-за всех дерешься?

— Нет, конечно. Обычно я стараюсь не попадаться на глаза таким, как Витек.

— Их что, много? — ужаснулась она.

— Они здесь есть, — отрезал Алекс. — Но этого типа я не знаю, новенький. Скоро найдет себе компанию, если не исчезнет. — Он поморщился. — Есть тут любители поразвлечься. Ловят тех, кто идет на запад, и держат до темноты или закрывают в подвалах, чтобы посмотреть, что произойдет потом...

— А что происходит потом? Что со мной будет, если я не успею вспомнить все?

Спросив, Дина остановилась.

Она вовсе не была уверена, что действительно хочет это знать, но вопрос уже сорвался с языка. Алекс тоже остановился, взял ее за плечи и легонько потряхнул, посмотрев прямо в глаза.

— Я не позволю тебе это узнать. Обещаю.

И Дина поверила. Сразу и окончательно. Выдохнула с облегчением и сменила тему:

— Тебе бы умыться.

— Да уж. Неплохо было бы. — Он криво ухмыльнулся одной половиной рта и развел руками. — Только уйдем подальше от этого ненормального.



Позже, сидя на ступеньках случайно попавшейся им на глаза забегаловки и дожидаясь Алекса, Дина подумала о том, о чем думать не хотелось. Сразу защипало глаза от близких слез. Сразу забылись гудящие ноги и целый ворох страхов и сомнений. Игорь. Она вспомнила, как звали того парня из школы — Игорь, и теперь не могла заставить себя не думать о нем все время...

Если в гимназии и был парень круче Игоря Василевского, то Дина таких не знала. По нему сохли даже семиклассницы, а парочка училок помоложе смотрела в его сторону печально и томно. В прошлом году он учился в одиннадцатом, Дина — в десятом. И однажды Игорь сам, собственной персоной, подкатил к ней на большой перемене в столовой. «Ты — привлекательна. Я — чертовски привлекателен, — немного паясничая, скопировал

он известного артиста. — Почему бы нам не встретиться сегодня вечером?» Дина от неожиданности растерялась и согласилась. Позже она жалела, что не ответила ему какой-нибудь колкостью, знала уже, что это бы Игоря только завело. Именно с ним Дина целовалась в полутемном актовом зале, прогуливая физкультуру.

Она вздрогнула, снова окунувшись в водоворот страха и восторга, который накрыл ее тогда с головой. Дина была влюблена. Так она теперь помнила и так сейчас чувствовала.

— Отдохнула немного? — поинтересовался появившийся в дверях Алекс.

Умытый, он выглядел получше, только распухшая губа и коричневые пятна на воротнике жилета не позволяли забыть о происшествии. Дина кивнула, невольно сравнивая его с Игорем. Алекс был совсем другим. Как обозвал его мерзкий Витек? Ботаном? Худой, длинный, стеснительный, деликатный... Надень на него очки и прилижи торчащую дыбом русую челку, получится бы классический образ ботана. Но Дина знала, что ни один ботан не сможет быть таким, как Алекс, делать то, что он делает. Хотя с Игорем его, конечно, не сравнить.

Было что-то неправильное в том, что она шла, держа Алекса за руку, а думала о другом. Дина почувствовала, что краснеет, но заставить себя переключиться не получалось. Взгляд рассеянно скользил вдоль пустой улицы, не задерживаясь ни на однотипных домах, ни на голых деревьях, ни на сизом мареве низкого неба, в котором застыл смазанный кружок солнца.



Папе Игорь не понравился сразу. «Фальшивка» — так он его охарактеризовал. Не помогли ни Динина обида, ни увещевания мамы, которая, напротив, выбор Дины оценила. Ну да, он любил покрасоваться. Мог прихвастнуть, а почему бы и нет? Единственный сын папы-замминистра, бывающего дома только наездами. У Игоря имелось все, чего он только мог пожелать. И даже Дина. «Не сердись, — шептала ей как-то вечером мама, — похоже, наш папа просто ревнует. У пап это случается». А Игорь словно и не заметил папиной неприязни. Обычно полный сарказма и довольно злой на язык, он умел держаться подкупающе вежливо. Зная, что Дина безумно любит отца, ни разу не позволил себе ничего лишнего в его адрес, хотя дразнить, выводить ее из себя, а потом извиняться было его любимой игрой.

«Любимой игрой». Дина вздрогнула. Мысль резанула, словно ножом, но и только. Память возвращалась, как летний ливень, — короткими полосами. Нахлынет и стихнет. И никак не получалось сложить нечто целое из разрозненных фрагментов.

Справа потянулась полоса Удельного парка, где местами даже желтели на деревьях редкие листья, сияясь разогнать тусклую серость красок. Не слишком-то у них получалось: даже солнечный желтый казался пыльным.

Слева, в широком кармане перед корпусами завода «Светлана», все деревья стояли голыми. И — ни единого звука, кроме шагов Дины и Алекса, идущих прямо посередине улицы, по трамвайным



путям. Это могло бы показаться забавным, словно попал в кино про апокалипсис или в компьютерную игру, но Дине было не до веселья. Тишина угнетала, пустота выглядела обманчивой, и Дина готова была шарахаться от любой тени, крепко сжимая ладонь Алекса. Впереди показалась Светлановская площадь, обычно под завязку забитая машинами, а сейчас пустынная и оттого нереальная, словно во сне. Дина оглянулась. Ее нечеткая тень все еще оставалась короткой, а если и стала длиннее, то совсем чуть-чуть.

Затянувшееся молчание прервал Алекс:

— Дин, ты бы рассказала, что вспомнила. Пока говоришь, может, придут другие воспоминания. Это работает, поверь.

«Расскажи...» Дина посмотрела на стальную полосу рельса, которая убегала из-под ее ног, тускло отсвечивая под лучами тусклого же солнца.

— Что рассказывать? Как в пустую голову заливаются воспоминания о чьей-то (кто сказал, что именно моей) жизни? — Она сердито взглянула на своего спутника. — Меня словно стерли. Ну, как в фотошопе: раз-раз — и остается только пустое место.

Перед ней, как наяву, появился белый кружок электронного ластика, который затирает лицо Игоря. Меховой воротник его куртки странно топорщился вокруг исчезающей шеи. Пальцы щелкали и щелкали клавишей мышки. Мгновение назад Дина понятия не имела о фотошопе, а сейчас смогла бы при желании снова вернуть его лицо в кадр... Когда это было? Почему?

Отогнав воспоминание, она продолжила:

— Все перемешалось. Я и узнаю, и не узнаю себя. Иногда мне кажется, что я совсем не такая! Как я могла говорить то, что говорила, и делать то, что делала? Не понимаю! Это какая-то совсем другая я. Глупая. Жестокая... А иногда верю: да, это действительно я.

Дина понурилась, сунула в карман куртки свободную руку и сказала, глядя себе под ноги:

— Там, дома, я вспомнила кое-что. О себе и родителях. — В голосе зазвенело отчаяние, переполнявшее сердце. — Я их просто ненавидела! Не понимаю почему, за что? Ведь я точно знаю, что люблю их! Это не могла быть я! Все похоже на плохой сон. Я просыпаюсь, и вот я здесь. Совсем-совсем другая...

Она шмыгнула носом. Серdito потерла глаза, уничтожая непрошенные слезы. Попыталась улыбнуться, чувствуя, что улыбка не получилась, вышла жалкой и натянутой.

— Прости, в жизни, наверное, столько не ревела...

— А знаешь? — Алекс неожиданно повеселел. — Оставшись без памяти, мы как будто остаемся без одежды — такими, какие есть на самом деле. Поэтому, если тебе что-то не нравится в воспоминаниях о себе, утешься. Лично я считаю тебя очень хорошей. И смелой. И кое-что еще: тут далеко не всем так везет получить воспоминания о себе. Какие угодно...

Дина посмотрела на него и с удивлением отметила, что Алекс покраснел.

Решив, что отвечать на последние слова не стоит, просто сказала:

— Спасибо, но это здорово смахивает на лесть.

Она едва удержалась, чтобы не хихикнуть, нервно, глупо и пошло, — таким забавным выглядело его смущение. Но на самом деле искренность парня смутила и ее тоже. Дина потупилась, чувствуя, как и у нее краснеют щеки, наливаясь жаром. Было глупо краснеть из-за похвалы едва знакомого парня. Глупо и... приятно.

Алекс положил руку ей на плечи и несмело, по-приятельски, притянул к себе, не останавливаясь и не замедляя шаг. Дина прислонилась щекой к прохладной синей ткани его жилета, и дальше они пошли в обнимку. Короткая двухголовая тень отставала от них всего на шаг.

«Делать то, что делала». Дина опять нахмурилась так, что заныл лоб. Перед глазами то и дело начинало плясать воспоминание об экране мобильного и ее собственные фото в соцсетях. Вот это убожество, выпячивающее губы перед зеркалом школьного туалета, — это она? Как получилось, что вещи, которые она должна была бы презирать, она же и делала? Кадры, кадры, кадры. Людный, ярко освещенный зал, Дину почти заслонил затылок Игоря. Целуются они, что ли? Кто их снимал? Какая-то вечеринка... Она мысленно понадеялась, что папа и соцсети — две разные планеты.

*Она опаздывает, а Елена все не заканчивает тренировку. Дина устала и злится. Гардемарин устал и вредничает. Елена устала и раздражается на Дину. А ей отчаянно хочется послать на фиг все будущие соревнования, вместе взятые, Елену Прекрасную, коня вместе с конюшней и этот душный вечер — ее ждет Игорь!*

Мама и папа уверены, что Дина снова заночует у Люськи. Но не на этот раз! У Люськи она только переодевается и наспех подкрашивает лицо.

— Ой, подруга-а, — тянет Люська, но никакого укора в ее голосе Дина не слышит. Люська отчаянно завидует Дине и вовсе этого не скрывает.

— Нет, ну ты смотри! Смотри на себя — красотка! Василевский в обморок упадет, когда увидит!

Дина стоит перед зеркалом. И правда — со щечками, горящими румянцем, и лихорадочным блеском в глазах, в длинном Люськином платье с высоким, до самого бедра, разрезом, — она кажется самой себе взрослой прекрасной незнакомкой.

— Шикарная бабочка вылупилась наконец из нашей гусеницы!

Подруга подходит сзади и кладет ей подбородок на плечо. Теперь их в зеркале двое — заговорщиц. Секунду они смотрят на отражение, а потом одновременно начинают смеяться.

— Сама ты гусеница! — давясь от смеха, нервного, слишком бурного, восклицает Дина.

— Ну уж нет! Я — стрекоза! Элегантная, с такими, — Люська плавно взмахивает руками, — прозрачными крыльями.

— Это которая лето красное пропела? — хохочет Дина.

— Нет, зайка моя. Мне мой муравей пропасть не даст, главное — его найти, — усмехается целеустремленная и практичная Люська.

Дина обнимает подругу, шепчет:

— Ты — самая лучшая.

— Да знаю я. Иди, заждался твой принц.

*На пороге Дина оборачивается и ловит Люськин взгляд — задумчивый, изучающий.*

*«Завидует», — думает Дина и улыбается. Есть чему. От счастья и сладкого ужаса замирает сердце: она едет к Игорю домой. Впервые. На всю ночь...*

Воспоминание оборвалось, оставив привкус счастливого ожидания и ледяющий сердце вопрос: неужели у них что-то было? Нет! Не может быть! Дина резко отстранилась от Алекса, помотала головой.

Он глянул удивленно, быстро спросил:

— Что?

— Ничего!

Ответ получился резким, почти грубым.

Дина прикусила губу, тронула парня за рукав:

— Прости, это так неожиданно происходит. Бац! И ты барахтаешься в обрывке незнакомой тебе жизни, а потом снова — бац! И ты опять здесь...

— Ничего. Все в порядке, я понимаю.

Алекс и не подумал обидеться, а Дину вдруг разозлила эта его чрезмерная «хорошость». Ну вылитый ангел, крыльев только не хватает! Что он мог понимать? Девушка сердито отвернулась, чувствуя себя так, словно была виновата в чем-то похуже неоправданной грубости.

Долго молчать не получилось. Тишина угнетала.

Дина потерела рукав его толстовки и смущенно попросила:

— Расскажи что-нибудь. Про Доктора. Ты вроде хотел... Почему он живет в ларьке?

— А какая разница, где жить, если не помнишь свой дом? — пожал плечами Алекс. — Доктор — умный мужик, много знает. Не смотри, что выглядит как бомж. Здесь ведь это без разницы. Витек вон вырядился, а толку? Магазины открыты, бери что хочешь, только ведь не поможет.

Он помолчал и продолжил:

— У Доктора друзья были. Компания. Раньше. Они пытались выбраться отсюда. Весь город обследовали. Доктор рассказывал, что за городской чертой ничего нет.

— В смысле? — не поняла Дина.

— В смысле совсем. Чернота вроде тумана. Граница. Один в нее вошел и не вышел. Больше никто не рискнул. Потом решили искать таких, как ты, — после того как Доктор сообразил, что вам помощь нужна. Это «уходящим» уже не поможешь. И тех, кто возвращается, Тьма не трогает до заката.

— Стоп! — затормозила Дина. — Ты меня запутал, как же не трогает, если она за мной в школе гналась и дома?

— Других, не таких, как ты, — вздохнул Алекс.

— А у таких, как я, название есть?

— Вообще-то есть, — неохотно ответил он. — «Дичь».

— Что? — Она округлила глаза. — Почему?

— Не знаю. Это же не я придумал, — поспешил оправдаться Алекс. — Может быть, потому, что Тьма за вами охотится?

— Что ей надо? Что в них, во мне такого?

— Никто не знает. Доктор с друзьями пытались это понять и не смогли. Вас таких совсем немного.

Я заметил только одно: перед тем как вернуться, «дичь» вспоминает что-то особенное, даже страшное, потому что некоторые кричат или начинают плакать... И исчезают. Возвращаются.

— И никто не рассказал тебе, что именно вспомнил? — усомнилась Дина.

Алекс грустно посмотрел на нее и вздохнул.

— На это не остается времени.

— Время, время, — передразнила она, машинально поднимая руку с бесполезными часами на запястье. — Тут его совсем нет, времени. Сколько мы уже бродим? Часов восемь, если не больше...

Поясница у Дины ныла, гудящие ноги служили лучшим подтверждением словам.

— Время здесь есть, — возразил Алекс. — «Уходящие» его не замечают, им все пофиг, а счастливицам-«возвращенцам», которых по пути обратно не трогает Тьма, обычно его бывает достаточно. Для нас, кто здесь застрял, его слишком много, а для «дичи» — слишком мало.

Дина невольно задрала голову: солнце висело высоко.

— Не называй меня «дичью», пожалуйста, — тихо попросила она Алекса.

Он серьезно кивнул и снова взял девушку за руку.



Под невысоким путепроводом, идущим через Ланское шоссе, на корточках сидел человек, боком прильнув к бетонной стене. Он бормотал одно и то же, монотонно и непрерывно:

— Иди-иди. Вперед-вперед. Туда-туда. Зовет-зовет.

Босой, в серых брюках и синей майке, он даже не дрожал. Появления Дины с Алексом не заметил. Просто смотрел перед собой тусклыми глазами и бормотал. Приглушенное эхо шепеляво вторило: «...Ити-ити, от-от».

Дина осторожно подошла и прикоснулась к плечу неподвижной фигуры.

— Не надо, — устало посоветовал Алекс. — Еще один «уходящий». Он ничего не чувствует и не слышит. Даже не видит, наверное. Они всегда спотыкаются, но никогда не теряют направления. Пойдем. Ему нельзя помочь.

Дина отдернула руку: поросшее редкими черными волосками плечо мужчины было холодным, словно у покойника. По ее спине пробежали мурашки. Дина вдруг осознала: она стоит в тени. Ей показалось, что у самой стены что-то едва заметно шевельнулось. Она коротко взвизгнула и выскочила на свет. «Мамочка-мамочка-мамочка!» — запульсировал в висках дикий, иррациональный страх перед живой Тьмой. Как можно было так беспечно расслабиться, чтобы почти забыть об опасности! Алекс потянул ее прочь от путепровода и скорчившейся под ним фигуры, и Дина безропотно последовала за ним, пытаясь прийти в себя.



Довольно большой отрезок пути они прошли в молчании. За это время им встретилось еще несколько



«уходящих» и один «возвращенец» — дядька с румяной физиономией и огромным пузом, обтянутым красным свитером. Он был настолько напуган, что издалека шарахнулся от них, как от прокаженных, раньше, чем Дина успела раскрыть рот. С неожиданной для его комплекции резвостью чемпиона мира по бегу припустил обратно во дворы, откуда и появился.

— Слушай, Алекс! — Молчание угнетало, и Дина прервала его первой. — Как ты тут живешь? У меня и без половины воспоминаний в голове полная каша, а что должен чувствовать ты, не представляю!

— Сейчас уже привык, — невесело усмехнулся парень. — Это сначала чуть не рехнулся. Носился по городу целыми днями, ко всем цеплялся, кого встречал. Потом наткнулся на Доктора, он меня успокоил немного.

— Как? — Дина на самом деле хотела знать, как можно оставаться здесь таким спокойным.

Алекс снова усмехнулся, на этот раз смущенно.

— А напоил он меня. Сильно напоил. Я тогда еще мог пьянеть. Ну и рассказал, что здесь да как. Конечно, я не поверил, да только время само все по местам расставило. Это он теперь из своего ларька почти не выходит, читает целыми днями и напиться пытается, только алкоголь его давно не берет, а поначалу со мной ходил. Вернее, брал меня с собой. Поверь, он неплохой дядька.

Дина с сомнением покосилась на спутника и вздохнула:

— Может быть, и неплохой, тебе виднее.

Они шли по самой середине дороги, тени от домов и деревьев никаким образом не могли туда дотянуться. Дина немного расслабилась. Осознание того, что улица казалась знакомой, что она ясно представляла себе, куда идти дальше, присутствие Алекса и, самое главное, участвовавшие волны воспоминаний успокаивали. Дарили надежду на то, что из этого безумия можно вырваться. Она приободрилась и даже пошла немного быстрее.

На ум пришла Люська с ее непоколебимой уверенностью в себе. Вот уж кто не растерялся бы! От нее и местные чудища разбежались бы, пожалуй! Дина улыбнулась своим мыслям. Люську в школе побаивались, и не зря...

Воспоминание нахлынуло внезапно.

*Она проскальзывает через рамку охранника и быстро раздевается. Слава богу! Большущее зеркало в холле первого этажа загоразживает стайка приходящих девочек. По виду — класс седьмой, не старше. Дина старается подавить вздох облегчения от того, что даже краем глаза не сможет встретиться со своим отражением, когда одна из девочек громко ахает и все они, как по команде, поворачиваются в Динину сторону. Она ускоряет шаг, а в спину летит испуганный шепот: «Ну ни фиги себе!» Вот этот испуг ранит ее даже сильнее, чем откровенное «Гы! Франкентейниха!» какого-то долбанутого третьеклашки. «Значит, вот как оно будет теперь?» — думает Дина, пока поднимается на второй этаж к кабинету литературы, глядя на носки своих туфель. Ступенька — левый. Ступенька — правый...*

*Первая перемена. Дина стоит возле стены в широком школьном коридоре. От напряжения дрожит каждая жилка внутри тела. Нет! Она ни за что не расплатится сейчас, на глазах у этих... этих... Слезы подкатывают к глазам, и она сжимает кулаки изо всех сил.*

*— Дин, ну ты это... Мы пошли, ладно? — Люська оглядывается на Мару, Мара отводит взгляд.*

*Они отступают, разворачиваются и уходят, взявшись под ручку. Уходят, ускоряя шаг. Бегут от Дины, словно от прокаженной.*

*Она не напрасно боялась идти в школу. Она знала, что будет больно, но не знала, что настолько! Если Люська (лучшая подруга!) еще изредка позванивала ей в последнее время и делилась новостями, то Мара, похоже, вычеркнула ее из жизни давным-давно. Даже удалила из друзей «ВКонтакте». Но ведь Дина надеялась, что пластика поможет, что никто ничего не заметит, как заверяли поначалу врачи... Что там пошло не так, она не слишком понимала, но операцию снова перенесли. И вот она здесь, в школьном коридоре, жмется к стене, пытаясь прийти в себя после первой реакции одноклассников на ее новое лицо... Все было предсказуемо, но чтобы Люська?.. «Ой, Дин-ин, а я с Марой теперь сижусь...» Испуг, растерянность и плохо скрытая брезгливость проявились кривым изгибом тщательно накрашенных Люськиных губ. Аккуратные брови взлетели и заломились. Глаза забегали, как у воришки. Дина никого не предупредила, что придет в школу сегодня, и вот — результат. Одно дело, когда Люська бодро щебетала возле Дининой кровати в больнице, и, как выяснилось, совсем*

другое — когда стало нужно садиться за одну парту, под тремя десятками чужих взглядов...

Мара, прочно прилепившаяся к Люське в Динино отсутствие, вообще стояла с каменным лицом. Ноль эмоций, словно Дины здесь и не было. От нее прилетело только сухое «привет». И это лучше всего показало истинные чувства Люськи. Все кончено.

Яшка Прохоров, который пытался за ней ухлестывать весь прошлый год, выкатил карие глаза и присвистнул:

— Ниче се...

Никто не двинул ему по башке, никто не заговорил с Диной, чтобы отвлечь. Все стыдливо отводили глаза, будто соглашаясь. Всю литературу Дина просидела, как в пустыне, а сейчас думает: стоит ли вообще возвращаться в класс? Слышать шепоток за спиной было унижительно. Делать вид, что не замечаешь, как убегают в сторону взгляды, полные брезгливого любопытства, больно. Но день еще не закончился.

— Дина?

Она вздрагивает и поднимает голову. Перед ней стоит Нинка-Катерпиллер, Нинка-даун. Маленькие круглые глазки с коротенькими ресницами грустно и участливо ощупывают Динино лицо.

— Чего тебе? — сердито рявкает Дина.

Она не слишком-то травила Нинку, но и любви к ней не испытывала. Толстенькая, коротконогая, краснощекая и пучеглазая Нинка была парией, объектом для насмешек задолго до того, как Дина перешла в эту школу. Грустная и спокойная, какдохлый лев, Нинка получила кличку Даун за полное отсутствие реакции на выходки ребят, а не за тупость. Она была

медлительной и дотошной, но училась совсем неплохо. Да еще и списывать давала своим же обидчикам... Рохля, одним словом. И теперь она стоит перед Диной и, кажется, собирается ее пожалеть?

— Можно я сяду с тобой? — тихо спрашивает Нинка.

— Зачем?

Душная волна стыда и злости гонит краску к Дининому лицу.

— Чтобы ты не думала, что осталась одна, — простодушно сообщает Нинка. — Они привыкнут. Они поймут...

Ярость, унижение, обида и гнев взрываются, выбивая из глаз злые слезы.

Дина орет на весь коридор:

— Ты, вообще, кто такая, чтобы меня жалеть? Дауниха чокнутая! Посмотри на себя, чучело жирное, — много они к тебе привыкли? Не нужно мне ничье понимание! И жалость ничья не нужна! Нормально у меня все! Вали отсюда!

Она срывается с места, расталкивая встречный народ, скатывается по лестнице и вылетает из школы мимо обалдевшего охранника в новенькой синей униформе, едва успев заметить его вытаращенные глаза.

— Ох! — вырвалось у нее.

Краска всколыхнувшейся обиды и стыда жгла щеки и глаза. Дина вытянула свою кисть из теплой ладони Алекса и прижала руки к лицу. Понимать себя не получалось. Ладно бы слова! Она чувствовала, видела и думала то, что выкрикивала в лицо

несчастной Нинке. И не могла сейчас с этим примириться. Что бы там ни случилось, а случилось что-то ужасное, судя по боли, которую ей причинил тот день в школе, она не могла так быстро измениться! Значит, это она и есть? Пустая и озлобленная девица, готовая разорвать кого угодно за то, что ее посмели жалеть? Или... недостаточно жалели?

— Что с тобой? — нахмурился Алекс и замерцал часто-часто.

— Ничего, — буркнула Дина. — Не переживай, а то ты начинаешь рябить с такой скоростью, что страшно: вдруг исчезнешь.

Он удивленно посмотрел на свою руку.

— Блин! Ладно, не буду. Но и ты меня не пугай. Может, расскажешь все-таки?

— Нечего рассказывать. Девчачьи дела. Просто я вела себя, как свинья. Может, это наказание такое? Для плохих девочек. Оказаться тут?

Дина кивнула в сторону длинного строительного забора, растянувшегося на половину квартала.

— Тогда уж и для мальчиков, — невесело усмехнулся Алекс, скривив распухшие губы.

Набережная Черной речки утопала в тени. Зря они перешли на эту сторону! Пришлось идти по узенькому тротуару вдоль парапета под громкое жадное шипение смелеющей Тьмы. Она, почти не таясь, клубилась вдоль сталинских пятиэтажек, висела уродливыми гроздьями под балконами, вытягивая щупальца своих ложноножек в сторону Дины и Алекса.

Дина, ускорившая шаги, едва раздались первые пугающие звуки, вдруг замедлилась. Ей показалось,

что ноги вязнут в загустевшем воздухе. «А-р-х-р-р-р-ш-а, — уговаривала Тьма, — иди-и ко мне-е...» В шипении сквозило неясное обещание свободы от всех страхов.

Алекс дернул ее за руку неожиданно и резко, и только тогда Дина заметила, что остановилась. Они почти подошли к перекрестку напротив станции метро. Еще каких-то десять метров — и тень останется позади: впереди была широкая дорога к мосту.

— Дин, ты чего? Не слушай ее, не слушай! — Алекс кричал прямо в лицо, но звук его голоса тонул в непрерывном «р-ш-р-х-а-а-ш-а-а-р-ш-ш-а-ш».

Сознание Дины словно раздвоилось: одной его частью она понимала, что нужно бежать изо всех сил, как бы мало их ни осталось; другая же получала странное удовольствие от шелестящей музыки, окутывавшей все вокруг, нарастающей, превращающейся в понятную речь: «С-сюда-а, с-скор-рее! Бо-ольш-ше не бу-удет с-с-страш-ш-шно... Не бу-у-удет бо-о-ольно-о-о».

Дину качнуло вбок, к дороге, к самой границе размытой тени. Отчаянно захотелось прилечь там. Алекс охнул, подхватил ее одеревеневшее тело, оторвал от земли и так, столбиком, потащил через перекресток.

На половине пути звуки начали стихать, стали неразборчивыми слова. Прежде чем оборваться, шипение вдруг взвилось жутковатым отдаленным воем — разочарованным и злым.

— Отпусти, — приходя в себя, тихо и виновато попросила Дина.

Ее потряхивало от пережитого ощущения. Гадкого, липкого кошмара, в котором тебя полностью лишают воли.

Алекс разжал руки и тяжело выдохнул. Коснувшись дороги подошвами ботинок, Дина пошатнулась: на миг показалось, что ноги сами потащат ее обратно.

— Что это было? — запинаясь на каждом звуке, выдавила она.

— Скоро вечер, Дин. Скоро она станет еще сильнее. Идти можешь?

Алекс выглядел встревоженным не на шутку.

«А если я не смогу? — мелькнула у нее паническая мысль. Она упрямо поджала губы и уверила себя: — Могу!»

— Могу.



Большая Невка не рябила, как обычно, свинцовой серостью волн. Забранная в рукотворные берега высокого гранитного парапета с одной стороны и крутого травянистого склона, выровненного словно по линейке, — с другой, она тускло поблещивала спокойной, как будто остекленевшей лентой. Под мостом чернела тень, но сам мост был светлым и неожиданно широким. Обычно забитый плотными потоками машин, он показался Дине невероятно красивым сейчас. Надежная твердь приземистых арок, перекинутых через пустоту...

Они уже миновали середину реки, когда впереди, возле длинного здания бывших царских коню-



шен (теперь там располагался какой-то спортивный центр, Дина пять раз в неделю проезжала мимо него к клубу), появились одна за другой несколько неясных фигур. Они встали у спуска с моста на Каменный остров и просто ждали в тени деревьев.

— Кто это? — встревожилась Дина.

— Неприятности, — коротко ответил Алекс, останавливаясь.

Он повернулся к ней, мерцая чаще обычного, и заговорил негромко и торопливо:

— Сказал же: после полудня станет опаснее! Я им не нужен. Им нужна ты.

Одна из фигур вышла из тени, и Дина сообразила, что это просто человек, мужчина. Лица с такого расстояния было не разглядеть, но почему-то она решила, что он совсем взрослый.

— Эй! Добро пожаловать! — приветливо крикнул человек, ступая на мост.

Дине показалось, что под деревьями на той стороне зазвучал приглушенный расстоянием смех.

— Алекс? — с тревогой обернулась она к своему провожатому.

— Опоздали, — выдохнул тот сквозь зубы. — Чуть бы раньше, и проскочили...

— Да кто они такие?

— Витьки, Дин. Только хуже.

— Цып-цып-цып, — издевательски поманил первый из витьков, вразвалочку двинувшись к середине моста. Остальные, не торопясь, следовали за ним.

Алекс не отреагировал. Он напряженно думал, нахмурившись и глядя на черную гладь воды.

— Плавать умеешь?

Неожиданный вопрос застал Дину врасплох.

— Что? Холодно же! — опешила она и перегнулась через чугунные перила.

Вода внизу была похожа на ртуть — такая же маслянисто-тяжелая и неподвижная.

— Здесь ты не заболеешь и не умрешь. Но если не сможешь выплыть, там, на дне, тебя достанет *она*. А здесь — эти. Пройти они нам не дадут. — Алекс говорил скороговоркой, косясь на медленно приближающиеся фигуры. — Искать обход поздно, Дин, мы не успеем. Решайся, быстрее! Они за нами не побегут: будут ждать здесь других, таких, как ты. Еще слишком светло. Давай! Сейчас — самое время. Плыви туда, — Алекс кивнул в сторону парка, — сколько можешь, плыви!

— Слышь, Музыкант, иди восвояси! Девчонка — моя! — выкрикнул мужчина.

Теперь его можно было разглядеть. Невысокий, полноватый, нечесанные патлы до плеч. Он широко расставил руки, как будто собирался кого-то обнять, и мерцал так же часто, как Алекс в минуты волнения. Дина торопливо расстегнула куртку, стянула рукава и стряхнула ее себе под ноги. По шее и вниз пополз неприятный морозец. Она кивнула и положила обе дрожащие ладони на перила.

Алекс подсадил ее рывком, просто переброшил через ограждение, и она, едва успев вдохнуть полную грудь воздуха, ухнула в обжигающий холод реки. Беспорядочно дрыгая руками и ногами, в ужасе гудя пузырями, словно заправское джакузи, она устремилась к свету из темнеющей глубины.

Легкие сдавило, и они начали гореть. Дина задыхалась, а густая и вязкая вода подавалась неохотно, не желая отпустить свою добычу.

*Дина приоткрывает рот, пытаясь вдохнуть, но ничего не выходит. Вытаращив заслезившиеся глаза, она задыхается в судороге мучительного спазма, сжавшего горло, чувствует себя висящей в петле. Люська с независимым видом стоит поодаль, на лице — гримаса нетерпения. Дина поворачивается к ней спиной. Видеть подругу — бывшую подругу — больно.*

— Эй, ну ты чего? Дин? — Игорь přátельски обнимает ее за плечи, легонько встряхивает. — Не расстраивайся, ты навсегда-навсегда будешь мой дружок.

*С какой легкостью у него получается причинять ей такую боль! Лучше бы ударил. Глаза его врут. Губы — врут, брезгливо дернувшись. Даже руки — когда-то такие ласковые — каменно врут, жестко стискивая плечо.*

*«Столько времени прошло. Ты же умная девочка. Дело не в твоей... э-э... травме, ну что ты! Просто у нас случилась любовь, понимаешь?» Как же он посмел? Зачем было устраивать эту демонстрацию? А Люська? Она-то как могла? Все эти месяцы лгать ей в лицо?*

*Все еще пытаясь сделать вдох, Дина снова видит себя на больничной кровати в тот день, когда ей сняли швы. Видит его глаза, когда он впервые взглянул в ее искаженное лицо. В них нет ужаса, нет отвращения. Нет презрения. В них — безразличие. Неважно, как она выглядит, — он уже тогда все для себя решил.*

*В них кивок самому себе: «Ты был прав, парень». Она ревела белугой, конечно, после его ухода, но понять смогла. Для этого стоило всего лишь посмотреть в зеркало. И все же надежда не отступала: она поправится и все станет как прежде. Обмануть себя оказалось совсем несложно...*

*Что-то происходит за ее спиной. Игорь напрягается, рука сползает с Дининого плеча и ныряет в карман куртки. Он отстраняется.*

*— Ну, я пошел? — Игорь делает торопливый шаг в сторону ворот. — Созвонимся как-нибудь.*

*Дина оглядывается, и что-то лопается у нее внутри, там, где сердце. Она со всхлипом втягивает воздух, провожая глазами Люську, рыбкой поднырнувшую Игорю под руку, прижавшуюся — нескромно и совсем нецеломудренно — к его сильному стройному телу. Они, смеясь, перебегают дорогу и ныряют в машину. Дина хватает воздух ртом, опираясь спиной о жесткие прутья забора, распятая на них, словно беспомощная бабочка.*

Она вынырнула и ушла под воду снова, едва успев сделать вдох. Снова вынырнула, сумела разглядеть берег и тяжело поплыла туда, куда просил Алекс. Мешала одежда, мешали ботинки, исчез сам смысл куда-то стремиться, но на плаву ее держал страх. Достаточно было представить себя ползущей по замусоренному дну реки в ожидании, пока за ней явится Тьма, как руки и ноги получали дополнительный импульс. Дина даже холода больше не ощущала. Механически загребая тяжелую воду, она силилась понять: зачем? зачем все эти

мучения? Предательство, казалось, легло на плечи дополнительным грузом, стиснуло грудь, мешая дышать.

Силы закончились. Дина сделала несколько слабых гребков в сторону травяного склона на берегу, но он нисколько не приближался. Руки повиноваться не желали, как, впрочем, и ноги. Вес мокрой одежды утягивал вниз, дыхание совсем сбилось, вода лезла в рот. «Вот и все», — вяло подумала она, прекращая бороться, и тут же ушла под воду с головой. Резкий рывок за волосы выдернул ее на поверхность, и она закашлялась, барахтаясь на спине, захлебываясь противной железистой жидкостью, от которой вдруг заломило зубы.

Рядом пыхтел и отплевывался Алекс. Он тащил ее к берегу, как сердитый буксир, изредка попадая ногами по пояснице и спине.

— Держись за парашют, — прохрипел он, и Дина перевернулась в воде, цепляясь за невысокий гранитный порожек набережной.

Алекс, сипя, выбрался из воды и вытянул Дину на крутой склон высокого газона. Цепляясь за пожухшую траву скрюченными пальцами, она на коленках поползла вверх по склону, прочь от реки. Зубы лязгали, как створки старого лифта в доме у бабушки, от дрожи сводило мышцы шеи, плеч, живота, и они реагировали острой болью. С толстоплы и волос ручьями текла вода, но она упрямо карабкалась наверх, выдирая траву из сырой земли, протыкая дерн и полужидкую грязь бесчувственными пальцами, и, только выбравшись на ровную поверхность, повалилась, вытянув ноги, совершенно

обессиленная. Алекс плюхнулся рядом, сдирая с себя мокрый жилет, который так и не снял перед прыжком в реку.

Дина с трудом приподнялась и села, упираясь ладонями в холодную землю. Ее трясло от холода, но еще больше — от ледяной пустоты, сковавшей душу. Нет, *этого* у них не было. Как ни настаивал Игорь, Дина не сдалась, за что Люська ругала ее последними словами. И ведь хотелось, отчаянно хотелось покориться, заглянуть в неизведанное до сих пор, совсем взрослое и настоящее, но в последний момент что-то восставало внутри и Дина, краснея от злости на собственную трусость, отступала. Только какое это имело значение? Ведь сердцем она принадлежала Игорю все равно...

Вяло удивившись тому, что способна сейчас об этом размышлять, она равнодушно прошептала: — Я д-думала, что ты не прыгнул.

С трудом повернула голову и посмотрела в сторону моста. Он был далеко. Даже не верилось, что она смогла столько проплыть в ледяной воде.

— И куда я, по-твоему, делся? — Алекс немело выжал свою жилетку и теперь выливал воду из кроссовок. — Вставай, надо переодеться. В таком виде ты далеко не уйдешь.

Холод поселился у Дины внутри, пронизывая тело жгучими иглами льда. Вставай? Она и пошевелиться-то могла лишь с большим трудом. Хотелось скрючиться и замереть — а может, умереть? — на этой скользкой траве, но Алекс не позволил. Подхватил под мышки и поставил на ноги, подталкивая в сторону недалекого здания.

— Держись, Дина. Тут рядом. Держись!

Последние двадцать метров он практически нес ее на себе. Ноги превратились в деревянные чурки, негодные для ходьбы. Замерз, кажется, даже мозг — Дина ни о чем не думала. Глаза закрывались и открывались медленно, зрение мутилось. Как он оставил ее сидеть на кожаном диване в просторном вестибюле у широченного окна, она уже не помнила. Осознание происходящего вернулось вместе с болью: закутанная в одеяло, она полулежала на диване, а Алекс чем-то вонючим растирал ее голые ноги. Под одеялом одежды тоже не было.

Дина сгребла распахнувшееся от рывка одеяло и почувствовала, как кровь прилила к лицу. Или это горели замерзшие щеки?

— Ты чего? — выдавила она, уставившись на русую макушку Алекса.

— Оттаяла?

Головы тот не поднял, но Дина заметила, как краснеют его мерцающие уши. Сам он оставался все в тех же мокрых джинсах.

— Да. Все. Хватит. Больно!

Она не знала, как себя вести. Оказывается, Алекс раздел ее донага, — правда, он пытался помочь. На диване рядом лежала кучка одежды. Мокрые вещи были раскиданы по мраморному полу.

— Ладно. — Алекс встал во весь рост. — Тогда одевайся, мы потеряли много времени.

Как сказать ему, что спешить уже некуда? Что во всем этом нет больше никакого смысла? Жизнь казалась сейчас цепочкой сплошных провалов, да и сама Дина была вовсе не той, кто заслуживал воз-

вращения. Не в силах удержать в себе ядовитую горечь, подкатившую к горлу привкусом грязной речной воды, Дина расплакалась. Холодные слезы побежали по пылающим щекам. Она рыдала горько, как в детстве. Ей было все равно, как быстро катится к закату солнце этого безумного мира.

— Какой смысл? — выдавила она между протяжными всхлипами, уставившись на Алекса сквозь слезы. — Я не понимаю, какой в этом смысл? Мне было страшно, когда я здесь проснулась, но теперь мне еще страшнее! Утром я не знала, кто я такая, а сейчас — я не хочу больше этого знать! Может быть, я заслужила, чтобы оно утатило меня туда, куда собирается? Все! Я больше никуда не пойду! Ничего не хочу! Хватит!

Гулкое эхо плясало в огромном вестибюле, отражая Динин крик от полированного мрамора стен. В горле застряло нечто гадкое, словно ее долго рвало. Она подтянула ноги, пряча их под одеяло. Ошарашенный Алекс застыл с вещами в руках, явно не зная, как ему поступить, но Дине сейчас было все равно. Она думала о холодных прутьях школьной ограды, до боли впивавшихся в спину. Как можно было быть такой дурой? Как можно было надеяться, будто Игорь вернется? Почему она не замечала, каковы на самом деле ее друзья, ведь Люська никогда и не скрывала своей сути? Не потому ли, что Дина сама их заслуживала, вот таких?

Она протяжно всхлипнула в последний раз. Слезы кончились. Истерика прошла. Идти или



оставаться, но не голой же? Она потянулась за вещами. Алекс молча повернулся спиной и принялся стаскивать с себя мокрый свитер.

— Скажи, — тихо спросила Дина, с трудом натянув на влажные ноги чьи-то серые спортивные штаны почти по размеру, — если бы девушка, которую ты любишь...

Алекс замер. Дина смотрела, как напряглась его спина, вовсе не тощая, как ей показалось сначала, но лишенная загара, белая. Он успел сменить джинсы на чужие, и они висели на нем мешком, зато были сухими.

— Если бы она заболела, — продолжила Дина, — и болезнь изуродовала ее лицо. Сильно, так, что понадобится много операций, чтобы восстановиться, но прежней она никогда не станет... Ты бы ее бросил?

— Нет, Дина. — Алекс повернулся. — Я бы тебя не бросил.

Дина поджала губы. Глупо было спрашивать. Он слишком правильный, чтобы ответить по-другому.

— Угу, — промычала она, завязывая шнурки на чужих белых кроссовках, подозрительно новых, словно их и не надевали вовсе. — Ты просто понятия не имеешь, как ужасно это выглядело.

Алекс бросил мокрую одежду на подлокотник дивана и протянул ей руку, приглашая встать. Дина поднялась, непонимающе глянув в его непроницаемое, затвердевшее лицо. Он потянул ее дальше в холл, шлепая по полу босыми ногами. За здоровенным фикусом пряталось зеркало в тяжелой ме-

таллической раме. Дина подняла взгляд и остолбенела.

— Все эти шрамы ничего не значат, Дин, — доносился до нее голос Алекса, как сквозь вату. — Конечно, без них ты была бы намного красивее. И будешь, когда выберешься отсюда. Но не лицо делает тебя такой, какая ты есть, — сильной, храброй и честной.

Из зеркала на Дину смотрела... Дина. Дина, разбившая другое зеркало, униженная парнем, которого любила, осмеянная одноклассниками и преданная подругами. Дина, которая до сих пор не знала, как же это с ней произошло?

Она резко отвернулась и наткнулась прямо на Алекса, который стоял у нее за спиной. Ужасаясь прозрению — выходит, он видел ее такой с самого начала или она изменялась вместе с полученными воспоминаниями? — посмотрела ему прямо в глаза. Серые, сильно потемневшие глаза. Потянулась вперед и вверх и коснулась горящими губами его губ. Легко, благодарно, без тени страсти. Алекс вздрогнул, словно поцелуй его обжег.

— Пошли отсюда. Мне нужно попасть в конюшню.

Она отступила назад, не решаясь больше заглянуть ему в лицо, и сгребла с дивана чужой, нелепо-помпезный пуховик цвета старинного золота.



Каменный остров, прячущий старинные особняки за высокими заборами нуворишей, был мрачен и тих.

Дорога виляла вдоль канала, и только негромкие звуки шагов пытались разорвать угрюмое молчание пустого мира. На Дину морозцем по коже накатила жуть недоброго предчувствия. Доберется ли она до последнего луча быстро опускающегося к горизонту солнца, было неизвестно, а вот в конюшню попасть просто необходимо. Она остро ощущала, что именно там хранится последний кусочек пазла, которого ей отчаянно не хватало, для того чтобы понять все до конца.

— А куда ты пойдешь потом, ну... — Она замялась, голос увязал в тишине. — Потом?

— В «Асторию», которая «Англетер», — немедленно отозвался Алекс, словно только и ждал ее вопроса. — Я там живу.

— Неплохо устроился!

Дина удивленно покосилась на Алекса. Ей не казалось, что он так уж тянется к роскоши.

— Да нет, — помотал он головой, — ты не поняла. Там есть бар, «Ротонда», а в нем — прекрасный рояль. Помнишь, как звучал инструмент в школе?

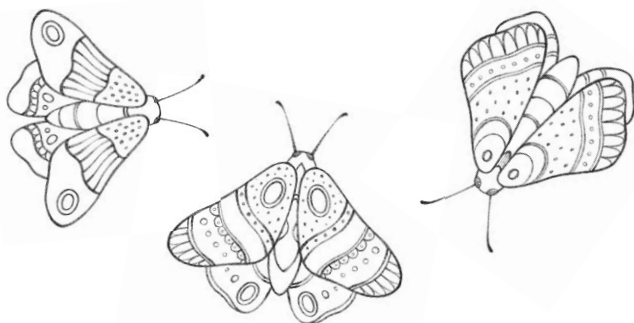
Дина нахмурилась. Визит в школу был, кажется, сто лет тому назад. Она помнила, что играл Алекс, но совершенно не помнила — как. Вообще-то было немного не до того...

— Здесь все звуки неправильные — глухие, грязные, дребезжащие. Этот рояль звучит чище всех, вот я и играю на нем каждую ночь, чтобы отвлечься от того, как меняется в темноте город, когда уходят люди.

— А ты успеешь добраться? — встревожилась Дина, представив, как он бредет в сплошном мраке один.

— Постараюсь. Брось, со мной ничего не случится. Сейчас главное, чтобы ты успела.

Дина кивнула и постаралась ускорить шаг, но ноги гудели и отказывались слушаться. «Давай, кулёма!» — отругала она себя бабушкиными словами, и это неожиданно помогло.



## Глава 3

# ВЕЧЕР

Солнечный диск увеличился в размере, словно распух, опускаясь к горизонту, но все еще оставался немного выше деревьев в парке. Он наливался огнем, дробился на сотни отражений маленьких солнц в сплошных стеклах новомодных домов Крестовского острова.

— Надо спешить, — подгонял Дину Алекс.

Впереди, за оградой парка, среди деревьев быстро мелькали невнятные тени. Убедить себя, что это просто люди, спешащие к закату так же, как и они с Алексом, у нее не получалось. Люди не могли издавать далекого злобного шипения. Она и сама понимала, что спешить надо, и была бы рада перейти на бег, но сил почти не осталось. Ноги стали тяжелыми и горячо пульсировали тупой болью, ныли поясница и спина.

— У метро повернем налево, и там совсем уже рядом, — задыхаясь от быстрой ходьбы, выпалила она Алексу.



Конный клуб, где Дина занималась с самого детства, прятался между высоким корпусом больницы и выстроенным несколько лет назад обычным жилым домом. Ворота во двор оказались распахнуты настежь.

Дина проскочила мимо входа в манеж, завернула за угол и резко затормозила. За широкими дверьми конюшни притаилась темнота.

— Поздно! — схватил ее за руку Алекс. — Туда нельзя!

Дина вглядывалась в тонуший во мраке проход. Двенадцать больших шагов... четвертый денник от входа. Она сотни раз здесь ходила, тысячу!

*Дина крутится на заднем сиденье папиной машины, то расплющивая нос о стекло, то стискивая в руках куртку и напряженно вглядываясь через спинки передних сидений в стоп-сигналы медленно ползущих в пробке машин. Она волнуется.*

*Мама рассказывает что-то о тете Рите, своей подруге, папа изредка роняет «угу». Они едут за город, в неизвестную конюшню, Дина совершенно не понимает зачем. Клуб, где она занимается уже целый год, очень хороший. Ей нравятся девочки, нравится тренер, нравятся лошади учебной смены. Почему ее везут куда-то далеко, когда сейчас она должна быть на манеже?*

«Ты позанимаешься в другом месте», — сказала мама. И ничего не объяснила в ответ на Динины испуганные «почему».

«Другое место» оказывается длинным зданием, со всех сторон окруженным полями. Надо всем этим простором столько неба, что Дина невольно разевает рот. Так далеко в поле, что кажутся игрушечными, пасутся лошади. Много лошадей. Больше, чем во всей Дининой конюшне.

У дверей длинного здания их встречает хромая собака. Она приветливо машет хвостом, отчего вся ее рыжая попа смешно виляет из стороны в сторону.

— Буська! Оставь людей в покое! — кричит высокая и широкая, почти квадратная женщина в красных резиновых сапогах. Сапоги заляпаны грязью.

— Здравствуйте! — хриплым и резким, как воронье карканье, голосом здоровается она с родителями и нависает над Диной: — Так это, значит, ты будешь на Гардемарине ездить?

Дина испуганно жметя к маме.

— Она, она, — подбадривает папа. — Давай, Дин. Покажи, чему тебя научили.

Звучит так, словно у нее контрольная. Контрольные Дина не любит. Насупившись, она идет за Теткой — так она окрестила женщину про себя — по бесконечному проходу в самый дальний конец конюшни.

— Марик! — восклицает Тетка у предпоследнего денника. — К тебе пришли!

Над краем деревянной стенки взмывает голова на длиннющей шее, и на Дину из-за ржавых прутьев решетки смотрит внимательный карий глаз. Дина

видит в нем маленькое отражение своего испуганного лица, и конь тихонько всхрапывает.

Тетка открывает дверь денника и подталкивает Дину:

— Ну же, заходи, не бойся.

Он огромный! Темно-гнедой, с блестящей шкурой и длинным густым хвостом. Тянется губами прямо к лицу, шумно дышит, словно принюхивается. Дина несмело дотрагивается до теплой шеи — заниматься вот на таком! Это же настоящая спортивная лошадь, а не учебная лошадка! Что-что, а разницу она понимает.

— Нравится?

Папа стоит в дверях денника. У него странное выражение лица. Дина даже сказать ничего не может, только кивает, зачарованно глядя на красавца-коня.

Со спины Гардемарина она кажется себе совсем большой, а все остальные — маленькими. У него широкая, нетряская рысь. Легкий галоп — Дина ощущает себя птицей, так и расставила бы руки-крылья. Но она послушно держит повод, стараясь не ударить в грязь лицом. Ей хочется смеяться и чтобы Тетка отпустила Гардемарина с корды, которая позволяет двигаться лишь по небольшому кругу, словно Дина совсем новичок, но она молчит и старается все делать правильно. Конь поворачивает уши назад, прислушиваясь к ней, и Дина шепчет ему: «Молодец, молодец!»

С корды его все-таки отпускают, и Дина рысит вдоль стенки, поднимает коня в галоп и переводит в шаг самостоятельно.



*Всю обратную дорогу она оглядывается. Пристает с вопросами к родителям: когда же мы снова поедem к Гардемарину, ведь мы поедem, правда?*

*Через два дня они опять везут ее в клуб, где ждут хорошие, но не идущие ни в какое сравнение с Гардемарином лошади.*

*Почему-то папа заходит в конюшню вместе с Диной. Не в ту, где стоят учебные лошади, а туда, где живут частные. Он останавливается возле четвертого денника, и у Дины замирает сердце: из-за решетки на нее внимательно смотрит Гардемарин, тянет воздух ноздрями и всхрапывает, словно здоровается.*

*— С днем рождения, Дина! — говорит папа.*

*В воскресенье ей исполнится десять лет.*

Что же здесь такие узкие окна, да еще и загнанные под самый потолок? Она знала, конечно, почему. Чтобы лошади не разбились случайно. Чтобы не поранились. Но вот ей-то сейчас что делать? Страх сжимал горло, мешая дышать, но сдаться сейчас? Когда самая важная часть памяти уже готова была открыться перед ней, что бы это ни значило?

— Я иду туда. Ты — как хочешь, — прошептала Дина одеревеневшими губами и перешагнула порог.

— А-р-х-ш-ш-а... — немедленно донеслось приглушенное шипение от самой дальней стены. Глаза привыкли к сумраку быстро. Уже на третьем деннике она сумела разглядеть табличку, а на четвертом — даже прочитать знакомые, собственной рукой выведенные когда-то буквы: «Гардемарин, мерин, 2003 г. р.». Они были ровесниками.

Шипение и шорох приблизились, стали совсем отчетливыми, вызвав волну дрожи по всему телу, но Дина уже потянула тяжелую дверь денника и захлопнула ее за собой. В квадратном закутке три на три метра было совсем темно. Привычный запах опилок и сена заставил ее сделать глубокий вдох, и память обрушилась на Дину всей своей тяжестью.

— Привет!

*Она ушам своим не верит. Игорь всячески избегает того, что связано с лошадьми. Он вообще к животным не очень... Дина проверяет, насколько хорошо затянута подпруга, и не успевает обернуться. Загорелая рука тянется из-за ее спины и смачно хлопает Гардемарина по плечу. Конь вздрагивает, нервно переступает передними ногами. Подковы гулко выбивают дробь по брусчатке прохода. Стартовое волнение, чужой клуб, да еще и этот внезапный хлопок...*

— По шее нужно, Игорь! — сердито говорит Дина. — Что ты здесь делаешь?

— Приехал поддержать свою королеву.

*Игорь улыбается как ни в чем не бывало и тянется за поцелуем.*

*Дина уворачивается. За спиной Игоря Анюта, коновод Гардемарина, стучит пальцем по левому запястью: пора выходить на разминку. Елена Прекрасная уже ушла на поле и за опоздание по головке не погладит.*

— Похоже, мне здесь не слишком рады? — в голосе парня звучит притворная обида. — Ладно, ушел. Буду смотреть на тебя из ВИП-зоны.

— Прости, но мне нужно на разминку.

*Дина смущена и раздосадована.*

*Она впервые принимает участие в международных соревнованиях и впервые будет прыгать такой сложный маршрут наравне со взрослыми спортсменами.*

*— О'кей, — ухмыляется Игорь. — Надеюсь, на трибуне не так воняет.*

*Гардемарин — крупный конь, и Анюта помогает Дине забраться в седло. «Придурак», — бормочет помощница, и Дина почти готова с ней согласиться. Она вдевает ноги в стремяна, подбирает повод и выезжает из высоких ворот.*

*На разминочной площадке прыгают спортивные пары. Они каруселью, одна за другой, заходят на барьер, установленный в центре площадки. Дина бросает взгляд в сторону боевого поля: там, среди декоративных кустов и ярких препятствий, суется составители маршрута во главе с курс-дизайнером, белобрысым тощим голландцем.*

*— Где ты витаешь? Соберись!*

*Елена Прекрасная цепляет ей на ремень коробочку рации. Коробочка коротко пищит и выдает:*

*— Давай, разомни коня.*

*Больше Дина об Игоре не вспоминает. До того самого момента на боевом поле, перед шестым препятствием...*

*— Ди-на! Ди-на! Ди-на! — принимается громко и весело скандировать группа ребят из ВИП-зоны, когда Гардемарин приземляется прямо перед ними. Здесь нужно войти в поворот и заходить на тройную*

*систему. На короткий миг Дина отвлекается, услышав голос Игоря, самый громкий, самый ликующий. Они с Гардемарином чисто прошли половину маршрута. Чисто и красиво. Ей так хочется нравиться Игорю сейчас! Хочется, чтобы он перестал кривиться всякий раз, когда она упоминает лошадей...*

*Гардемарин не слышит свою всадницу. Ошибается. Она не успевает «подхватить» его поводом, шенкем, поддержать, исправить ошибку...*

*Конь вразножку влетает в первый барьер системы, запинаясь, Дину выбрасывает из седла, и она через шею Гардемарина летит лицом прямо в жерди второго барьера. Последнее, что она слышит, — дружное «ах!» с трибун. Последнее, что видит, — стремительно приближающиеся полосы белого и голубого.*

— Дина! Дина, очнись! Держись, Дина!

Чьи-то руки тянули ее по темному проходу конюшни, а к ногам словно прицепили гири. Холодные, как глыбы льда. Что?..

Дина широко раскрытыми от ужаса глазами смотрела, как толстая плеть живого мрака захлестывала все выше. А потом жадная рука Тьмы сжалась и начала сильно, властно тянуть назад, в непроглядную глубину у последних денников. Алекс хрипел и пыхтел, вцепившись в девчонку изо всех сил, стараясь вырвать, вытащить из захвата алчно шипящей твари. Дина задергалась, не чувствуя больше ног, но видя, как неохотно, словно из трясины, сначала одна, а потом и вторая — освобождаются!

— Алекс, тяни! — завопила она что было сил, изогнувшись всем телом, перекрикивая назойливый вой твари: «Зам-м-мри-и...»

— А-р-ш-а-р-ш-а-ш-ш-ш! — со свистом и скрежетом заревела в ответ возмущенная Тьма.

— Не-ет! — яростно возразила Дина и ощутила, как освобожденные ступни упираются в пол.

Они вывалились из конюшни. Дина рухнула прямо на Алекса, едва не заехав локтем ему в лицо, перекатилась, на четвереньках отползла подальше от разочарованного и угрожающего воя в глубине конюшни. Там что-то лязгало и гремело. Тьма ярилась обещанием добраться до нее. Скоро. Очень скоро.

Пережитый в конюшне ужас придал сил. Они бежали. Переходили на шаг, чтобы отдышаться, и бежали снова. Сумерки густели, теряя нежный сиреневый цвет, наливаясь сине-серым. Дина судорожно хватала воздух — холодный, липкий, густой воздух — широко раскрытым ртом. В глазах рябило. Вертявые остроконечные воронки Тьмы выскакивали к самой дороге, свиваясь и распадаясь с воем и свистом, не осмеливаясь — пока не осмеливаясь! — выйти на жалкие остатки света.

Фигуру человека в светлой одежде, медленно идущего впереди, она заметила не сразу, а когда заметила, не сразу сообразила, что он движется им навстречу. Алекс тоже его увидел, но только крепче, до боли, сжал Динину руку, продолжая нестись вперед, не давая ей затормозить, утягивая за собой. Только пробормотал на бегу:

— Нет, Дина. Нет времени!

Но она упиралась, выдирая руку.

Попыталась крикнуть тому человеку:

— Стой! Куда? В другую сторону!

Из пересохшего горла вылетели сипящие, каркающие звуки не громче шепота, которые заглушало свистящее со всех сторон «а-р-х-ш». Они поравнялись с мужчиной. Он показался Дине немолодым, примерно такого же возраста, как отец, но в сумерках легко было и ошибиться. Отступив к краю дороги, он печально улыбался, пропуская Дину с Алексом.

— Мне туда не нужно, а вам — удачи! — громко сказал он.

«Значит, услышал. Но почему?» — вяло изумилась Дина, выворачивая шею, чтобы оглянуться, в то время как Алекс тащил ее к забранной в бетон и камень набережной слева от темной туши стадиона. От усталости происходящее снова напоминало ей кошмарный сон. Человек махнул рукой в каком-то невероятном салюте и шагнул прямо в клубящуюся Тьму. Там, где он только что был, вскипел мрак, хищные плети потянулись в ту сторону, исчезая с обочин, мимо которых бежали Дина и Алекс. Ликующий сытый вой и свист, которые взревели громче пароходного гудка, громче сирены пожарной сигнализации, ударили по ушам. Тьма взвилась смерчем, вращаясь и вопя.

— Мама... — одними губами прошептала Дина, чувствуя, как волосы на затылке приподнимаются.

— А-а-а! — прозвучал ответом далекий, полный муки мужской крик.

Обдирая ладони, они торопливо съехали по шершавым бетонным плитам к самой воде. Узкая по-

лоска берега была отсыпана щебнем. Темная вода маслянисто блестела оранжевой рябью. От солнца остался жалкий огрызок, оно тонуло в заливе, рас-сеченное пополам опорами вантового моста. Дина растерянно оглянулась на Алекса. Взъерошенный, с распухшими губами, он подтолкнул ее вперед, вдоль берега, но едва Дина сделала шаг, как в лицо дунул резкий ледяной ветер.

*Ветер бросает в лицо мелкую водяную пыль. Ноги дрожат от напряжения, Дина едва удерживается на узеньком выступе, прижимаясь к наружно-му ограждению балкона бедрами, попой, поясницей. Руки, заведенные за спину, стынут на перилах. Вни-зу темно, опять не горит фонарь. Над крышами со-седних домов наливается глубокой синевой вечернее небо. Тусклый свет автомобильных фар слепо шарит по узкому проезду между переполненной стоянкой и подъездом. Ей холодно, но не страшно. Она медлит просто так, считая удары сердца — двадцать один, двадцать два...*

*Не о чем жалеть. Маме с папой не придется му-читься, глядя на свою уродку-дочь, друзей, как выяс-нилось, у нее и не было, любимый предал, врачи солга-ли. Так будет лучше всем.*

*Нечего бояться. Что такое короткий прыжок пе-ред перспективой слышать за спиной «О, ужас!» всю жизнь?*

*...Тридцать... Равнодушно, без тени отчаяния, Дина разжимает руки, отпуская холодные полосы перил, и небо переворачивается. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее ей навстречу несется*

*синий тент, которым обтянут кузов грузовика, неспешно сдающего задом к подъезду дома, прямо под балконы черного хода.*

— О господи! — воскликнула Дина и рухнула на колени. В ладони больно впечатались острые обломки гранитного крошева. — Алекс, я умерла!

Она раскачивалась вперед-назад, невидяще глядя перед собой, и повторяла:

— Я сделала это! Я себя убила! Какая же я дура! Я умерла...

— Еще нет! Вставай, Динка, нам нужно бежать. Осталось совсем немного...

Темнота наступала со всех сторон. Солнце почти утонуло в черной воде. Исчезли вечерние тени, поглощенные густеющей на глазах Тьмой, эта Тьма уже не шептала — трубила. Хрипло и страшно: «А-р-р-р-ш, а-а-р-х-ш-а! Ш-а-р-р-а-х-ш!» Она шевелилась, вздымалась волнами, переваливаясь через парапет, но Дина внезапно лишилась страха перед этим чудовищем. Теперь она вспомнила все. Теперь она поняла того человека. Теперь она знала, почему ей не позволено вернуться... Дина повернулась к Алексу. Брезгливое изумление заставляло кривиться губы.

— Я прыгнула с балкона седьмого этажа, того самого, на черной лестнице... Сама.

— Вставай! — заорал Алекс, не слушая, и рванул ее за шиворот неожиданно грубо и сильно. Тьма крутилась уже у самых ног, выхлестывая из воды. — Беги! Ты должна вернуться! — прикрикнул он и добавил уже тише: — Пожалуйста.



Разъем железной молнии остро впился в нежную кожу под челюстью. Боль немного отрезвила Дину. Если сдаться сейчас, то все, что она поняла и узнала о себе, окажется никому не нужной, бесполезной ерундой. Тот коротенький путь, который она так глупо оборвала, станет единственным и окончательным портретом ее запутавшегося, нелепого «я», ничего, кроме горя для родных людей, после себя не оставившего... Холод коснулся правой руки. Мягко, вкрадчиво, почти ласково. Потянул в сторону, обвивая кисть. Дина встрепелась, вскочила на ноги, отдергивая руку с онемевшими кончиками пальцев. Вот это оно и обещало — холод, онемение, отсутствие боли и сомнений. Пустоту. Небытие.

Внезапно Дина ощутила такое презрение к собственной слабости, что к горлу поднялась едкая желчь тошноты, и она выплюнула ее вместе со словами:

— Да. Я успею! Я должна все исправить!

Дина схватила Алекса за руку и первой рванулась навстречу исчезающей на глазах полоске оранжевого света вдоль горизонта. Он бежал рядом, возле самого плеча, а позади разочарованно шипел чернильный мрак, распуская кольца призрачных шупалец:

— А-р-х-ш-ш-а... А-А-А-Р-Х-Ш...

— Дина, я должен тебе сказать, — слова Алекса обрывались, как и сбивчивое дыхание, — ты самая лучшая девушка...

Последний луч ударил ей прямо в глаза, ослепив невероятно ярким сиянием. Дина зажмурилась,

продолжая бежать, и внезапно почувствовала, что рука опустела. «Алекс?» — хотела крикнуть она, но что-то мешало. Дина открыла глаза, и тяжелые веки тут же опустились снова. Боль была оглушающей. Свет — нестерпимо резким. Но она успела увидеть прямо над собой перепуганное лицо мамы.

— Алекс...

Говорить мешали какая-то трубка, маска. Вместо голоса получился лишь сдавленный хрип. Легкие горели, тело словно залили в бетон, предварительно окунув в кипяток, но она была жива! Дина с облегчением выдохнула и провалилась в черноту.

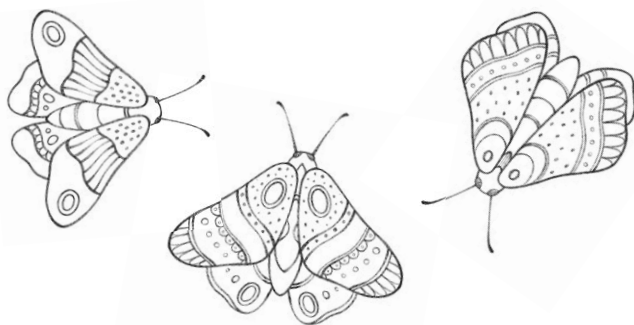
**STONE HEDGE**

# Часть вторая



**STONE HEDGE**

**STONE HEDGE**



## Глава 1

# КОНСОНАНС

*Консонанс — благозвучное, гармоничное сочетание звуков в музыке; противоположность диссонансу.*

Глаза открываться не желали, но Дина слышала все, что происходило рядом с ней. Чаще всего говорила мама, — казалось, она все время находится рядом. То проваливаясь в забытие, то выплывая из него — беспомощная, слишком слабая, чтобы удивляться, — Дина цеплялась сознанием за этот родной голос. В целом мире существовали только он и боль, временами режущая на куски, а порой затихающая, чтобы вернуться снова.

Но настал день, когда ее привел в сознание кашель. Это было мучительно. Горло разрывалось от спазмов. Горело в груди, а в руке стреляло режущей болью...

Решив, что умирает, Дина в ужасе открыла глаза, заморгала от обилия света, от невозможности разглядеть расплывчатые фигуры, склонившиеся к ней, и захрипела:

— Мама!

— Я здесь, доченька, я здесь! — пробилось сквозь шум в ушах.

Одна из фигур приблизилась, и Дина почувствовала, как кто-то взял ее за руку. Непрерывно смагивая слезы, Дина силилась понять, что происходит.

— Где я?

Свистяще-шипящие звуки не могли быть ее голосом, но были.

— В больнице. Все хорошо, доченька моя! Теперь все будет хорошо!

Мама смеялась и плакала одновременно.

— Пожалуй, хватит, — сказал кто-то еще. Невнятная фигура с чужим мужским басом. — Она устала. Пусть отдохнет, еще наговоритесь.

Дина хотела возразить, сказать, что ничего не понимает и пусть ей объяснят, почему она оказалась снова в больнице, но веки вдруг стали тяжелыми, а шум в ушах усилился. Она не могла сопротивляться: вместе с болью исчезло ощущение тела, и только мысль билась с наползающей темнотой еще какое-то время. Одна-единственная мысль: «Я должна...»



Действительность возвращалась медленно, постепенно. Первым прояснилось зрение. Дина просто открыла глаза и увидела мамино лицо — похудев-

шее, бледное. Повернула голову — неожиданно трудное действие — и поняла, что палата совсем не похожа на ту, где она лежала раньше.

— Диночка, — прошептала мама, — все хорошо.

Ей хотелось бы в это поверить, но боль и слабость не позволяли. Как может быть «все хорошо», если даже пошевелить губами — уже труд? И все же Дина попробовала:

— Что со мной? Почему я здесь?

Говорить было тяжело. Слова застревали в горле и на языке, речь, больше похожая на шепот, оказалась куда более невнятной, чем мысли, но мама поняла.

— Ты... упала.

Упала? Снова? Дина не помнила, чтобы снова садилась на лошадь. Она помнила другое — никогда больше! Да и Гардемарина ведь продали... Она закрыла глаза, пытаясь обнаружить в памяти момент падения, но там был только один — тот, из-за которого она провела в больнице столько времени в первый раз... Растерянная, она с трудом повернула голову и посмотрела на маму. А может, выздоровление ей просто привиделось в бреду? И изуродованное лицо? Может быть, она просто до сих пор в больнице?

— Что? — всполошилась мама, увидев, как Дина пытается приподняться, силясь что-то сказать.

— Сколько я здесь? — выдавила она, едва шевеля языком.

— Почти две недели. Ты была в коме. Успокойся, малыш. Ты поправишься...

— Я упала с Гардемарины?

Дина отчетливо помнила, как приближались к лицу жерди второго барьера.

— Нет, что ты? — почему-то испугалась мама. — С балкона.

Дина почувствовала себя очень усталой. И раздраженной. Как можно упасть с застекленной лоджии? Она совершенно ничего не понимала. Хотелось пить и отчаянно болела рука. И обе ноги. И живот. Она закрыла глаза.



Ночью в палате было тихо. Из приоткрытой двери падала узкая дорожка света, разделившая пол на две неравные части. Дина сумела приподнять голову. К левой руке тянулась трубочка от капельницы; правая, неподвижная, была накрыта чем-то белым и выглядела безобразно толстой. Одна нога торчала из-под одеяла и смотрела пальцами в потолок, подвешенная к металлической загогулине в изголовье кровати. Все остальное, кроме пальцев, пряталось в гипсовом кожухе.

Поверить в то, что она пытается рассмотреть именно себя — свои руки и ноги, — оказалось почти невозможно. Это как же нужно было упасть?

Дверь открылась, полоска света стала шире, потом пропала, заслоненная крупной фигурой.

— Ой! Очнулась, — обрадованно прошептала фигура, подходя к кровати.

Дина сощурилась, но разглядеть ее не смогла: свет из коридора обрисовывал только широкий женский силуэт.



— Пить? — слабо попросила девушка.

— Разве что чуточку. Губы смочить, — неуверенно согласилась женщина. — Уж в тебя столько льют, что от жажды не помрешь. Да ты вообще живучая, с седьмого-то этажа...

Она говорила что-то еще, но Дина больше не слушала.

*Обычный листок бумаги в клетку, выданный из тетради по химии, лежит перед ней на столе. «Папа, мама...» — написано в верхнем ряду клеток. И ничего больше. Четыре предыдущих варианта записки, изорванные на мелкие клочки, отправлены в корзину для бумаг, под стол. Оказалось, не так-то просто объяснить родителям то, что она собирается сделать. А объяснить нужно. Дина мучительно подбирает правильные слова. «Я так больше не могу? Я не смогу? Нет. Не то. Это не жизнь?» А что такое жизнь?*

*Она машинально прикусывает кончик ручки. В сердце торчит острый осколок воспоминания: «Ты навсегда будешь мой дружочек». И другого — губы щекочут шею, шепчут в ухо: «Ты сумасшедшие красивая». И третьего — растерянное папино лицо, когда она, рыдая, выкрикивает: «Это ты во всем виноват! Это ты купил мне коня!» Правда и неправда смешались, сплелись в огромный ком обиды и боли. И этот ком невыносимо давит ей на сердце.*

*Дина тянется к полке и достает круглое зеркало-перевертыш в стальной рамке. Долго смотрит на свое лицо, на припухшие рубцы, на опущенный уголок губы, на неровную линию подбородка. Отодвигает зеркало в сторону и пишет: «Простите».*

— Давай мы тебе головку приподнимем, — оборвали воспоминания слова медсестры.

Она смочила Дине губы и влила в рот воды. Со всем немного, не больше ложки, даже на глоток не хватило. Дина потянулась к стакану губами, еще выше подняла голову, напрягая шею в немыслимом усилии, но медсестра — полная, немолодая — покачала головой.

— Нельзя. То, что ты выжила, — уже чудо, так что лежи и терпи.

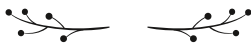
Силы закончились. Дина уронила голову на подушку. Оказывается, в палате горел неяркий ночной свет, но когда эта женщина успела его включить?

— Где моя мама? — прошептала Дина.

Медсестра, заменявшая пластиковый пакет на стойке для капельницы, удивленно пожала плечами:

— Утром придет. Она и так от тебя не отходила все это время. Поспать-то ей, бедняжке, надо?

Дина моргнула — глаза защипало от набегающих слез. «Что же я натворила?»



Медсестра давно ушла, погасив свет, и Дина осталась наедине с собой, с памятью, неожиданно развернувшей настоящую пропасть, в которую она рухнула, и теперь не знала, как будет выбираться. По трубочке из капельницы в руку медленно вливалась холодная жидкость, лекарство, притуплявшее не только боль, но и способность думать. Дина

пыталась сосредоточиться. Вялая тень паники время от времени вызывала слезы, но ненадолго: как только отступала мысль о том, что утром придет мама и нужно будет посмотреть ей в глаза, слезы высыхали.

Какой же дурой она казалась себе сейчас! Отстраненно — спасибо лекарствам — думая о прыжке с балкона, Дина не могла поверить, что решилась на это. Причина казалась далекой и глупой. А последствия были шокирующими. «Меня сейчас могло просто не быть. Нигде. Никогда. Мама сидела бы не в больнице, а на кладбище». Дина представила холмик, заваленный венками в траурных лентах, посреди облезлых оградок и одинаковых черных надгробий. Маму, скорчившуюся возле свежей могилы. Папу — с окаменевшим пустым лицом. И — ничего. Если бы ее не стало, она уже не смогла бы их пожалеть. Не смогла бы извиниться. Сказать, как сильно их любит. Ничего не смогла бы исправить...

Слезы затекали в уши, но Дина этого не замечала.



— Мам, я хочу на себя посмотреть, принеси зеркало, — попросила она на следующий день, после того как впервые получилось принять полусидячее положение.

Мама смутилась. Опустила глаза.

Дина фыркнула, проведя здоровой рукой по едва отросшему ежику на макушке:

— Ма, я примерно понимаю, что мисс Вселенной меня сейчас не выберут. Не бойся, это неважно. Я просто должна понять, как выгляжу.

Страх не было. Был только интерес. Хотелось сравнить то, какой она себя помнила до прыжка с балкона, с собой теперешней.

Мама вздохнула и достала из сумки пудреницу.

— Вот, другого нет. Ты — всегда ты. И тебе пойдет короткая стрижка.

Дина заглянула в круглый глазок маленького зеркала. Один зеленый глаз, обведенный темным кругом синяка, — больше там ничего не поместилось. Она покрутила зеркальце так и эдак и разочарованно вернула обратно.

— Сфоткай меня?

Мама нахмурилась.

— Давай, ма!

Фотография получилась не сразу — у мамы дрожали руки. Дина видела, что ей страшно, и знала — почему. Чувство вины подкралось, намереваясь вцепиться в горло спазмом, но она не позволила. Все, что они с мамой могли сказать друг другу, было сказано еще неделю назад. А когда пришел папа и Дина, заливаясь слезами, начала извиняться опять, пришлось даже позвать доктора. Вот тогда они и решили перевернуть страницу. Не забыть, нет — просто отпустить и не мучить друг друга. Начать новую жизнь.

Она долго разглядывала бритую, похожую на мальчишку незнакомку на фото. Решила, что форма черепа не так и плоха, шрам надо лбом со временем закроет челка, а вот тени под глазами никуда

не годятся. Мама ждала, не сводя с Дины напряженного взгляда.

— Ну-у, — протянула она, не зная толком, кого успокаивала больше — маму или себя, — пока срастутся руки-ноги, волосы успеют отрасти тоже.



Ночью ее разбудила дежурная медсестра. Ничего не соображая спросонья, Дина попыталась отстраниться от руки, которая настойчиво трясла ее за плечо.

— Проснись, Дина, проснись! Тише, все в порядке, это просто кошмар...

Кошмар? Она облокотилась на здоровую руку и, щурясь, уставилась на испуганное лицо медсестры.

— Что случилось?

— Ты кричала. Я уж думала, случилось что-то. Видимо, страшный сон...

Дина откинулась на подушку. Подушка оказалась влажной. Мокрыми были лоб, шея, даже ненавистная больничная рубашка с завязочками на спине и та пропиталась потом.

— Я не помню, что мне снилось, — прошептала Дина.

Ее снова клонило в сон, хотелось, чтобы дежурная выключила свет и ушла.

— Ну и слава богу. Все Алекса какого-то звала, половину отделения разбудила. Сейчас таблеточку примешь — и никаких больше кошмаров...

Она говорила что-то еще, но Дина не слушала. Словно кадры фильма на ускоренной перемотке, перед ней пронесли события странного и ужасного

путешествия по опустевшему городу. Резонирующий в костях вой разочарованной Тьмы... Алекс! Алекс, который остался там совсем один! Дина встрепенулась, снова приподнялась на локте, мотая головой, — дежурная как раз протягивала к ее лицу маленький пластиковый стаканчик с таблеткой.

— Нет-нет! — зашептала Дина испуганно, в ужасе от одной мысли, что сейчас заснет и опять забудет все, что случилось с ними *там*.

— Не капризничай, Самойлова.

В голосе дежурной послышалось усталое раздражение.

— Я сама усну. Не надо таблетку. Правда. Спать хочу очень.

Изобразить зевок она не решилась. Просто повалилась обратно на подушку и закрыла глаза, плотно сжав губы. На всякий случай. Кто ее знает, дежурную эту? Вдруг насильно впихнуть решит?

— Ну ладно, — смилостивилась медсестра. — Спи. Я дверь оставлю открытой, хочешь?

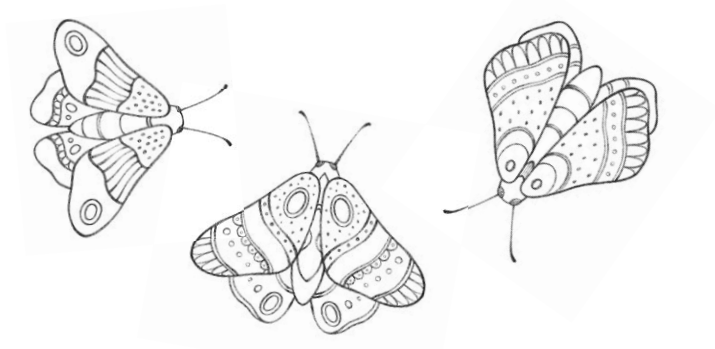
— Угу, — сонным голосом промычала Дина, не открывая глаз и молясь, чтобы ее поскорее оставили в покое.



«А-лекс — А-лекс — А-лекс», — выстукивало сердце. Значит, вот что это было — кома! Значит, и он лежит где-то, беспомощный, между жизнью и смертью, не в силах изменить свою судьбу? А может, это был бред умиравшего мозга и никакого Алекса, никакой Тьмы? Она на секунду забыла,

как дышать. Воздух, оставшийся в груди, как будто увеличился в объеме, распирая легкие. С шумом выдохнув, Дина отмела последнее предположение. Ничего себе — бред! Да у нее бы фантазии на такое не хватило!

Она комкала край пододеяльника в кулаке, голова металась по подушке. Желание встать и — сейчас, немедленно — отправиться на поиски Алекса жгло огнем. От напряжения разболелся шов на животе. «Что же делать? — билось в голове отчаянное. — Где же его искать? Я ведь даже настоящего имени не знаю!» Вопрос, как именно она собирается это делать, прикованная к кровати сломанной ногой, почему-то совсем не беспокоил. Она ведь осталась в живых, а вот Алекс... У него почти не оставалось времени там, в уродливом и страшном мире, где ждут смерти.



## Глава 2

# КАПРИЧЧИО

*Каприччио — музыкальное произведение, написанное в свободной форме. Для каприччио характерна причудливая смена эпизодов и настроений.*

— Впервые вижу такую остервенелую, простите, жажду жить.

Заведующий реанимационным отделением, усталый сорокалетний мужчина, постукивал колпачком простенькой ручки по пухлой истории болезни. Раскрытая примерно посередине, она принадлежала Самойловой Дине Владимировне, шестнадцати лет от роду, «летунье», которая вышла из комы шестнадцать дней назад.

— Я понимаю, Самуил Яковлевич, — обратился он к пожилому психиатру, — у вас есть обязанности и все такое, но эта девочка такого больше не повторит, поверьте моему опыту.



Он вперил в собеседника твердый взгляд. Тот продолжал невозмутимо слушать. Заведующий вздохнул, он и сам не понимал, почему просит за Самойлову, но чувствовал, что это необычайно важно.

— Не портили бы вы девчонке жизнь? Она себя уже наказала. К тому же у нее в анамнезе серьезная травма, вот и сорвалась, дала слабинку. Впрочем, — реаниматолог прекратил постукивать ручкой и откинулся на спинку стула, — сами увидите. Уникальный случай! С седьмого этажа! Повезло, что тент смягчил удар... Девять дней в коме — и такой прогресс, вы глазам своим не поверите!

Пожилой психиатр кивнул.

— Именно. Именно, дорогой Владимир Анатольевич, сам и посмотрю. Вы позволите?

Он потянулся к истории болезни, распухшей от свежих вклеек.

— Ах да. Конечно. — Реаниматолог закрыл карту и подвинул ее на край стола. — Девятая палата, — зачем-то сообщил он, прекрасно понимая, что коллега об этом знает.

— Не беспокойтесь, — мягко, в свойственной ему вкрадчивой манере, сказал психиатр. — Я во все не собираюсь портить жизнь вашей пациентке.



Дина пыталась читать, полусидя в хирургической кровати. Правая рука, заключенная в металлическую клетку аппарата Илизарова, покоилась на выдвижной подставке. Нога, тоже правая, загипсованная до самого бедра, висела невысоко над краем

матраса. Левую, в сапожке короткой лонгетки, девушка свесила с другого края. Листать страницы на планшете левой рукой было неудобно, и Дина, морщась, хмурила брови. Появления врача она не заметила.

— Здравствуйте, барышня! — Седой старичок в распахнутом белом халате подошел к кровати и поинтересовался: — Разрешите, я присяду?

Дина смущенно прикусила губу и отложила планшет в сторону, с любопытством уставившись на нового доктора.

— Конечно. Извините, я вас не заметила.

— Что-то увлекательное?

Он указал на погасший экран планшета.

— Биография Франца Шуберта. Вы знаете, что он прожил всего тридцать два года? И что работал школьным учителем? Но столько всего успел...

— Вы увлекаетесь музыкой? — шевельнул лохматыми бровями старик.

— Н-нет. То есть — да, — смутилась Дина.

— Это прекрасно! Нечасто встретишь среди молодежи такой искренний интерес к классической музыке. Позвольте представиться: Брумм Самуил Яковлевич. Психиатр.

— О! — Дина сжалась, словно хрупкий человек с добрым лицом доктора Айболита мог ее ударить. — Понятно. Ну, я вас заслужила. — Она обреченно вздохнула и заставила себя натянуто улыбнуться: — Допрашивайте.

— Ну что вы, милая барышня. Я не полиция. Допрос не входит в мои обязанности.

— А что тогда?

Ей вдруг стало любопытно, о чем станет спрашивать ее слишком ласковый старик и что она осмелится ему рассказать.

— Вы понимаете, чем обусловлен мой визит?

Дина кивнула. Пластырь на горле, там, куда в скорой ставили трахеостому, съезжился и снова распрямился, щипнув кожу.

— Вы здесь потому же, почему и полицейские: попытка суицида. — Она неловко подтянулась повыше, упираясь в матрас одной рукой и кривясь от боли. — Можно я скажу, доктор?

— Разумеется.

Врач кивнул, блеснули стекла маленьких круглых очков.

— Это было глупо. Я оказалась большой дурой и слабачкой. А еще — эгоисткой.

Взгляд Дины скользнул к тумбочке, где стояла голубая пластиковая миска с фруктами и большой букет белых роз в треугольной широкой вазе.

— Но я же не знала, что жизнь...

Она испуганно замолчала.

Доктор невозмутимо ждал. Пришлось продолжать:

— ...Что жизнь намного больше, чем отражение в зеркале, которое видишь по утрам, или перешептывания за спиной, — решительно сказала Дина. Голос зазвенел. — Вот сейчас я не могу себя видеть, но точно знаю, кто я такая. И если вы дадите мне зеркало, это не изменится. Я все еще буду собой.

Дина подняла руку и провела по обритой голове, где свежие ссадины и пара шрамов накладывались на побелевшие следы старой травмы.

— Волосы — мелочь. Они отрастут. Без селезенки я не умру. И лицо можно исправить. И это, — она слегка приподняла бочонок из блестящих стержней и ободков, окружавший ее предплечье, — это срастется. Но я по-прежнему буду собой! И смогу жить дальше. Мне очень жаль, что пришлось умереть, чтобы это понять. Правда.

— Хм, — сказал доктор, въедливо, как показалось Дине, посмотрев ей прямо в глаза. — Полагаю, на сегодня я услышал достаточно. Но мне придется прийти еще, прежде чем я вынесу заключение, барышня.

Он поднялся.

Уже в дверях обернулся — сухонький, невысокий:

— Почему именно Шуберт?

Дина улыбнулась:

— «Смерть и девушка».

Психиатр кивнул с самым серьезным видом и вышел из палаты.

Дина ничего не сказала ему об истинных причинах своего интереса к Францу Шуберту. Любимый композитор Алекса. Как можно было не попытаться понять, что в его музыке или жизни привлекло парня? Ей до ужаса хотелось послушать «Лесного царя», особенно после того, как прочитала балладу Гёте и все, что нашла в интернете об этой мрачной и грустной истории. Кто-то — далекие предки датчан, сочинивших легенду, или сам Гёте, написавший балладу, — словно побывал там, за пределами обычного мира, где темнота тянется, шепча и шурша, чтобы забрать человека себе навсегда...

Дина передернулась, едва не застонав от боли в потревоженной руке. Она думала об этом бесконечно. Место для тех, кто уже не жив, но еще не мертв. Жуткий ненастоящий мир, полный ужаса и беспамятства. Короткая остановка в пути, чтобы решить: вернуться или исчезнуть навеки. Если еще можешь решать. И только тем, кто сам, добровольно, выбрал, куда отправиться, еще до начала пути, — тем тамошний Лесной царь, порождение мрака, обратного билета уже не дает! Теперь-то она понимала, кого именно выбирает Тьма и — почему. Самоубийцы приняли решение и не имели права вернуться. Смерть, как и жизнь, оказалась значительно сложнее, чем Дина когда-либо себе представляла, вот только поделиться своими открытиями ей было не с кем.

В окно робко заглядывало маленькое зимнее солнце, и редкие снежинки искрились на морозе, возникая из ничего прямо за стеклом. Дина осторожно, чтобы не слишком тревожить свежий рубец на животе, выгнула затекшую спину. Ей хотелось потянуться всем телом сладко, до хруста в костях — так приятно было чувствовать себя живой! Несмотря ни на что.



Никогда раньше Дина так много не думала о себе, о том, что же она, собственно, собой представляет. И какой хочет быть. Прикованная к кровати, она будто обретала себя заново. Пыталась понять, в какой момент запуталась и почему *там* казалась

незнакомкой сама себе. Можно было бы списать все на неуверенность, на новую школу, на Люськино влияние и даже на влюбленность, но — нет. Врать себе Дина больше не собиралась. Во всем, что произошло, была виновата она, ведь всегда был выбор, даже тогда, перед последним шагом с балкона, — был. И теперь тоже наступило время выбирать, как жить дальше.

Она начала с того, что безжалостно удалила из соцсетей все прежние аккаунты. Той Дины больше не существовало, как не существовало для новой Дины и прежнего круга общения.

Это оказалось вовсе не безболезненно. Она теперь знала, что такое потерять память, и, удаляя аккаунты с тысячами фотографий, как будто пыталась стереть кусочек этой самой памяти снова. Но, испугавшись, поймала себя на мысли, что стирает всего лишь образ, картинку, нарисованную для других. «Забыть себя таким нехитрым способом невозможно. Та Дина никуда не делась, как и эта, воображающая себя какой-то другой. Не существует двух разных Дин. Обе — это я и есть. И в моей власти сохранить изменения в самой себе до тех пор, пока жива память», — думала она, заново регистрируясь «ВКонтакте» под ником *Vita*, что на латыни означало «жизнь».

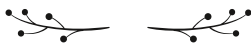
Девушка ядовито улыбнулась в камеру своего телефона и хмыкнула, разглядывая фото: джинсовая бейсболка скрывала короткий ежик обритой головы, ссадины и порезы, старые и новые шрамы. В таком виде она не показалась себе отталкиваю-

шей. Даже тени под глазами не могли украсть горящий в них свет. Эта Дина ей понравилась!

Она оформила страничку и вздохнула. Не сказать, что «ВКонтакте» был ей вот прямо так уж нужен, скорее наоборот. Просто существовал долг, который требовал отдачи, и начать следовало именно с него.

Нинка-Катерпиллер, неуклюжая одноклассница, оказавшаяся единственным человеком, готовым протянуть Дине руку в самый ужасный момент... Именно ее она пыталась отыскать сейчас. Кто сказал, что Абрамова вообще пользуется интернетом? Дина почти ничего о ней не знала. В соцсетях ее практически не было. Повезло только в «ВКонтакте». Щекастая, нелепо остриженная Нина печально смотрела с экрана планшета на Дину.

Она прогнала ленту записей: стихи, какие-то ролики из ютьюба об археологии, Нинка в горах... Нинка? В горах? С ее-то весом? Нинка ковыряется в песке, под нелепой широкополой панамой лица не видно, но полные, короткие, обгорелые докрасна руки точно принадлежат ей. Нинка смущенно улыбается в компании загорелых взрослых парней и женщин. Под фото сорок комментариев, один другого удивительней: ее хвалят, по ней скучают и зовут в партию на следующее лето студенты универа! У Нины Абрамовой есть своя интересная жизнь, и она, скорее всего, думать забыла о том случае, но Дина забыть не могла. Она снова вздохнула и постучалась к Абрамовой в друзья.



Звонок с незнакомого номера пришел через час.

— Да? — осторожно спросила Дина тишину в трубке.

— Это Нина. Ты просила позвонить?

Голос был еще менее уверенным, чем у Дины.

— Я хочу извиниться. Подожди! — Дина торопливо перебила начавшую что-то говорить собеседницу. — Я должна извиниться. Прости меня, если сможешь, это было ужасно несправедливо. И — спасибо тебе. Ты просто не знаешь, как сильно помогла мне... кое-что понять.

Нина казалась озадаченной.

— Я не сержусь, — сказала она, когда Дина замолчала. — Я отлично понимаю, что тебе было очень нелегко. Хотела помочь, и мне жаль, что не получилось. И я рада, что ты жива. Правда, рада. Мы ведь толком и не знали ничего. Когда полиция приходила, всех расспрашивали, но никто ничего толком не понял. А кто понял — промолчали, конечно.

Повисла недолгая пауза. В том измерении, через которое проносятся голоса во время телефонных разговоров, смешивались звуки двух дыханий.

— Можно я тебя навещу? — неожиданно спросила Нина.

— В реанимацию не пустят, но когда-нибудь меня переведут отсюда, и тогда — очень даже можно!

Дина совершенно не ожидала, что так обрадуется этой просьбе. Пусть это была всего лишь Нинка, которую она едва замечала и которую, как выясни-



лось, вовсе не знала, но сейчас Абрамова казалась единственной ниточкой, связывающей воедино прошлое и настоящее. Десять минут назад Дина была уверена, что забудет школу как страшный сон, и вдруг выяснилось, что она скучает. По новостям, по знакомым лицам, по урокам, которые тянулись невыносимо медленно...

Они проговорили почти два часа. Дину больше не раздражал пофигизм Нины, она со смущением поняла, что искренняя доброта, настоящая, взрослая, уверенная, стала такой редкостью, что ее легко принять за что угодно, а легче всего — за слабость... Нина напомнила ей Алекса своим бескорыстием и открытостью. Понемногу до Дины доходило, каким образом Нина умудрилась сохранить себя в атмосфере бесконечных насмешек, если не травли: она жила совсем в другом мире, в мире взрослых людей и серьезного увлечения, а школьные проделки одноклассников вызывали у нее лишь сожаление. И какими же нелепыми курицами выглядели, должно быть, Дина, Люська и все остальные в ее глазах?

Но той Дины больше не было.



После осмотра Владимир Анатольевич довольно потер широкие, грубой формы ладони, так непохожие на те, что, по Дининым представлениям, бывают у врачей.

— Ну-с, Самойлова, завтра мы тебя переводим.

— Уже? Куда? — встревожилась Дина.

— На третий этаж, долечиваться будешь в хирургии. Не волнуйся, там за тобой присмотрят. Через полчаса приедешь на обработку.

Доктор кивнул на «раскоряку Илизарова», как шутила пожилая медсестра Антонина.

— Угу. Значит, меня скоро выпишут?

Дине не терпелось выбраться из больницы.

— Скоро не скоро, но ты поправляешься, это непреложный факт! — бодро ответил врач.

За окном медленно и чинно вальсировали крупные снежинки.



Выставив вперед загипсованную ногу, баюкая «раскоряку» на груди, Дина сидела в поскрипывавшем колесиками кресле. Антонина медленно катила его по коридору, тяжело бухая толстыми отечными ногами. Возле открытой двери в одну из палат пришлось притормозить: в проеме нарисовалась попа пятящейся задом санитарки Зойванны. Она домывала крохотный тамбур перед сестринским постом в палате. «Палата для самых “тяжелых”», — сообразила Дина. Вытянув шею, она заглянула внутрь. Одна из двух кроватей, окруженных аппаратурой, была пуста, на второй, у окна, кто-то лежал, кажется, парень. Рядом примостилась худая изможденная женщина с черными кругами под глазами. Она поджала ноги так, чтобы те не касались мокрого пола, и держала парня за руку. Мерно шипел аппарат ИВЛ, пиликал монитор сердечного ритма.

Дина поежилась. Совсем недавно она была точно такой же неподвижной куклой. Подумав о том, как этот несчастный бродит среди пустых улиц и жутких монстров, она съежилась в кресле.

— Езжай уже, — недовольно проворчала Зойванна — женщина суровая, хоть и росточком от силы метра в полтора.

Антонина молча толкнула кресло вперед.

— Кто это там? — спросила Дина, вывернув шею. Лица Антонины не было видно за огромным бюстом.

— Где? А, в третьей палате? Мальчишечка после аварии. Пятый месяц в коме, не очнется уже. А она все не отпускает...

— Кто «она»? — не поняла Дина.

Впереди показались стеклянные двери малой операционной, и Дине с медсестрой предстояли сложные маневры: торчащая нога пациентки и внушительные объемы Антонины превращали развороты в коридорах в тонкое искусство.

Медсестра помедлила с ответом, пока они не въехали в ярко освещенный зал.

— Кто ж еще? Мать. Это она машину вела, когда они разбились. Сама-то уцелела, а сына не уберегла. На концерт спешили. Пианист он был. Талант, говорят. Отыгрался...

Дина замерла в кресле, вцепившись в подлокотник здоровой рукой. Мышцы свело, они закаменели, заныл затылок. Нет, не может быть! Этого просто не может быть! Чтобы все оказалось вот так просто — Алекс здесь? И все это время лежал здесь, совсем рядом? Разум отказывался поверить, а сердце уже знало — это правда.

— Как его зовут? — с трудом разомкнув помертвевшие губы, спросила Дина.

— Кого?

Антонина, пытаясь, развернула кресло у перьевозного стола.

— Пианиста.

— Леша Давыдченко.

Алекс. Аликвис. Она давно нашла в интернете, что значит на латыни «аликвис» — «кто-то». Он просто не хотел быть никем, Леша-Алекс.



С трудом дождавшись окончания болезненной процедуры, едва не выпрыгивая из кресла на обратном пути, Дина схватилась за планшет, как только оказалась в своей кровати.

Сводки дорожно-транспортных происшествий пятидесятилетней давности были скупы. «Водитель автомобиля “Шкода”, женщина 48 лет, совершая маневр обгона, не справился с управлением и допустил выезд на полосу встречного движения. Автомобиль пересек две полосы и врезался в мачту городского освещения. Водитель и пассажир автомобиля с различными травмами доставлены в больницу».

Рука ходила ходуном. Не попадала по нужным иконкам. Дина набрала в поиске «Алексей Давыдченко». С экрана улыбался Алекс, воспитанник музыкального училища имени Матвеева, лауреат бог знает скольких конкурсов.

«Серенада» Шуберта в его исполнении, записанная на отчетном концерте и выложенная кем-то на ютьюбе, заставила ее расплакаться.

— И ты туда же? — Зойванна прикатила тележку с обедом. — Лешенькина мать все ему эту музыку ставит, и ты вот теперь.

Громыхнув кастрюльками и тарелками, она принялась сервировать Динин стол.

— Зойванна, а мальчик этот, Леша, в себя не приходил? — украдкой вытерев слезы, осторожно поинтересовалась Дина.

— Где уж, — вздохнула санитарка. — Он совсем неживой, на аппаратах да материном упрямстве и держится. А тебе чего за дело? — спохватилась женщина, подозрительно уставившись на Дину.

— Ничего. Жалко его, мы сегодня мимо проезжали. Это он играл серенаду. Я запись слушала.

— Да ну? — удивилась санитарка и вздохнула: — Теперь уж не сыграет.

Качая головой и ворча под нос, она вывезла свою тележку за дверь. Дина с трудом удержалась, чтобы не запустить тарелкой ей в спину. «Не сыграет». Посмотрим!

До самого вечера Дина могла думать только об Алексе. Теперь уже ей не казалась случайной их встреча там, за чертой привычного мира. Скорее всего, ее предопределила близость, в которой они оказались именно здесь, в больнице, разделенные даже не этажами, а всего-навсего стенами нескольких палат.

«Держись, Алекс, держись там! Я попробую тебя вытащить!» — старалась она отправить мысленный призыв за грань обычного мира. Зажмуривалась так сильно, чтобы даже намек на свет не проникал сквозь веки. Наивно и отчаянно пыталась пробиться сквозь получившуюся темноту в серую непод-

вижность мира другого, тянулась туда душой, пока, обессиленная, не поняла, что это невозможно. Решение пришло легко, логичное и простое: чтобы спасти Алекса, нужно было снова очутиться *там* самой. Но для начала стоило сообразить, как попасть к нему в палату...



Мама прибежала раскрасневшаяся, сияющая. Каждый раз, когда она входила в дверь и видела Дину, в ней словно фонарик включался: глаза светились таким счастьем, что больно было смотреть. Особенно сейчас было больно. Дина воровато свернула вкладку поисковика. То, что она искала, могло напугать кого угодно. Ей и самой было страшно.

— Мамуль, ну куда же столько еды? — воскликнула Дина, увидев пакеты в материнских руках. — Меня завтра переводят в общую хирургию, это же все как-то нужно будет перетаскивать?

— Ничего, перетащим! — Мама небрежно махнула рукой. По палате поплыл запах дорогих духов. — Папа задерживается: в пробку попал, а я проскочила!

— Ма, ты осторожнее там проскакивай. Лучше опоздать, чем рисковать попусту.

Мать склонила голову набок и задумчиво посмотрела на Дину.

— Как ты повзрослела, девочка моя.

Голос у нее дрогнул.

— Мам, мне шестнадцать, помнишь? — засмеялась Дина. — Джульетте было...

— Четырнадцать.

Теперь они смеялись вместе. И это было так легко, так необыкновенно просто — радоваться вместе, — что защипало глаза от близких слез.

«Мамочка, какая же я была дура!» — думала Дина, до боли сжимая кулак здоровой руки.

Но существовал еще один долг, который следовало отдать. Она несколько дней собиралась с духом, чтобы копнуть прошлое, скovyрнуть корочку с раны, которая едва начала подживать.

Дина глубоко вдохнула, даже не поморщившись от мимолетной боли в области свежего шва на животе, и тихо произнесла:

— Можно я тебя спрошу, ма? Только ты не думай ничего, просто ответь, ладно?

Она с надеждой и затаенным страхом посмотрела в родное, такое красивое лицо.

— Спрашивай, — перестала разбирать пакеты мать.

— Гардемарин. Ты что-нибудь про него знаешь? Он здоров? Его любят?

Голос Дины задрожал, на глаза навернулись слезы. Это оказалось даже сложнее, чем она думала. Предательство — именно так Дина поступила с конем — жгло сердце.

Мама выпрямилась, улыбка сошла с лица. У Дины мигом похолодело в груди.

— Он здоров, с ним все в порядке. А что?

— Фух, — выдохнула Дина, — ты меня так напугала, мам! А можно мне получить контакт его новых владельцев?

— Зачем тебе, Дина?

Мать оставалась серьезной.

— Я хочу спросить, смогу ли я навестить его. Ну, — Дина пошевелила ногой в лонгетке, — когда смогу. Я виновата перед ним...

Мать закрыла лицо руками и неловко присела прямо возле тумбочки, словно ее перестали держать ноги. Плечи затряслись. Она рыдала. Беззвучно.

— Мама! Что с тобой? — Испугавшись, Дина сделала попытку соскользнуть с кровати, опираясь на лонгетку, едва не упала и, вцепившись в борт, взволнованно вскрикнула: — Ма-а-ам!

— Что за шум, а драки нету? — пробасил показавшийся в дверях отец, заполнив собой все оставшееся пространство небольшой палаты.

Оглядев «своих девочек», он мигом навел порядок: помог маме подняться, усадил на место Дину, отвел руки матери от лица и всучил ей салфетку, сдернув ее с Дининой кровати.

— Умойся, Лена, у тебя тушь потекла. И не пугай нас... Что стряслось? — это уже предназначалось Дине.

— Ничего, — совершенно растерявшись, промямлила та. — Я просто спросила, смогу ли увидеть Гардемарина, позволят ли его владельцы, а мама расплакалась... С ним точно все в порядке?

Теперь и папа шумно выдохнул, словно у него гора с плеч свалилась. Он бросил растерянный взгляд на дверь, за которой скрылась мама, и, не найдя поддержки, ответил:

— С твоим конем все в порядке. Мы... не продавали его, дочь. Я надеялся...



— Мы надеялись, — вернулась мама, — что однажды ты спросишь...

— Ма-ам? Пап? — Веря и не веря, с бешено колотящимся сердцем, она переводила взгляд с одного на другого. Вина, облегчение, радость и стыд сжали горло. Глаза налились слезами. — Ма-а-а...

Рыдать в таком возрасте совершенно неприлично. Так рыдать — захлебываясь и икая. Но Дина рыдала, откинувшись на подушку и размазывая слезы по лицу здоровой рукой. И наплевать ей было на приличия.



«Удивительно, — подумала Дина, когда за родителями закрылась дверь в палату, — как много событий может уместиться в один-единственный день!» Что-то внутри неприятно екнуло на последней мысли. «Один-единственный». Стало зябко. Она потянула скомканное больничное одеяло на себя, попыталась расправить, с трудом управляясь только левой рукой. Сколько дней осталось у Алекса? Она должна, непременно должна была его увидеть. Попробовать достучаться.

Закончился ужин. Время тянулось утомительно долго, но к одиннадцати вечера наступила тишина. В одиннадцать все дежурные собирались пить чай в ординаторской.

Дина сползла с кровати, стараясь не зацепиться гипсом за бортик и прижимая к груди неудобную конструкцию аппарата Илизарова. Кое-как перебралась в кресло, скривилась от боли и поехала,

мучительно медленно, орудуя только одной рукой и ногой в проскальзывающей по линолеуму короткой лонгетке на стопе. Впереди был целый коридор, а она держала на весу перед собой тяжелый гипс, сжимала зубами концы полотенца, в которое завернула правую руку. Сегодня или никогда: с третьего этажа ей сюда будет уже не добраться!

Как она и надеялась, дверь в палату, где лежал Алекс, оказалась открытой. На сестринском посту горел ночничок, светился возле кровати экран монитора, перемигивались разноцветные огоньки на белой панели под потолком, к которой тянулись многочисленные шланги, трубки и провода. Дина приподнялась из кресла, вцепившись в толстый поручень изголовья, и, чуть не плача от неимоверных усилий, вытянула себя вверх. Дальше стало легче. Кое-как заняв вертикальное положение, нелепо отставив в сторону загипсованную ногу и опустив больную руку на край кровати, Дина, неровно дыша, всмотрелась в заостренные черты неподвижного лица. В полумраке оно казалось совсем неживым, чужим, но все-таки это был именно он.

— Алекс, я знаю, ты меня не слышишь. Потерпи совсем немного. Я тебя вытащу. Мы неслучайно оказались так близко, — шептала Дина скорее себе, чем неподвижному Алексу. — Уж если вернулась я, то тебе точно там не место!

Очень худое, с черными кругами вокруг глаз, его лицо казалось другим. Голова была выбрита. Верх-

ний кончик правого уха отсутствовал, а прямо над ним тянулся к затылку грубый, толстый, словно гусеница, рубец.

Руки безвольно лежали поверх одеяла. Она про-  
сунула дрожащую ладошку под свободную от тру-  
бочки капельницы кисть. Сжала. Тонкие длинные  
пальцы были холодными.

— Я приду. Обещаю! Жди. Ты должен вернуться!  
Я специально не слушала «Лесного царя». Сам для  
меня сыграешь.

Неподвижное лицо Алекса оставалось равно-  
душной маской. Но Дина знала, что там, между  
светом и тьмой, он жив и страдает.

— Я приду, — прошептала она еще раз и неуклю-  
же опустилась обратно в кресло. Попыталась опу-  
ститься. Промахнулась, вцепившись здоровой ру-  
кой в подлокотник. Кресло покатилося назад, ведь  
зафиксировать колеса Дина даже не подумала. Не-  
уклюже прыгнув за ним спиной вперед на дурац-  
кой лонгетке, она умудрилась попасть на самый  
край сиденья, но гипс на второй ноге с грохотом  
врезался в металлическую тумбочку...

В таком виде, торопливо и безуспешно пытаю-  
щуюся развернуть кресло одной рукой, ее и обна-  
ружила дежурная из палаты Алекса...



Шума было много. Прибежала Антонина, из орди-  
наторской вышел даже дежурный врач, который  
явно собирался вздремнуть — такой помятый был

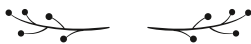
у него вид. Все они напустились на Дину, но она только делала большие жалобные глаза и твердила о том, как ей жаль. Мальчика Лешу, про которого прочитала в интернете, и того, что вела себя глупо и неосторожно... В голове же крутилась и крутилась единственная мысль. Наркоз! Глубокий наркоз!

Каких только способов она не перебрала, чтобы снова очутиться в коме, но на этот раз с гарантией того, что она будет помнить все! Иначе затея оказалась бы бессмысленной. Единственный приемлемый вариант — медикаментозная кома — был слишком сложен. Кто и по какой причине ввел бы ее в такое состояние?

И вот, когда она почти отчаялась, Антонина, ругаясь громким шепотом на Дину, которую везла обратно в палату, выдала:

— А если бы ты упала? Да на «раскоряку»? Повредила бы спицы? Это же опять наркоз, операция. Куда тебе сейчас наркоз, дурочка? Это после комы-то? Все равно что снова в кому. Рано от тебя доктор Брумм отступился, я считаю!

Дина так и обмякла в кресле от облегчения. И правда, чем наркоз от искусственной комы отличается? Да почти ничем. Ей и надо-то было совсем немного времени! Покосившись на аппарат Илизарова, Дина вздохнула. Придется подождать до завтра. Похоже, что для отделения реанимации ее фокусов оказалось достаточно: Антонина предусмотрительно оставила дверь в палату открытой и пригрозила глаз с нее не спускать.



Половину ночи Дина не спала, так и эдак представляя себе новое падение. К утру, измученная, она поняла, что сломать руку еще раз не так-то просто. От одной мысли об этом сердце заходило бешеным стуком и ее бросало холодный пот. Покалеченный организм сопротивлялся выбросам какого-то гормона, про который что-то, скорее всего, в школе проходили, но Дина давно и прочно забыла. Ясно было одно: она больше никогда не сможет бездумно и глупо отпустить перила, стоя на краю. Она физически не в состоянии сознательно нанести себе увечье! Даже ради Алекса.

Слезы затопили открытые глаза. Рука разболелась так сильно, что хотелось заорать и позвать дежурную, а ведь еще никто ничего не ломал! «Я сделаю это! Сделаю! Сделаю!» — уговаривала себя Дина, цепenea от ужаса, чувствуя себя предательницей и втайне надеясь, что наступающий день что-то изменит.



Утро началось с хлопотных сборов по переезду в другое отделение, а закончилось ужаснувшим Дину событием. Сначала в длинном коридоре затопотали, за приоткрытой дверью палаты одна за другой промелькнули фигуры врача и медсестер, провезли какой-то тяжелый аппарат. Потом на пороге появилась Антонина с тревогой во взгляде.

Она катила впереди себя поскрипывающее кресло с неровной надписью «1-я хирургия» на спинке.

— Ну, — вздохнула, — пора, — и поставила кресло боком возле кровати, — давай перебираться.

Дину позабавила двусмысленность ее слов. Перебираться с кровати в кресло и перебираться в первую хирургию звучало одинаково. Антонина выглядела странно. От ее привычного добродушия не осталось и следа. Она хмурилась и украдкой оглядывалась на дверь палаты.

— Что-то случилось? — не выдержала Дина, водрузив загипсованную ногу на ручку кресла-каталки.

Антонина не успела помочь, оглянувшись. Мимо палаты быстрым шагом прошел заведующий отделением. Фалды расстегнутого халата развевались у него за спиной.

Дина решила, что в отделении появился новый пациент. Скорее всего, кто-то из «тяжелых», раз поднялась такая суeta. «Впрочем, — сокрушенно подумала она, — чему я удивляюсь? “Легкие” здесь не задерживаются, переезжая на другие этажи больницы».

Антонина повернулась и с сомнением посмотрела на Дину, качнув головой.

— Давыдченко из третьей палаты утром стало совсем плохо. Будут решать вопрос о его отключении. Только мать дождутся...

— Что?!

Забыв о больной ноге, Дина подскочила на кровати. Кресло боком поехало в сторону. Колеса сопротивлялись, с невыносимым скрипом цепляясь

резиной за линолеум, негодовали на такое варварское применение. Кресло затормозило, но относительно здоровая Динина нога проскользнула по полу и потеряла опору, сразу отпихнув его еще дальше от кровати. Антонина всплеснула руками и бросилась к Дине, но ей помешала выставленная кочерга гипса, которая проскочила под ручку кресла и застряла там, продолжая его толкать.

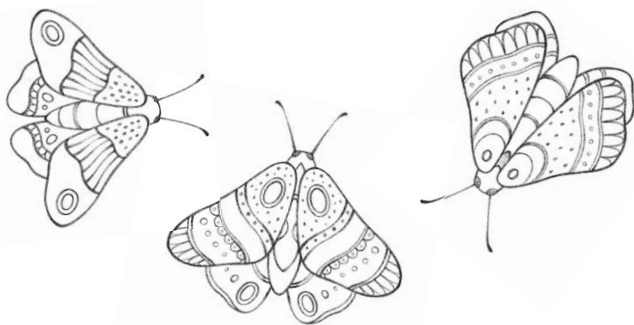
Пока медсестра неуклюже лавировала, пытаясь обогнуть торчавший на ее пути гипс, расстояние между кроватью и креслом увеличилось настолько, что Дина уже едва могла удержаться. Поясница повисла над полом и продолжала сползать дальше. Ограничители с боковины кровати сняли еще утром — они мешали сидеть, собирая в пакет разную мелочовку, — так что теперь даже зацепиться было не за что. Здоровой рукой до спинки кровати было не достать, а вторая, заключенная в металлический каркас, была бесполезна. Инстинктивно продолжая тянуться к изголовью здоровой рукой, Дина вдруг сообразила — сейчас или никогда! Понимание, словно огненная вспышка, высветило все разом: страх падения, будущую боль, данное Алексу слово, возможность, которую нельзя было упустить. Дина прекратила попытку за что-нибудь схватиться и выгнула спину. Глупая мысль о том, что центр тяжести человека находится в заднице, которая уже висела в воздухе, была не очень ко времени, но точно отразила то, что произошло потом.

Дина упала, беспомощно взмахнув обеими руками, и приложилась затылком сначала о выступающую железную раму кровати, а потом и об пол.

В довершение всего загипсованная нога перевернула-таки кресло, и оно свалилось набок, прямо под ноги неповоротливой Антонине. За миг до того, как чудовищная боль превратила утро в ночь, Дина успела удовлетворенно выдохнуть: утяжеленная железками сломанная рука с размаху летела к полу всеми своими ободами и спицами.

**STONE HEDGE**





## Глава 3

# ИНТЕРМЕЦЦО

*Интермеццо — небольшая инструментальная пьеса, разыгрываемая между актами.*

После того как Дина исчезла, Аликвис так и остался сидеть на берегу возле невидимой воды, только уши руками зажал. Торжествующий вой и громогласный рев пробивались через ненадежную преграду, но он просто ждал, несильно раскачиваясь и морщась, будто разболелись зубы. Зубы не болели, но вибрация звука неприятно отдавалась в костях черепа. Утешало знание, что продлится это не слишком долго. Идти куда-либо в непроницаемой темноте все равно не имело смысла.

Он прикрыл глаза, в которых продолжал плясать огненный зайчик последнего луча, вернувшего Дину домой, и усмехнулся: Тьме не удалось заполнить эту необыкновенную девушку!

Во мраке что-то происходило. Невидимое мельтешение, вращение, словно повсюду вокруг него рыскали прожорливые звери, воя на все голоса. Аликвис не шевелился. Мелькнуло: «Дина теперь наверняка уже дома». Он представил, как она нажимает кнопку звонка и дверь в ее светлую квартиру распахивается настежь. Интересно, ее искали? Нельзя же незаметно пропасть из семьи? Она что-то кричала про смерть, но Аликвис почти ничего не расслышал. Кажется, Дина решила, что умерла там, дома?

Он и сам раньше тоже думал о таком варианте. И не он один сопоставлял это место с чистилищем, но простая логика легко разбивала эту теорию: для мертвых обратной дороги нет, а здесь никто не сомневался, что вернуться можно. Достаточно просто вспомнить себя, свою жизнь, свою семью...

В груди защемило. Семья — запретная тема. Он понятия не имел, была ли она у него, сучает ли кто-нибудь там, дома? И был ли у него дом, родители? Пустота... Она больше не изводила его болью, и вопросы не взрывали мозг каждый раз, возникая, но думать об этом было по-прежнему неприятно. Это поначалу, едва освоившись здесь, он пробовал читать книги, примеряя на себя истории чужих жизней, но от этого становилось только хуже, и Аликвис перестал отождествлять себя с кем бы то ни было.

Какофония стихала. Где-то зашуршал осыпающийся гравий, слабо плеснула вода. Аликвис осторожно приоткрыл глаза. Темнота таяла, уже получалось разглядеть свою руку — он растопырил

пятерню — и даже сосчитать пальцы. Можно было возвращаться в город.



На подходе к Исаакиевской площади он едва волок ноги. Рассказывая Дине, что не ощущает голода, холода или боли, Аликвис слегка преувеличил. Чувства постепенно притуплялись, но это не значило, что они пропали совсем, и он изрядно вымотался.

Не обращая внимания на смутный силуэт первого за этот день «уходящего», бодро шлепавшего босиком по набережной, Аликвис спустился с моста, обогнул памятник Петру Первому и потащился мимо величавого собора, пнув попавшуюся под ноги пустую жестянку из-под энергетика. Банка завертелась волчком, разгоняя навязчивую тишину громким бряцаньем.

Он чувствовал себя разбитым и особенно остро ощущал сейчас и пустоту окружающего мира, и пустоту внутри себя. Что он такое? В самом деле, кто он? Для чего застрял здесь?

Утро получилось затяжным, солнце никак не хотело подняться повыше и разогнать серые сумерки. «Кому-то повезет, если день будет длинным, — вяло подумал он. — Вот только сегодня — без меня». Собираясь завалиться на большой кожаный диван и пролежать там до вечера, он потянул на себя тяжелую дверь гостиницы.

В просторном зале «Ротонды» было прохладно. Пахло пылью и плавленым воском. По ночам

Аликвис зажигал с десяток толстых свечей, и они наполняли бар оранжевой загадочностью неровного света. Иногда. А иногда отказывались гореть, и почерневшие фитили пускали к потолку пахучие струйки дыма вместо огня. Тогда он играл в темноте, на ощупь, и только рояль был его единственным союзником, его латами и копьем, его оруженосцем и верным скакуном в противостоянии Тьме, пожирающей мир.



Сна не было. Он почти разучился спать. Вместо забытья приходила длинная пауза, в течение которой можно было лежать, не шевелясь и почти не дыша, но Аликвис не отключался — слышал шорохи и вздохи пустого здания; потрескивание пружин кожаного дивана, на котором лежал; перестук капель из крана на кухне бара. Кран оставался приоткрытым, чтобы всегда знать — есть вода или опять пропала.

За опущенными веками не было темноты. Сегодня там царила Дина. Дина — испуганная, сердитая, удивленная, смущенная. Дина плачущая и улыбающаяся. Отчаянная, храбрая, сильная. Удивительная! Чудесная! Аликвис сердито потер глаза. Не помогло. Кажется, девушка обосновалась в его голове навсегда. «Дурак! — удивленно подумал он. — Я же никогда ее больше не увижу!» «Всегда» и «никогда» заставили горько усмехнуться. Может статься, что скучать по Дине придется совсем недолго...

Поначалу он считал дни, даже отмечал крестиком на найденном календаре с видом Зимнего дворца.

За точку отсчета взял почему-то июль. Но быстро забросил это дело. Дни, часы, время — здесь это не имело никакого смысла. «Не забивай себе голову», — проворчал Доктор, когда Аликвис рассказал ему про календарь. Тогда он старика не понял, а теперь и сам дал бы такой же совет. Правда, «забить голову» хоть чем-нибудь хотелось непрерывно, потому что пустота на месте утраченной памяти изводила и нагоняла страх.



Аликвис вышел на улицу и, мельком глянув на положение солнца — оно висело невысоко, — отправился в сторону Невского проспекта. По какой-то неизвестной ему закономерности прибывающих по утрам новичков в центре города было меньше всего, но ворчание в тени каждой подворотни было слышно и здесь. К нему оно не имело никакого отношения, но грязный, шипящий звук раздражал.

На проспекте, удивительно красивом в утреннем свете, царила тишина. В который раз попытавшись представить себе, как выглядели бы тротуары, если бы по ним двигались толпы празднично одетых людей, и дороги с несущимися по ним машинами, Аликвис вздохнул. Этому месту не хватало людей. Не хватало суеты. Оно казалось ненастоящим, да и было таким. Город — это место для жизни, а здесь жизни не было. Разве можно назвать его существование жизнью?

Полностью переодевшись в облюбованном когда-то большом магазине одежды и стянув с вешалки

близнеца синей жилетки-пуховика, уже ставшей привычной, Аликвис перешел дорогу и поднялся в кафе с огромными окнами. Там было достаточно светло: видно, что именно ты подносишь ко рту, да и электричество работало чаще, чем в других местах.

Видимо, не один он об этом прознал, так как, едва приоткрыв дверь, услышал голоса.

— Да не туда крутишь! В другую сторону давай! Сломаешь же! — вскрикнул кто-то.

— Разберусь, — обиженно прогнусавил другой.

Спросив себя, так ли уж ему хочется поесть, Аликвис решил, что надо, и вошел в большой зал. На него тут же уставилась парочка, увидеть которую он совершенно не ожидал.

— Гы, — удивленно выдал лохматый мужик с проседью в несуразно длинных волосах, украшенных круглой блямбой проплешины. — Смотри, Лысый, а Музыкант-то не утоп! По воде, аки посуху...

Лысый, который был действительно лыс, как куриное яйцо, и форму черепа имел похожую, угрюмо пожал плечами и отвернулся к большой печи, продолжив вращать черную рукоятку и давить на все кнопки подряд.

— А девка? Девка-то утонула? — не унимался лохматый.

Его прозвали Летчиком, видимо за бессменную кожаную куртку-авиатор, и он не возражал, а Музыкантом такие, как Летчик и его компания, называли Аликвиса. Это бесило, но что поделаешь? С тех пор как Доктор утратил свое влияние, летчики и витьки совсем потеряли берега.

— Давай я включу, — не отвечая на поддевку, протиснулся за длинную стойку Аликвис и невежливо оттер Лысого от печи.

Она слабо загудела, подавая признаки жизни. Решетка внутри была забита какими-то свертками. Никакого альтруизма Аликвис не испытывал, просто не хотелось, чтобы криворукий и туповатый Лысый в самом деле испортил единственную в округе более-менее рабочую технику.

— Пивко будешь? — предложил развалившийся за круглым столом Летчик.

Судя по всему, он был в хорошем расположении духа и не собирался мстить Аликвису за то, что тот не отдал им Дину. Это могло значить только одно: компания Летчика нашла себе другую жертву.

— Нет, — коротко ответил Аликвис.

Внутри печи коротко звякнуло. Лысый открыл дверцу и торопливо сунул внутрь грязные лапы, норовя сгрести все упаковки разом.

— А! Твою же... Горячо!

Едва не роняя свертки на пол, но умудрившись все-таки сгрузить их на прилавок, он замахал в воздухе руками.

В отличие от мерцающего временами Летчика, Лысый был устойчиво материален и, скорее всего, боль испытывал самую настоящую.

Аликвис вытянул из неровно гудящего шкафа-холодильника два готовых сэндвича в бумажной упаковке и положил в горячее нутро печи, выставив табло на разогрев. За коричневым налетом на обратной стороне стекла загорелся тусклый свет. По непонятным законам этого мира еда периодически

появлялась там, где ее вчера не было, и исчезала там, где была еще вчера. Продукты могли оказаться свежими, а могли оказаться протухшими или ссохшимися, словно египетские мумии. Никакого постоянства, никакой системы в этом не просматривалось, как и в случаях с водой, электричеством, огнем или сменой дня и ночи.

— Слышь, Музыкант, давно хотел спросить, — вполне миролюбиво заговорил Летчик, глотнув прямо из горлышка. — Какой тебе кайф от экскурсий? Чего ты таскаешь этих недоумков на берег?

Пришлось отвечать. То, что у самого старшего из шайки было хорошее настроение, еще не значило, что оно не изменится буквально через минуту. Больше всего Аликвис хотел по-быстрому забрать свои бутеры и уйти без ссоры.

— Я пытаюсь вспомнить, — честно ответил он. — Чтобы убраться отсюда.

Летчик хрипло рассмеялся.

— Так скоро уже, тебя скорее не видно, чем видно, — выдавил он сквозь смех и добавил, протягивая над столом мерцающую руку: — А хочешь, вместе пойдем? На восток. Сейчас выпьем и пойдем!

Только теперь Аликвис сообразил, что Летчик пьян. Скорее всего, напился еще ночью, а теперь опохмелялся. В отличие от Доктора, на него почему-то действовал алкоголь.

— Я не хочу на восток, я хочу вернуться.

Зачем он это сказал, зачем вообще ответил?

— Куда? — побагровел Летчик, приподнимаясь над столом. — Куда ты хочешь вернуться, соплежуй малахольный? Кому ты нужен? Есть только



два пути, что, не знал? В рай или в преисподнюю. В рай нас не взяли, а для ада мы, видать, пока не дозрели.

Он рухнул обратно на стул, зацепив столешницу, и бутылки — пустые и полные — с грохотом покатались по столу. Лысый принялся ловить их, неуклюже размахивая большими лапищами. Кисти у него были громадными, чуть ли не в размер его же вытянутого черепа. Когда он сжимал кулаки, получались два вечно грязных молота. И — Аликвис знал это по опыту — били они соответственно.

«Да он же боится!» — вдруг понял парень.

Кажется, Летчик, который торчал здесь почти так же давно, как и Доктор, тоже чувствовал, что его время подходит к концу... Но жалеть этого подонка Аликвис не собирался. Печь отключилась.

— Я пойду, — сухо сообщил он, вытащив сэндвичи, которые должны были обжигать мерцающие руки, но казались чуть теплыми.

Летчик только махнул рукой — вали, мол, — и Аликвис поспешно убрался из кафе подобра-поздорову.

«Какой тебе кайф?» — вспомнил он, сидя на ступенях у метро «Адмиралтейская» и запивая безвкусный резиновый сэндвич теплой кока-колой. За спиной, за стеклянными дверьми вестибюля, в черном зеве подземелья глухо шипела темнота.

Он не соврал Летчику. Никакого кайфа. Наоборот, его наградой были разочарование и боль каждый раз, когда кто-то уходил, а он оставался. Его

единственной настоящей целью было научиться вспоминать — до вчерашнего дня. А прошедшей ночью впервые за все проведенное здесь время Аликвис ощутил радость. Словно это не Дина, а он сам выиграл обратный билет.

В «Ротонду» возвращаться не хотелось. Закончив с едой, которая неприятным комом застряла в животе, он повернул в обратную сторону, пересек Невский проспект и вышел на Дворцовую через арку Главного штаба. По булыжнику огромной площади, вяло перешептываясь на своем шуршащем языке, медленно передвигались скукоженные сухие листья. Неощутимый ветер выдавал свое присутствие их неторопливым танцем. В низкое небо втыкался гранитный стержень Александровской колонны, и листья закручивались вокруг ее чугунной ограды широкой спиралью, будто колонна служила осью вращения мира. На это же намекал и размытый солнечный диск, зависнув прямо над крестом в руке мраморного ангела. Удивительно, откуда наметало эти листья? Ближайшие деревья росли слишком далеко. Еще одна загадка, из десятка других.

Однако Дворцовая была единственным местом, где Аликвис чувствовал странное единство с городом. Нет, не с этим пустым и мрачным, но другим, которого он совсем не помнил, но откуда-то знал и любил. Здесь казалось: протяни руку — и откроется невидимая дверь, войдя в которую непременно окажешься там, дома, что бы это ни значило. Здесь в его голове всегда звучала музыка. Негромкая и торжественная, наполнявшая душу высокой,

светлой грустью. Но сегодня музыки не было. Его мысли ходили по кругу, всякий раз возвращаясь к одному и тому же — Дина.



По второму разу обходя гранитную колонну против загадочного неспешного движения листьев и мелкого мусора, Аликвис вдруг пошатнулся и схватился за решетку ограды. Прикосновение ладони к холодному металлу неожиданно вызвало острую боль в руке. Он удивленно смотрел, как сквозь нее проступает черненная поверхность прута, а запястье тает, мерцая так часто, что становится почти неразличимым. Виски сдавило, в ушах зашумело. Очень знакомо зашумело. Он почти различил в отдаленном шипении слова: «Иди сюда... сюда». Помотал головой, стараясь избавиться от наваждения. Площадь таяла, расплываясь перед глазами, Эрмитаж утратил свои колонны и превратился в бледно-голубую стену, медленно плывущую навстречу.

Время остановилось. Аликвис закрыл глаза, не в силах удержать внезапно отяжелевшие веки, а когда снова открыл, вяло, отрешенно удивился, обнаружив, что не голубая стена движется на него, а он сам, едва передвигая ноги, идет к ней, почему-то вытянув вперед руки, словно слепой. Руки он опустил, но продолжил идти. Сердце сильно и редко толкалось в груди, в ушах не смолкал свистящий настойчивый шепот: «Иди. Сюда. Сюда». Он совершенно ничего не понимал и не мог противиться этому зову.

Шаг за шагом, спотыкаясь, глядя прямо перед собой, он вышел к... воде? Смутно помнилось, что эта жидкая лента имела название, но он не мог сообразить какое. Способность думать вязла в надоедливом зове. Свет потускнел, или потемнело в глазах, но все вокруг стало плохо различимым, туманным, смазанным. Ощущение правильности и внутреннего покоя обволакивало и не позволяло ленивым мыслям шевелиться.

«Хорошо. Сюда», — негромко нашептывал голос, и Аликвис кивнул, не в силах раскрыть рот — такая нега, такая усталость залепляла губы. Новое ощущение он обнаружил не сразу, было ужасно лень отрываться от рассматривания далекой яркой точки впереди. Что-то ледяное оббивало правую ладонь. Он медленно-медленно перевел взгляд на свою руку. Она исчезала в черноте. Чернота шевелилась и шипела.

«Так вот какая...» — мысль оборвалась, не закончившись. Ему было все равно. Но мысль снова пробилась сквозь благостное оцепенение: «Совсем не страшная. Зря она так боялась...»

Шепот стал громче, настойчивей. «Иди-иди-иди. Хорош-шо!»

Он готов был согласиться, он не спорил, но что же это была за мысль? Кто такая «она», которая боялась? Чего боялась? И почему он идет не в ту сторону?

Впереди, прямо из-под ног, вырастала и двигалась вместе с ним короткая тень. То, что держало его за руку, поднималось, вытекало прямо из этой подвижной тени и шептало, шептало, шептало в ушах.

Отвратительный звук заполнил всю голову, не оставляя никакой возможности думать.

«Тень... Не туда... Нет. Нет. Нет...»

Он продолжал идти даже тогда, когда перестал чувствовать ноги. Видел, что синие — что это? Цвет? Запах? Звук? Синие что? Обувь... — поочередно выдвигаются вперед и снова исчезают из поля зрения.

Когда подогнулись ноги, он пополз на карачках, как животное, к той яркой точке впереди. Только вот она больше не была точкой и не была яркой — она стала черной дырой и проглатывала все: длинные полосы серых стен, серое полотно (чего? Кажется, дороги?), по которому он шел, — и все росла, росла. «Сюда!» — ликовал голос в голове.

«Иду», — вяло соглашался он, уже не помня ни себя, ни того, что это значило — идти на восток.

*За окном палаты реанимационного отделения ярился ветер, пригоршнями швыряя в стекло мелкие капли ледяного дождя, застывавшего прямо на лету, но стук льдинок заглушал тревожный писк монитора сердечного ритма. По экрану ползли едва заметные зубчики, протягивая за собой длинные горизонтальные черты. Показатели давления упали до критических значений и продолжали пике. Леша Давыдченко умирал. Над исхудающим телом юноши суетились врачи, тревожно оглядываясь на распахнутую дверь — ждали дефибриллятор. Тот, что был в палате, вдруг отказался работать и тускло отсвечивал слепым бесполезным экраном. Впрочем, надежды на спасение подростка не было. Это читалось*

*по сожалению в глазах медиков, по сухим, отрывистым дежурным репликам, по удивленным взглядам на экран монитора кардиографа: сердце Леши, затихая, все еще билось.*

*Молодая медсестра Женя Черникина вкатила через порог тележку с новеньким дефибриллятором. Самым лучшим во всей больнице, самым современным. Она так спешила, что запыхалась, но так же, как все, сомневалась в успехе реанимации. Слишком долго боролся за жизнь мальчик Леша, так долго, что даже Женя перестала надеяться на то, что он сможет прийти в себя.*

*Сердце подростка продолжало выдавать редкие удары, рисуя неровные зубцы на мониторе. Женя торопливо нанесла на электроды слой токопроводящего геля.*

*— Готово.*

*Она протянула электроды доктору.*

*Высокий писк аппарата перекрыл шипение кислородной смеси в аппарате ИВЛ.*

*— Разряд!*

*Все отпрянули. Тело юноши дрогнуло. Ток пробился к сердечным мышцам, вызывая шоковую остановку, и... Все смотрели на монитор. Длинная-длинная дорожка электронного водителя ритма. Бездна безнадёжности. Долгий писк аппарата. Одновременный выдох всей реанимационной бригады: сердце завелось, пошло, ломая оранжевую линию смерти острыми и правильными зубцами...*

*— Ох ты ж черт! — изумленно выдал завотделением.*

*«Ура!» — про себя возликовала Женя. Она еще не умела смириться со смертью и надеялась, что та скорее*

*научится не появляться в ее присутствии, чем девушка постигнет горькую науку смирения.*

Все закончилось резко. Страшный удар в грудь опрокинул его, перевернул на спину. Ошеломляющая боль, которая длилась всего миг, долго затихала, не давая вздохнуть, заставляя судорожно подергиваться руки и ноги.

Придя в себя, Аликвис открыл глаза и повернул голову набок. В поле зрения оказалось пыльное полотно дороги. Совсем близко к лицу слабо трепетал от его дыхания клочок бумаги, краем прилипший к асфальту. Чуть дальше зрение ограничивал брусок поребрика и полукруглое основание фонарного столба за его краем.

Вздрагивая от ожидания новой боли, Аликвис заставил себя приподняться и сел, опираясь на руки. Солнце стояло в зените. В неподвижном воздухе разливалась такая тишина, что зазвенело в ушах. Ни впереди, ни позади никаких черных дыр не было...



Доктор дернул рычаг каретки, и та с треском провела хрупкий — проклятая бумага! Не бумага, а папирус какой-то! — лист на плотном валике. Поклацав клавишей, прогнал каретку до середины и нащелкал: «Удачи». Литера А западала, и оттиск получался смазанным, но разобрать все-таки было можно. Выкрутив остаток листа из цепких объятий древней печатной машинки, Доктор удовлетворенно

крякнул и, перевернув его тыльной стороной, положил поверх стопки, к остальным.

«Ну вот и все, — подумал он, чувствуя неимоверное облегчение. — Теперь можно уходить». Где-то в районе пятого позвонка сама собой ослабла сжатая пружина. Плечи опустились, поникли, сделавшись ватными. Он крутанулся на истрепанном офисном кресле, привычно поджимая ноги, чтобы не сшибить с ящиков, беспорядочно расставленных по тесному пространству ларька, бутылку или стакан; настольную лампу без абажура с пыльной лампочкой-соткой, смотревшей в низкий потолок; огарки оплывших свечей в пустых консервных банках; мусорные мешки с грязными пластиковыми тарелками; стеклянную банку, полную порыжевших окурков...

Намерение уйти по собственному желанию было чересчур оптимистичным, но он давно решил попытаться, держала только книга. Теперь она была закончена и держать стало нечему. Что бы ни случилось, это должно произойти сегодня.

Чувствуя прилив энергии, давно забытое ощущение того, что нужно спешить, Доктор засуетился. Бросился заталкивать толстую пачку бумаги в картонную папку с веревочными завязками и надписью «Дело» на лицевой стороне. Бумага ерепенилась, норовила выскользнуть из трясущихся пальцев, выпирая уголками листов из общей пачки.

— Но-но! — сердито прикрикнул Доктор.

Он давно уже разговаривал с неодушевленными предметами, как с живыми. Иногда они даже делали вид, что понимают, и слушались. Несшитая кни-



га посопротивлялась еще немного и послушно улеглась в серый картон папки. Сунув папку в замызганную торбу, сшитую из кожи неведомого зверя, ибо он не мог представить, чтобы у кого-то могла быть такая тонкая и тянущаяся, словно резина, кожа, Доктор приложился к горлышку полупустой бутылки. Ни два, ни двадцать два глотка джина ничего не изменили бы, но он привык к этому пойлу, к хвойной отрыжке, к тупому жжению в животе.

Снаружи светало. Доктор хмыкнул себе под нос, просунул руку под растянутые лямки сумки и бодро зашагал по улице, даже не оглянувшись на оставленное жилище. До центра города путь был неблизкий.

За распахнутой настежь дверью зашипела и погасла последняя свеча, утопив крохотный огонек в лужице расплавленного стеарина.



Записку — вчетверо сложенный лист бумаги, такой желтой и старой, словно ей было лет сто, не меньше, — Аликвис обнаружил небрежно воткнутой в дверь «Ротонды». Все еще не до конца очухавшись после того, что случилось на Дворцовой, он без удивления развернул послание и нахмурился.

«Птенец! Жаль, что не застал, — гласили корявые буквы, с нажимом выдавленные красным карандашом, — я хотел попрощаться. Я ухожу. Совсем. Посмотри там, оставил тебе подарок. Попробуй сделать так, чтобы он послужил другим, кто придет после нас. Не кисни и меня не ищи».

Подпись отсутствовала, но в ней не было необходимости. Только Доктор звал его так — Птенец. Кличка не прижилась.

Он перечитал записку еще раз. И еще. Растерянно оглядел пустую площадь. На восток можно было уйти тысячей разных маршрутов, и Доктор знал их все.

«Подарок» нашелся на диване. Сдвинутая набок увесистая пачка все той же желтой бумаги, испещренной шрифтом самого странного вида, вытянутым кверху, с большим количеством жирных точек, выбитых в завитках на хвостиках букв, и плохо пропечатанным, словно у принтера заканчивались чернила.

Аликвис уронил последний лист, закончившийся издевательским «Удачи!», и тот спланировал на диван. Медленно и беззвучно. Он прочитал всю стопку, стоя возле дивана в позе памятника неизвестному поэту. Всю, до самого конца. Оказывается, Доктор вел дневники. Оказывается, ему было так же плохо, как и Аликвису. Оказывается, можно было существовать здесь не месяцы, а целые годы, чтобы в конце концов пойти и отдать себя в пасть Тьме.

К горлу подкатила тошнота, и Аликвиса вывернуло на пол. Кока-кола, сэндвичи — отвратительное коричневое месиво резкой горечью обожгло горло и нос, фонтаном выстрелив под ноги. Он давился, кашлял, захлебывался блевотиной и слезами. «Путеводитель... Мля! Старый дура-ак!» Горечь внешняя и горечь внутренняя разрывали грудь. Путешествие на восток было слишком свежо в памяти,

слишком реально. Судьба Доктора ужаснула, а своя ужаснула еще сильнее: вот теперь он точно остался здесь совсем один, ни к чему не годный. Даже Тьма не захотела принять его.



Остаток дня он провалился на диване, уставившись в высокий, украшенный лепниной потолок. Устав разглядывать гипсовые завитки, прикрыл глаза, но и за опущенными веками ощущался свет. Темнота и Тьма навсегда разделились.

Вздохнув, Аликвис перевернулся на бок. Что-то кольнуло, остро упираясь в нижний край ребер. Он поморщился и нашарил какой-то небольшой предмет. Брелок-открывашку, который, видимо, выпал из кармана. Хороший брелок. С секретом. Изогнутая стальная загогулина была прорезана вертикальной щелью по всей длине, а в щели пряталось острое лезвие маленького ножика.

От внезапной боли Аликвис едва не застонал. Что-то мучительно сжалось в груди и не хотело отпускать. Он зажал брелок в кулаке, вспомнив, как попала к нему эта небольшая вещица.



...Доктор встал на пороге ларька, перекрывая Аликвису, тогда еще просто Птенцу, не выбравшему себе другого имени, выход наружу.

— Не глупи, — отрезал он, заканчивая спор, — таких смельчаков Жуть глотает, не запивая.

— Вы запугать меня хотите? — уточнил Аликвис.

Запугать его было несложно, вот только признаваться в этом решительно насупившемуся Доктору совсем не хотелось. Аликвис только-только перестал шарахаться от каждой тени, и в нем горело желание разобраться во всем происходящем самому. Проверить все байки Доктора на практике. Мозг заполнялся узнаванием вещей, о которых он удивительным образом забыл начисто, и росла уверенность, что не сегодня, так завтра он вспомнит и все остальное. Самое главное. Себя. Не хотелось терять ни минуты.

— Пропустите, — попросил Аликвис Доктора.

Тот покачал головой.

— Дурак ты, Птенец. Нельзя тебе еще ночью по городу шляться.

— У меня лампа, — поднял руку Аликвис. За средний палец цеплялась дужка пузатой масляной лампы, которую они на днях сняли с крючка в полуподвальном ресторанчике. — Я заправил, она горит.

— Снова дурак. Там, — Доктор махнул рукой куда-то себе за спину, — она гореть не будет. В лучшем случае ноги себе переломаешь в темноте. В худшем — рехнешься. Выхаживай тебя потом...

Аликвис разжал кулак. Открывашка тускло отсвечивала металлическим боком. Доктор сдался тогда. Плюнул и пинком распахнул дверь. Аликвис провел в темноте совсем немного времени, может быть, несколько минут, но они показались ему вечностью, полной настоящего ужаса. Доктор втащил его внутрь своего жилища за шиворот и оставил

сидеть у порога. Униженного, трясущегося, зажавшего уши руками, с глазами, полными слез. А утром подарил этот брелок на память о первой встрече с невидимой Жутью.



Когда стемнело и за окнами завела свой ночной концерт Тьма, Аликвис зажег свечи и сел за рояль. Звонкая капель «Кампанеллы» Листа выплеснулась, отгоняя ужасы ночи. Пальцы бегали по клавишам, руки почти не отрывались от клавиатуры, а мысли были невозможно далеко. За «Кампанеллой» неожиданно последовала партия фортепиано из Седьмой симфонии Шостаковича. Вакханалия звука, грозная неразбериха подступающего ужаса оказалась спусковым крючком для мечущегося в сомнениях Аликвиса. Он криво улыбнулся правой стороной губ, не переставая играть. Музыка! Что же еще могло привести его в чувство? Доктор снова оказался прав, жаль, что они не встретились, но дорогу до ближайшей Границы города Аликвис знал и сам.

Едва темнота сменилась пепельными сумерками, он прекратил играть. Плечи, спина, руки — все ныло тупым отголоском усталости и боли. Свечи истекли желтыми слезами, и огонь едва теплился над озерцами расплавленного стеарина. Из-за монументальной барной стойки, из кухни, пробивался в неплотно прикрытую дверь лучик слабого света. «Ротонда» решила побаловать его на прощание электричеством. Аликвис провел

ладонью по дубовой стойке, проходя мимо. Оглянулся и окинул взглядом свою нору, убежище, приютившее и не дававшее сойти с ума.

Стопки пыльных книг на полу возле кожаного дивана, неудобного, но привычного. Овальный стол у окна, заставленный одинаковыми чашками с коричневыми потеками подсохшей кофейной гущи, груда мусора в углу у входа, фигурная вешалка с несвежими рубашками. Карта города, вся в пометках красным маркером, пришпиленная к стене над диваном. Несколько стульев, хаотично расставленных в самых неожиданных местах. Рояль в противоположном от дивана углу, чахлая пальма в кадке, упорно не желавшая умереть...

Все это ему больше не было нужно.

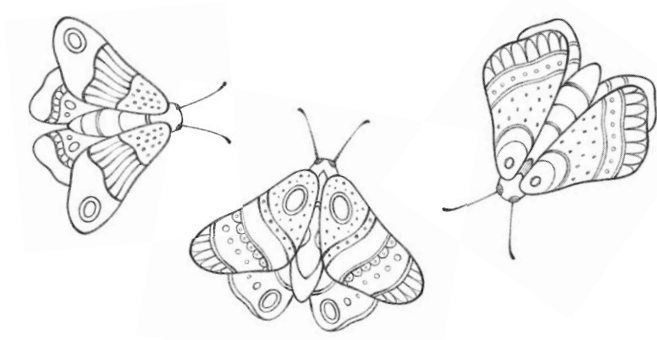
Кофемашина злобно зашипела, метко выплевывая в чашку коричневую жижу арабики. Гулять так гулять — Аликвис сделал двойной эспresso и решил выпить его тут же, у стойки. Грея ладони о чашку, он задумчиво смотрел в окно через весь зал. За стеклом едва прорисовывались в утренних сумерках голые кусты сирени, больше похожие на сросшиеся стволами деревья-недоростки. Их ветви расплывались в неясном свете, но Аликвис хорошо изучил каждый изгиб ближайших к окну «Ротонды» за то время, что ждал очередного рассвета.

Он сделал последний глоток и поставил чашку на стойку, нечаянно коснувшись рукой ее прохладной поверхности. Неизвестно зачем провел пальцами по пыльному лаку темной древесины. Пахло запустением и кофе. Два запаха — вчерашний и се-

годняшний. Завтрашнего запаха не было. Он даже не смог бы его вообразить, потому что никакого завтра уже не будет. Хватит с него!

Можно было идти, но что-то не отпускало. Какая-то мысль. Он еще раз оглядел свое жилище и наткнулся взглядом на ворох бумажных листов возле дивана.

Быстро просматривая верхние строки, отобрал несколько страниц, сложил, сунул во внутренний карман жилета и направился к выходу. Может быть, поздновато, но до него наконец дошло, почему Доктор никогда не рассказывал, что на самом деле думал о смерти Беса. К любому знанию нужно быть готовым, и сейчас Аликвис был полон решимости и уверен в правоте своего решения.



## Глава 4

# РЕПРИЗА

*Реприза — раздел музыкального произведения с повторением музыкального материала в исходном или измененном виде.*

Наркоза и последовавшей за ним операции Дина не запомнила. Просто очнулась в пустом сквере напротив Исаакиевского собора. Голые кусты сирени зябли на фоне серых колонн. Снега здесь не было, но и тепла — тоже. Утро только занималось, мрак не успел растаять и таился повсюду. Тишина давила, словно живая, подстегивая вскочить, убежать, спрятаться. «Ты можешь все. Все, чего по-настоящему хочешь!» Несмотря на то что Люська имела в виду нечто совершенно другое, Дина порадовалась, что в главном бывшая подруга не ошиблась. Ведь все сработало именно так, как задумано!



Она забралась с ногами на скамейку и, не обращая внимания на лихорадочный стук сердца, на далекое эхо «а-р-х-ш-ш-ш-а-а» (в памяти или наяву?), закричала во все горло так, что судорога стянула жилы на вытянутой шее:

— Алекс! Але-екс!

Звук разбил тишину на тысячи яростных, отчаянных криков. Они бились в коричневую тонировку окон «Англетера», как стая слепых птиц. Вонзались в светлеющее небо. Рикошетили об асфальт площади. Дробились и множились, заполняя собой весь мрачный, ненадежный и страшный мир промежутка между жизнью и смертью.

Тишина упала, как пуховое одеяло. Скрипнула тяжелая дверь гостиницы. Он появился в дверях, щурясь, обогнул баррикаду из составленных друг на друга столов и стульев, перешел через дорогу и побежал ей навстречу.

— Дина? Дина! — Алекс тряс ее за плечи, снова и снова всматриваясь в лицо, словно не мог поверить, что это действительно она и есть.

— Хватит, стой, ну прекрати уже!

Дина рассмеялась, и он опустил наконец руки.

Она и сама еще не до конца осознала, что Алекс — живой, часто мерцающий, ошарашенный и силившийся справиться с широкой улыбкой — стоит перед ней, можно сказать, во плоти.

В пустом сквере, посреди мертвого города, их возбужденные голоса прорезали гнетущую тишину.

— Что случилось? Как? — сыпались вопросы.

— Погоди, Леша, я все тебе расскажу. По пути, ладно?

Дина улыбнулась и взяла его за руку.

— Мы куда-то идем? Ты же вернулась? Как же ты снова здесь оказалась? Ничего не понимаю...

Совершенно сбитый с толку, он покачал головой и вдруг замер.

— Леша? Кто это — Леша?

Дина перестала улыбаться, слишком серьезный момент добавил в ее тон нотку торжественности:

— Леша, Алексей Давыдченко — это ты.

Она не знала, чего ожидать, но точно не того, что произошло. Алекс продолжал непонимающе смотреть ей в лицо, и Дина с ужасом осознала, что имя не вызвало у парня никаких ассоциаций. Чувствуя, как слезы горького разочарования подступают к глазам, Дина крепче сжала его ладонь и отвернулась. Все было не так, как представлялось там, в нормальности. Даже радость от встречи притихла, съежилась. А что, если он не поверит? Не примет правду? Не сможет? Почему-то там, дома, ей ни разу не пришло в голову, что она собирается нарушить законы этого странного и страшного мира. Законы, по которым Леша сейчас умирает там и должен уйти здесь... Запоздалая мысль пугала. Дина подняла голову. Так и есть. Мутный пятак проклятого солнца бодро взбирался в небо. «Чей это день? — холодея, подумала она. — Мой или его?»

Взять себя в руки оказалось труднее, чем она думала, но стоять столбом посреди площади, когда солнце галопирует над головами, глупо. Дина упрямо мотнула головой, и волосы — здесь у нее снова

были волосы, а не мягкий ежик бритой головы — упали на плечи и на лицо. Дина привычно сдула с щеки легкую прядь и потянула Алекса за собой.

— Бежим, у нас мало времени!

— Куда? — Алекс не сопротивлялся, он все еще не мог прийти в себя.

— На Римского-Корсакова. Нам туда очень надо.

— Ладно, ладно, — поспешно согласился он. Помолчал секунду и выдохнул то, что искажало лицо с самого момента встречи: — Мы едва не разминулись. Я собирался уходить и был бы уже далеко отсюда, но задержался...

Дина пожала плечами. Они ведь встретились? Значит, не стоило и переживать.

— Забей, давай двигаться!



Целый квартал от площади пробежали молча. Алекс порывался что-то сказать, но Дина тащила его за собой, советуя поберечь дыхание. Там, в нормальном мире, мог закончиться наркоз или, что куда хуже, могла прийти мама Алекса!

Позади справа остался особняк Шувалова — розовый с белым, как кремовый торт, в родном Питере, а здесь почти серый; мелькнуло знакомое кафе «Папарацци» на другой стороне. Прямая, как стрела, пустая светлая улица будто манила вперед, и Дина все прибавляла ход. Они миновали арку надземного перехода почтамта, когда Алекс внезапно

остановился как вкопанный. Дина с недоумением обернулась, выпустив его руку.

Тяжело дыша и мерцая, словно испорченная лампа дневного света, он стягивал с себя жилет. Только теперь Дина сообразила, что стоит в спортивном костюме, который был на ней в больнице и у которого одна штанина разрезана до самого бедра, а на ногах только толстые носки с кожаной подошвой. Однако ей совершенно не было холодно, скорее наоборот — от жара горели щеки.

— На, — Алекс протянул ей пуховик, — и объясни, куда мы несемся?

— Ладно.

Дина натянула жилет.

— Я вернулась за тобой. Как — потом расскажу, когда выберемся. Смотри на небо: у кого-то из нас слишком мало времени! Это место — никакой не Питер. И вообще, не уверена, что вот это все, — она ткнула пальцем в сторону мрачного здания Дворца культуры, — существует на самом деле! Мы все лежим в коме, кто где... И ты, и я, и Витек, и Доктор, и «уходящие». Все. Просто кто-то очнется, а кто-то — нет. Я нашла тебя там, дома. Ты не умер, Леш. Пока не умер. Тебя мама ждет. Вспоминай давай!

Алекс нахмурился так, что брови почти сошлись в одну линию. Глаза совсем потемнели.

— Но я не могу, — выдавил он, почти протонав.

— А я помогу! — уверенно заявила Дина и снова потянула его за собой.

Самую короткую дорогу до дома Алекса она заучила по Гугл-картам назубок.



— Объясни толком, — принялся допытываться Алекс прямо на ходу, — что там с комой?

Дина помедлила. Странное чувство не позволяло выложить все, что она знала. Непонятно откуда взявшаяся уверенность в том, что он должен вспомнить себя сам, без подсказок, мешала говорить. Ведь даже то, что она назвала его имя, никак не помогло.

— Если коротко, — ответила Дина, — то все, кто тут бродит, находятся при смерти. Но пока не умерли. Как я понимаю, «уходящим» очнуться уже без шансов, а те, кто вспоминает, приходят в себя и продолжают жить.

— А третьи? Такие, как я? Как Доктор?

— А ты давно в коме, Алекс. Пятьдесят на пятьдесят...

Дина сбилась на последних словах, мельком глянув на взволнованное лицо парня. Оно часто мерцало, расплываясь и проявляясь снова с болезненной четкостью.

— И шансы падают, — нехотя признала она со вздохом. — Быстрее идти можешь?

Торопливым шагом и бегом они добрались до моста через Мойку, свернули к Театральной площади, проскочили между Мариинским театром и консерваторией, перед оградой сада повернули налево и, пробежав почти до перекрестка, нырнули под арку.

В стылом полумраке возилась нечеткая тень, пластаясь вдоль стен. Дина пулей проскочила мрачный туннель и влетела во двор — просторный,

с грязно-желтой трансформаторной будкой в середине и крохотным сквериком на два чахлых деревца перед ней. Алекс почти не отставал.

— Вот! — Она жадно дышала ртом, заглатывая большие порции воздуха, словно рыба на берегу, которой не хватало воды. — Это твой дом.

Алекс задрал голову, вглядываясь в тусклые окна.

— Не уверен... Не помню, — прошептал он.

— Пошли, надо найти твою квартиру! — Дина сдаваться не собиралась.

Она прекрасно помнила, как подействовал родной дом на нее саму.



Дом Алекса был старым и сильно отличался как от новостройки в Озерках, так и от бабушкиной сталинки, где Дина жила раньше. В парадном оказалось светло, как на улице: мглу разгоняли огромные окна. Третий этаж, по ощущениям, находился на уровне не ниже обычного четвертого. Алекс поднимался медленно, с недоверием ощупывая рукой деревянную накладку на перилах лестницы, всю в проплешинах полустертой коричневой краски. «Толик-дебил» было процарапано в сероватой побелке, прямо над неровной линией грязно-зеленой краски стены, которая никак не сочеталась с витой чугунной решеткой под перилами и истертой, местами выбитой, но все же мраморной плиткой ступенек. Пахло кошачьей мочой и застарелым табачным дымом.

В квартире царил полумрак, заставивший Дину вздрогнуть. Незастекленные книжные полки возносились под самый потолок узкого коридора. Она вошла первой и сразу оглянулась — Алекс начал вспоминать буквально с порога. Он изумленно уставился в никуда широко открытыми глазами. Лицо перестало мерцать, расслабилось, и на нем появилось удивительное выражение — мягкое, детское. Дина чуть дышать не перестала, побоявшись его спугнуть. Замерла возле высокой двери в одну из комнат.

Это длилось недолго. Минуты не прошло, как Алекс пришел в себя и распахнул те самые двери, возле которых она стояла. Видения из забытой жизни накрывали его одно за другим, он попятился и без сил упал на тахту. Что он вспомнил? Дина не знала — знала только, что воспоминания могут быть болезненными.

Неожиданно он подскочил, заметался по комнате с криком «Давыдченко! Точно!» и возбужденной скороговоркой выпалил всю свою родословную. Дина ничего не запомнила, кроме его сияющих глаз. Что-то произошло. Алекс менялся. Прямо на глазах перестал сутулиться, как будто уронил с плеч невидимый груз, заулыбался широко и искренне, так заразительно, что заставил Дину смущенно улыбнуться в ответ. Она вздохнула от облегчения, готовая радоваться с ним вместе, и тут Алекс вдруг погас.

«Мама?» — тоскливое непонимание в голосе друга живо напомнило Дине страх перед пустотой в памяти там, где должен был находиться самый

главный в жизни образ. Не раздумывая, она потянула Алекса в коридор:

— Давай пойдем в ее комнату?

И снова он замер. Переживать происходившее с Алексом было тяжело. Сердце болело от сочувствия и невозможности как-то помочь. Ему в голову пришло что-то страшное — лицо исказилось, закаменело в испуге. Дина отвела взгляд в сторону. Узкая комната была очень скромной, словно в ней жила монашка. Но, по мнению Дины, мама Алекса на монашку не походила, несмотря на измученный вид. Обычная женщина, каких миллион. Симпатичная даже.

Алекс вздрогнул всем телом, резко и громко задышал открытым ртом, вцепился в наличник с такой силой, что покачнулся — и вырвал бы.

— Что с моей мамой? — просипел он так страшно, что Дина оторопела на миг.

И сразу же сообразила, *что* именно ему пришлось вспомнить. Торопливо и жарко, так, что от волнения начали гореть щеки, она успокоила Алекса, ругая себя последними словами за то, что не рассказала ему толком о том, что с его мамой все в порядке.



Первые признаки того, что этот день не будет похож на тот, который она здесь уже провела, появились, когда они возвращались к Мойке. Впереди уже виднелось открытое пространство Театральной площади, до моста оттуда было рукой подать.



— Ты это видишь? — Алекс крепко сжал Динину ладонь и остановился.

Она оглянулась и тоже увидела, как голые деревья и кусты в Никольском саду размываются, исчезая в густом тумане.

— Что это? — Дина повернулась к Алексу, глядя в его встревоженное лицо.

Даже туман напугал ее меньше, чем выражение глаз друга.

— Не знаю. Ничего хорошего. Никогда такого здесь не видел. Бежим!

Они рванули с места, словно бежали стометровку за честь школы. Дина снова оглянулась на бегу: густая масса тумана вливалась в ущелье улицы Глинки, зажатой между высокими домами. Он катился тяжелой волной, скрывая три, а то и четыре этажа зданий. Страх подстегнул не хуже хлыста. Дина так резко прибавила в скорости, что Алекс, с его длинными ногами, оказался за спиной.

— Скорее!

Они выскочили на площадь и понеслись мимо Мариинки, не сбавляя хода. Туман вытек следом и осел, расплющиваясь на открытом пространстве. Ужаса происходившему добавляло и то, что вокруг по-прежнему стояла мрачная тишина. Дина и Алекс, оглядываясь, бежали прочь. Внезапно серое облако начало темнеть, наливаясь густо-фиолетовым мраком. Никакого шипения — оно грянуло таким ревом, что задребезжали стекла ближайших окон.

Беглецы замерли на месте, ошеломленные. Дина закрыла уши руками, но рев проникал прямо

в мозг, такой мощный, что заломило зубы. Рядом согнулся Алекс, так же сжимая голову руками. Кажется, он стонал или кричал, но Дина могла только видеть его искаженное мукой лицо с открытым ртом, а звук во всем мире остался только один — трубный, скрежещущий. Фиолетовый туман медленно накатывал на них с площади.

И тогда, совершенно не отдавая себе отчета, почему это делает, Дина шагнула ему навстречу.

Вползающее в суженное пространство улицы, вздымающееся непроницаемое облако замерло, не прекращая реветь.

Дина продолжала идти, изо всех сил зажимая уши. Ей казалось, что еще немного — и голова просто лопнет, как перезрелый арбуз. Когда до клубящейся субстанции осталась какая-нибудь пара шагов, она сообразила, что кричит. Кричит во все горло, не слыша себя:

— Убирайся прочь, тварь! Он не твой! Он не самоубийца! Пошла прочь! Прочь! Прочь! Еще не вечер, еще не твое время! Пошла прочь!

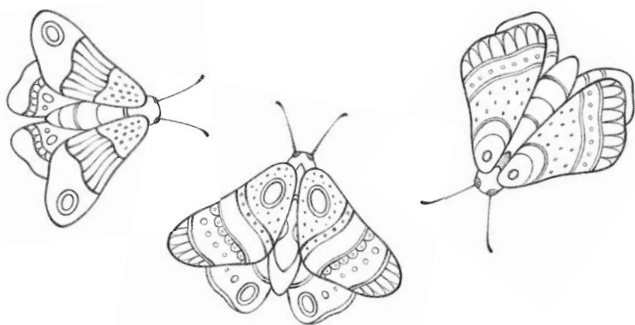
За спиной, в десятке метров от моста через Мойку, корчился Алекс, за Мойкой и Невой лежала единственная дорога домой, в нормальный человеческий мир, где никакие монстры не лезут из всех щелей, вопя, как взбесившиеся пожарные машины! Показалось, что вместо пары шагов она сделала все пять, а туманная завеса так и висела на том же расстоянии. Страх совсем отступил, уступая ярости: Дина вложила в свой крик все отчаяние, весь гнев. Мало того что Алекс пока ничего не вспомнил и ее затея грозила провалиться,

так еще и эта тварь пытается отобрать у них единственный шанс!

— Пропади ты пропадом! Сгинь!

Тьма, нависшая над ее головой, как готовая разбиться о берег волна, помедлила, а потом обрушилась на Дину непомерной тяжестью. Сплюснула, выбивая воздух из легких, проглотила с утробным ревом и... выплюнула, отпрянув.

Дина пошатнулась, со всхлипом вдохнула и застыла, решив, что не выдержали барабанные перепонки и она оглохла. Но рев не затих, он просто прекратился, словно где-то нажали кнопку, которая выключила звук. Туманная стена посветлела, поредела и растаяла прямо перед изумленной и ошарашенной Диной.



## Глава 5

# ОСТИНАТО

*Оstinато — многократное повторение какого-либо мелодического, ритмического или гармонического оборота. Выполняет важную формообразующую роль в музыкальном произведении.*

«Сумасшедшая! Зачем ты это сделала? Ты что, не понимаешь, что можешь не вернуться никогда?» — ничего этого он Дине не сказал. А хотелось. Хотелось наорать на нее за отчаянную глупость, которую она совершила. Он был одновременно зол, расстроен и безмерно счастлив видеть ее снова, а кроме того, на самом-самом краешке сознания проснулась и заворочалась надежда. Та самая, которая заставляла выходить в город каждое утро и искать тех, кому можно было помочь. И он помогал им вспоминать, надеясь, что вдруг и сам действительно сможет что-нибудь вспомнить.

Бешеный рывок от Исаакиевской площади к Римского-Корсакова, где, по словам Дины, был его дом, нисколько не помог воспоминаниям. Как и имя, казавшееся совершенно чужим. Он привык считать себя Аликвисом, ему нравилось Динино «Алекс», а вот какой-то «Леша» не вызвал ничего, кроме недоумения. Всю дорогу он пытался осмыслить, примерить на себя ее слова. Кома? Почему? Не верить Дине он не мог, а поверить не получалось...

Стараясь угнаться за стремительно несущейся вперед подругой, он не переставал думать. Кома многое объясняла. Многое, но не все. И принять такое объяснение было сложнее, чем просто поверить. Но самым страшным было то, от чего не переставало заходиться сердце. Они едва не разминулись! Если бы Дина появилась чуть позже или он вышел сразу, как и собирался, они никогда бы больше не встретились! Аликвис машинально прижал руку к плотному свертку в кармане жилета. «Спасибо, Доктор! Книга помогла, хоть и не так, как ты ожидал».



«Твой дом», — сообщила Дина. В ее глазах пряталось затаенное ожидание. Аликвис тоскливо огляделся. Ничто не отозвалось в душе на это заявление. Дом как дом. Старый, с облупленной штукатуркой, облезлый и унылый. Если со стороны улицы его как-то украшали полукруглые эркеры и лепнина,

то во дворе все архитектурные излишества отсутствовали напрочь.

Дина ждала, придерживая дверь парадного. В ее позе читалось нетерпение, а он все никак не мог решиться. Впервые за долгое время вернулось чувство страха — острое, почти забытое. Аликвис с трудом заставил себя пойти вперед, но, перешагивая порог, едва не упал и на секунду закрыл глаза: закружилась голова.

Он нерешительно поднимался по истоптанным ступенькам лестницы. Звуки шагов гулко отдавались в пустом пространстве и шуршащим эхом улетали на верхние этажи. Высокий, метра в три с половиной потолок на узкой лестничной площадке тонул в сумраке, но дверь в квартиру озарял свет из окна напротив. Верхний край арочного проема до половины поднимался над площадкой, и солнце светило прямо на облупившуюся коричневую краску двери через грязное стекло.

«Кв. 19» — было написано в рамке кривого серого прямоугольника, много раз обведенного вокруг малярами, перекрашивавшими дверь. Той серой краске было лет семьдесят, если не больше. Бабушка не позволяла закрасить надпись, пока оставалась жива: она пережила за этой дверью блокаду...

Аликвис замер, пораженный тем, с какой легкостью вернулось то, что он знал всегда. Как говорила Дина? «Бац! И все». Он оглянулся на девушку. Та стояла за правым плечом, и выражение ее лица не требовало слов. Аликвис мягко потянул тяжелую, трехметровой высоты створку на себя. Рез-

ко скрипнули петли, приглушенное эхо прыгнуло к потолку парадного, провалилось в пролет лестницы и замерло, словно разбилось о выщербленную плитку пола на первом этаже.

Полумрак в длинном коридоре немного разбавлял жиденький свет из кухни — она находилась в торце квартиры. Развернуться среди полок, до самого потолка заставленных книгами, было непросто. Аликвис пропустил Дину вперед. В квартире стояла оглушительная тишина. Чего-то остро не хватало, но он никак не мог сообразить, чего именно. Едва не угодив ногой в кошачий лоток, Аликвис замер.

— Муза!

— Что? — не поняла Дина, силившаяся рассмотреть книжные корешки.

— Муза, моя кошка...

*В Петербурге нет ничего противнее межсезонья, так утверждает бабушка. Это когда уже не лето, но еще и не зима. Правильно называть такое время осенью, но бабушка считает ее межсезоньем. Она права: противно, холодно и сыро. И никто не вышел гулять. Он идет по двору, осторожно пробуя глубину луж короткими резиновыми сапожками, — бабушка будет очень ругать, если он снова зачерпнет холодную коричневую воду через край. А ему хочется! Сапоги противные — в них сползают носки, и тогда натирается пятка. А мокрые носки почему-то не сползают. Однако промочить ноги ему хочется совсем по другой причине: тогда, может быть, он снова заболеет и не нужно будет рано утром в поне-*

дельник идти в садик. Можно остаться дома и повторить гаммы или попробовать наиграть сложную мелодию из старой нотной тетради, которую бабушка всегда убирает высоко на полку. Как будто в доме нет стульев! Он уже большой, и дотянуться до нее совсем несложно.

— Мек! — раздается придавленный писк из-под кучи мокрого картона возле помойки. — Ме-е-е-у!

Он с трудом растаскивает слипшиеся пласты расплюснутых коробок и обнаруживает мокрого трясущегося котенка, который забился в угол между стеной дома и железным боком контейнера. Котенок топорщит белые усы и смотрит на него круглыми желтыми глазами.

— Мек!

— Только кошки нам и не хватало! — сердито ворчит бабушка, когда он приносит котенка домой.

Котенок трясется и «мекает» в морщинистых бабушкиных руках.

— Мы его оставим, правда?

Леша надеется, что его глаза смотрят так же жалостливо, как круглые котенкины, и тоже таращится изо всех сил.

— Да уж под дождь не выставим! — сердито заявляет бабушка и уносит котенка в кухню.

Он снимает сухие сапожки и улыбается — из кухни доносится ворчливое:

— Бедолага, натерпелась страху-то? Ну ничего, обсохнешь, согреешься, молочка попьешь, глядишь, и забудутся твои горести...

Воспоминание подействовало как удар. Аликовис растерянно моргнул и в два шага дошел до при-



крытой двустворчатой двери. Здесь — бабушкина комната, но он помнил ее совершенно другой! Нет высокой железной кровати с шишечками (сколько раз он попадался на отвинчивании заманчивых блестящих шариков!), нет тумбочки на резных ножках, на которой стоял накрытый салфеткой телевизор «Луч» — маленький неработающий уродец. Нет большого платяного шкафа, где он маленьким прятался иногда среди бабушкиных вещей, пропахших какими-то травами.

Аликвис попятился и не сел — рухнул на широкую тахту. Бабушка умерла, когда ему исполнилось восемь. Сразу после дня рождения внука. Эта комната уже давно стала его комнатой...

Дина застыла на пороге и уважительно посмотрела на большой письменный стол — единственную вещь, которая стояла у окна, сколько он себя помнил.

— Ого! Вот это монстр!

Стол был огромным, дубовым, потемневшим от времени. Ярко-зеленое сукно укрывало стекло. Этот стол — единственное, что пережило здесь блокаду вместе с бабушкой и ее младшим братом, умершим от дистрофии. Стол принадлежал их отцу, погибшему на войне.

— Бабуль, а бабуль?

*Он дергает бабушку за подол сиреновой юбки.*

*Бабушка сердито оборачивается — терпеть не может такой фамильярности, по ее же словам.*

— Алексей, я пять раз повторила: вымой руки!  
Что за ребенок?

— Я вымыл, бабуль!

*Леша протягивает вперед ладошки, еще влажные.*

— Тогда садись за стол!

— Нет, ты расскажи про фамилию, — требует Леша, карабкаясь на высокий стул.

— Про фамилию...

*Бабушка замирает, взгляд у нее становится отрешенным. Это всегда срывает, особенно если она сварила гороховый суп, который — «Леша! Ешь! Не кривляйся!» — он ненавидит.*

*Можно возить ложкой по тарелке, можно болтать ногами, можно подпереть руками голову, поставив локти на стол, — она ничего не заметит. Главное — слушать о том, откуда пошел славный род Давыдченко...*

— Динка! Я вспомнил! Мой прапрадед, Давыдченко Михаил Афанасьевич, был известным хирургом, а прадед — преподавателем в консерватории! Деда я никогда не видел, и бабушка о нем молчала. И даже фамилия у нее так и осталась девичьей. После блокады она не могла иметь детей и маму удочерила, потому что сама в доме малытки работала...

Лешка вскочил, метнулся к дверям, вернулся к столу зачем-то. Паркет под ногами знакомо поскрипывал.

— Мама! — воскликнул он и повторил неуверенно: — Мама...

— Погоди, Алекс, не суетись. Пошли в ее комнату?

Дина не дала панике разыграться.

— Да!

Он развернулся и выбежал в коридор.

*...Мама хохочет. Заразительно, как девчонка. Закидывая голову так, что отстегивается пластмассовая заколка и волосы рассыпаются по плечам. Папа стоит, преклонив одно колено, шапка — набок, в зубах — роза на длинном толстом стебле. Глаза искрятся смехом, но лицо серьезное. В руке — неизвестно откуда (наверняка с антресолей) выкопанный зеленый пластмассовый меч, которым Лешка играл, когда ему и пяти еще не было. Вместо бурки на папных плечах — старая бабушкина шуба из загадочного зверя «мутона». Сама бабушка смотрит на «это безобразие», скрестив на груди сухонькие руки и качая головой. У мамы — день рождения, вот они и дурачатся. Папа маму заново сватает, по горским обычаям...*

Он умер через три месяца от инфаркта. «Совсем молодой», — шептали старушки во дворе.

Леша толкнул мамину дверь. В ее комнате не изменилось ничего. Аккуратной стопочкой высились на столе тетради в разноцветных обложках, топорщились ручки в облезлом жестяном ведерке — привет, песочница в сквере! Пузатый серый монитор древнего компьютера отражал противоположную стену, завешанную фотографиями в одинаковых рамках: мама и папа в экспедициях. Горы и реки, степь и тайга... Геологоразведка — заманчивое, загадочное слово. После папиной смерти мама стала преподавать географию в школе. Большой старин-

ный глобус занимал целую тумбочку у окна, бросая тень на пыльный экран плоского телевизора — самого современного предмета во всем доме. И самого бесполезного.

— Лешка, ты еще не одет? Быстро давай! Опоздаем!

*Дурацкий галстук-бабочка скользит в пальцах. Он ненавидит его, но куда деваться? Отчетный концерт в Малом зале филармонии, дресс — провались он! — код.*

— Иду, мам, не волнуйся так. Успеем.

*Теперь, когда у них есть машина, все стало значительно проще. Мама, правда, водит так себе, но это лучше, чем шлепать по лужам до метро и потом снова шлепать по лужам от него. В машине можно оторваться от всего и «поймать волну», настроиться. Публики Алексей не боится. Она ему не мешает. Его не волнует, один человек в зале или три сотни. Он всегда один на один с музыкой.*

*На улице льет как из ведра. Пригоршня холодных капель срывается с козырька парадного и метко влетает ему за шиворот. Гулко бабахает гром вдалеке. Июль в этом году дождливый.*

*Автомобильные дворники размазывают воду по стеклу, щелкая, как метроном. Мама ругается громким шепотом. Можно подумать, Леша глуховат — сложно не разобрать пару слов, не подходящих устам интеллигентной дамы. Учительницы, между прочим! Он посмеивается, отворачиваясь, чтобы не смущать ее, и видит, как попутная машина вдруг резко забирает вправо. За секунду, оставшуюся до удара,*

*он успевает понять, что это не попутная, а их машина боком скользит на встречу, мимо проскакивают чьи-то фары, бьющие резким светом в залитое дождем стекло...*

Тяжело дыша, он ухватился двумя руками за косяк, слепо глядя в коридор. Там, в его воспоминании, случилось что-то ужасное, но он не сумел вспомнить, что именно.

— Алекс, ты чего? Тебе плохо? — испуганно тормошила его Дина.

— Что с моей мамой? — голос сел, и слова не желали выговариваться.

— О! — Дина отступила на шаг. — Все хорошо с ней, правда. Она почти не пострадала! Только ты головой о стойку ударился сильно!

Дина осторожно, одну за другой, отцепила его отчаянно мерцающие руки с побелевшими костяшками пальцев от дверного косяка. Алексей тупо смотрел на свои пальцы, ничего не чувствуя. «Мы разбились».

— Вспомнил аварию?

Он кивнул, постепенно приходя в себя.

— Это в июле было...

— Сейчас ноябрь. Пора тебе уже и очнуться.

В это невозможно было поверить, но Дина врать ему не могла. Пошатываясь от груза свалившейся памяти, Алексей сделал шаг и широко распахнул двустворчатую белую дверь на противоположной стороне узкого коридора.

Рояль, самая большая семейная ценность, всегда стоял в гостиной — пятиугольной комнате с эркером,

окна которого выходили на Никитский сад, а не во двор, как все остальные. Это был старый инструмент, еще дореволюционный. По бабушкиным рассказам, ее отец давал уроки своим ученикам не только в стенах консерватории, но и на дому. На самой бабуле, по ее же словам, природа отдохнула. Не было у нее ни слуха, ни способностей, но рояль она берегла и очень радовалась, что не зря: именно он разбудил в Леше музыкальный дар.

Алексей подошел к инструменту и погладил черный лак крышки над клавиатурой. Прохладная гладкая поверхность откликнулась под его дрожащими пальцами, отправляя в душу неведомую науке волну. Молчаливый и прекрасный, рояль от Карла Бехштейна заставил сердце вздрогнуть от заполнивших память аккордов.

*Клавиатура притягивает Лешу, как магнит. Белые клавиши звучат чисто и ярко, словно семицветье радуги. Черные — заостренные, кажутся опасными, меняют звук в сторону тревожного, печального.*

*— Софья Аркадьевна, ну какой преподаватель музыки? Ему же три года всего! — пытается отбиться от бабушки папа. — Лешка у нас доктором будет. Или адвокатом! Лешк?*

*Папа подхватывает его на руки, подбрасывает к самому потолку и ловит, больно сжимая руками ребра. Леша корчится и сопит, пытаясь вывернуться из отцовских рук. Ряд черно-белых клавиш манит к себе. Отец отпускает, и Леша тянется к роялю. Приходится встать на цыпочки, чтобы краешком глаза видеть большие, как зубы бегемота из мульт-*

фильма, белые клавиши. Он прижимает одну — глубокий низкий звук вибрирует в комнате. Если нажать две рядышком, получается некрасиво, а если через одну — звук становится еще глубже...

Папа сдается быстро, и у трехлетнего Леша появляется первый музыкальный педагог — строгая старуха, старше самой бабушки — Елизавета Павловна. Произнести ее имя правильно Леша пока не может, она так навсегда и остается для него «Илизаета».

Дина подошла к роялю и задумчиво посмотрела на Алексея.

— Сыграешь? — тихо спросила она, бросив быстрый взгляд за окно.

Ему хотелось играть! Хотелось так, что потеплели и налились тяжестью кончики пальцев. Только времени на это у них не оставалось.

Леша отрицательно покачал головой:

— Если вернусь, обязательно сыграю тебе. Но — не сейчас.

Главное желание, огромное и такое горячее, что трудно было дышать, звало на берег. Вернуться домой по-настоящему. К маме, к наступившей без него осени, к Дине... Он еще раз провел ладонью по глянцевой крышке рояля — «До встречи, друг!» — и вышел из гостиной.

Тишина в коридоре напомнила ему единственный раз, когда он летал на самолете: тогда заложило уши при взлете и пришлось нелепо кривляться, открывая и закрывая рот, чтобы неприятное ощущение пропало. Леша нахмурился, потянувшись

к входной двери, да так и замер с вытянутой рукой: он понял, чего именно не хватало в доме.

*...Кап-кап. Кап. Кап. Кап-кап-кап. Кап.*

*Кран в кухне жил своей жизнью. Сантехник Борисыч возился с неказистым латунным «пациентом» регулярно и с удовольствием, ведь бабушка всегда подносила ему стопочку — в благодарность. После смерти бабушки пропал куда-то и пожилой грузный Борисыч. Жэковские работники менялись, а кран все тек. Эти новые сантехники каждый раз предлагали поставить новый кран, но мама не соглашалась: пришлось бы сменить и большую старинную раковину, чего она делать не желала. В конце концов рабочим надоело «изобретать» прокладки для старого крана и они стали просто игнорировать заявки из девятнадцатой квартиры.*

*«Цит. Цит», — мерно отсчитывает метроном, но неритмичное капанье из кухни сбивает Лешу. Он сердито косится в сторону приоткрытой двери, вздыхает и выходит из-за рояля. Времени совсем немного, а партитура сложная, и он должен играть безупречно. Нельзя исполнять Рахманинова «как-нибудь». Чистота и эмоции. Техника и душа. Так внушала ему педагог. А тут это капанье!*

Леша толкнул тяжелую створку входной двери и оглянулся. Свет упал на корешки знакомых книг; над полочкой, где когда-то жил телефонный аппарат, еще можно было разглядеть вразнобой записанные прямо на выцветших обоях телефонные номера, шести- и даже пятизначные.



По которым никуда нельзя было позвонить уже много лет. И по которым никуда нельзя позвонить здесь, в этом мире. Подумалось: открой он сейчас любую книгу, не увидит ничего, кроме пустых страниц. Таким ненастоящим оказался родной дом без какой-то малости — частых капель воды в дорожку ржавчины на пожелтевшей эмали раковины. Сердце дернулось и забилося громко и часто, Леша задохнулся, как от быстрого бега, память — вся, без остатка — хлынула горячей волной и заняла свое место в голове, в душе, уютно свернувшись калачиком, как старенькая серо-белая кошка Муза.

Теперь его распирало от воспоминаний. Сбега-  
вая вниз по лестнице, он узнавал каждую неров-  
ность перил под ладонью. Краем губ улыбнулся  
квадратику стекла в лестничном окне второго эта-  
жа — первому справа. Он вовсе не собирался его  
разбивать, все получилось как-то само собой. Дол-  
говязый Юрка из пятой квартиры воткнул в волан-  
чик слишком тяжелый камешек, приходилось лу-  
пить ракеткой со всей силы, а камешек умудрился  
вылететь и угодить прямо в окно. Подача была Ле-  
шина. Он и отвечал потом за разбитое стекло. Мама  
расстроилась очень, противные дворовые бабульки  
до конца лета поджимали губы и нудили про то,  
что «он казался та-аким воспитанным мальчиком,  
а вот поди ж ты — хулиган какой!»...

Выворачивая из-под арки, он повторил тысячи  
раз пройденный маршрут, зимой и летом, с порт-  
фелем или с нотной папкой, в школу, в училище,  
в магазин...

— Вон там — моя школа, — на ходу рассказывал Леша Дине, не в силах удержать в себе весь объем памяти, — а там, за углом, консерватория. А, ну ты же видела!

Что дернуло его оглянуться, он не знал, но от увиденного по коже побежали мурашки. Грозный вал плотного тумана, который вырастал прямо за спиной, уже скрыл решетку Никольского сада и беззвучно втискивался в горловину улицы, заставив сердце замереть от ужаса. Ужаса, равного которому Леша никогда не испытывал. Колени ослабели и подогнулись, он пошатнулся, с трудом устояв на ногах. Туман, непроницаемый и странный, продолжал двигаться прямо на них. Рядом охнула Дина. Убедившись, что это не галлюцинация и она видит то же самое, Леша крикнул: «Бежим!» — и сорвался с места.

Туман не собирался отступать, только осел немного, растекаясь по площади, на которую они выскочили, одним махом пробежав целый квартал. Он упорно следовал прямо за беглецами, целясь в просвет улицы Глинки заостренным языком, выступившим из темнеющей на глазах стены клубящегося вала. Дина вырвалась вперед, что-то крича на бегу, но Леша слов не разобрал: они утонули в низкой вибрации рева, от которого голову пронзило острой болью. Он только захрипел и согнулся пополам, зажимая уши руками. Это ничуть не помогло. Звук заполнил весь мир, сотканный из какофонии воя, скрипа и скрежета. Заставил согнуться еще ниже и упасть на колени, выбил слезы из глаз и натужный хрип из горла. И стал членораздельным. Наконец.

«Ид-ди ко мне-е!»

Руки Алексея стали тяжелыми и бесчувственными, словно чужие. Бессильно, как ватные, свалились на подогнутые колени. Он оцепенело смотрел, как часто мерцают расслабленные пальцы, но не мог ими пошевелить. Ничего не мог. Даже поднять голову и посмотреть своему ужасу в лицо. «Вот, значит, как это происходит?» — мелькнула вялая мысль сквозь непрерывное завывание «...ко мне-е-е». Мимо проскочила Дина, он заметил только ее ноги в пестрых шерстяных носках-тапках. «Куда?» — всколыхнулось сознание, на секунду сбросив оцепенение.

— Ко мне-е! — продолжало реветь вокруг.

Леше понадобились все силы, чтобы поднять голову, жилы на шее натянулись так, словно готовы были лопнуть. «Нет! — мысленно закричал он, не в состоянии шевельнуть губами. — Стой!» Тонкая фигурка Дины резко выделялась на фоне чудовищной фиолетово-черной стены. Подруга размахивала руками и шла на нее маленьким тараном. Алексей, совершенно оглохший от воя в ушах, мог только смотреть, как неумолимо кативший вперед замер, а потом начал медленно прогибаться перед девушкой, нижним краем отступая с каждым Дининым шагом все дальше и дальше, а верхним угрожающе нависая над ее головой. Разрывавший голову зов взлетел до невероятных высот, превращаясь в сверлящий визг, и в глазах потемнело. Онемевшие руки вдруг дернулись, метнувшись вверх, к ушам, будто их отпустили невидимые путы. А потом на него свалилась тишина, и она была как

удар. Леша осознал, что стоит на карачках, упираясь руками в асфальт и мотая головой, когда Дина подошла и присела рядом. Перед глазами расплывались черные круги, его мутило.

Окончательно он пришел в себя от того, что она пыталась заставить его подняться, тянула наверх и что-то испуганно кричала прямо в лицо. Губы Дины шевелились, но, кроме звона в ушах, он не слышал ни единого звука. Тело болело так, словно по нему проехался грузовик.

— ...Меня?

Он с трудом разобрал обрывок фразы, скорее прочитав по губам, чем действительно услышав.

— Слышу. Плохо, — выдавил он.

Туман, или что бы это ни было, исчез. Когда это произошло, Леша не помнил.



Он шел, пошатываясь, стараясь поменьше опираться на подставленное Диной плечо. Она не дала ему и пары минут передышки, выразительно ткнув пальцем в небо: судя по положению солнца, уже перевалило далеко за полдень. Их больше никто не преследовал. Никакого намека на присутствие Тьмы Леша не обнаружил, не видела ничего и Дина.

— Что ты такое сделала?

— Да черт его знает, — сдавленно отозвалась Дина из-под его руки, перекинутой через ее шею. — Наорала на нее. Знаешь, я даже бояться не смогла — так она меня выбесила! Пыталась сожрать, но подавилась!

— А ведь она за мной пришла, — сообщил он.

Стыд (за свою слабость; за то, что висел сейчас на Дине, как куль с песком, едва передвигая ноги; за то, что не встал во весь рост рядом с ней перед ревущей стеной чистого ужаса, а скорчился в слезах, как последний трус), стыд и горечь жгли Алексея огнем.

— Я поняла. Если бы за мной, так и утащила бы сразу.

— Она, — Леша запнулся, — со мной говорила.

Дина кивнула:

— Со мной в прошлый раз тоже говорила. Страшно, да?

Она вывернулась из-под руки и заглянула Леше в лицо. Глаза сияли так, что он на миг решил, будто даже шрамы исчезли со щеки. Нет. Не исчезли, но какое это имело значение? Дина показалась ему такой красивой, что у Алексея перехватило дух.

— И мы снова ее уделали! — победно заявила она.

— Ты. Ты снова ее уделала! Хорошо, хоть к тебе она теперь не цепляется!

Она хмыкнула:

— Чует, зараза, что я здесь проездом. Кстати, Алекс (она упрямо звала его именно так, как успела привыкнуть, и ему это нравилось), я понятия не имею, когда меня выдернет обратно. Ты уж не подкачай тут, если что?

Леша напрягся, постарался шагать ровнее, а говорить увереннее:

— Больше меня эта тварь на колени не поставит! Если бы ты только знала, как я хочу домой!

Целая жизнь, свалившаяся на него в одночасье забытыми звуками, запахами, красками и вереницей событий, казалась немного странной. Похожее ощущение он испытал однажды, примеряя свой первый настоящий концертный костюм — тот был сшит на заказ и сидел на Леше идеально, не топорщась и не стесняя движений. И все-таки в нем Алексей чувствовал сковывающую неловкость.

— Знаешь, — задумчиво сказал он Дине, — я будто смотрю на себя со стороны сейчас. Это так странно.

Дина кивнула.

— Ага, знакомое чувство. И?..

Они снова шли, взявшись за руки. Едва слабость немного отступила, Леша решительно отказался от Дининой помощи.

— Мне кажется, я многое упустил. Так получилось, что в моей жизни есть только музыка, и все остальное подчинено ей. Даже мама, по сути, живет исключительно моей жизнью, а ведь она совсем не старая...

— Выше нос, Алекс! — неожиданно рассмеялась девушка. — У тебя есть шанс все исправить! Верь мне.

Он улыбнулся, сначала краешком губ, а потом широко, так, что сощурились глаза. Она права. И теперь в его жизни есть не только музыка. Теперь у него есть Дина!



Весь оставшийся до Крестовского путь Тьма вела себя подозрительно смирно. Не вспучивалась, не ши-

пела и вообще не проявляла к Алексею никакого интереса. Но он старательно обходил все затемненные места, с подозрением высматривая малейший признак движения. Удивительно, но за целый день — очень короткий — им не встретился ни один человек. Об этом Леша не жалел — жалел только, что с Доктором проститься не смог.

— Дин, — спохватился он уже рядом со стадионом, — а как я тебя найду там, дома?

Они только что прошли мимо конюшни, и Дина с непонятной тоской оглядывалась на нее уже в третий раз. Не понравилась Леше эта тоска, вот он и сбил ее с грустных мыслей.

— Болван ты все-таки, Алекс! — повеселев, сообщила она. — Мы в одной больнице лежим. В одном отделении! Долго искать не придется.

Это тоже было странно. Дина шла рядом — теплая ладонь крепко сжимала его руку — и в то же время лежала где-то там, в настоящем мире, погруженная в наркотический сон. И он сам тоже находился где-то, выбитый из жизни ударом по голове, не способный даже дышать самостоятельно. Странно и страшно. Он посмотрел на Дину. Как у нее хватило смелости вернуться, зная правду об этом городе? Как уместить в душе благодарность и восхищение ее поступком? Как поверить, что эта отчаянная смелость была предназначена именно ему, Алексею Давыдченко, ничем такого не заслужившему?

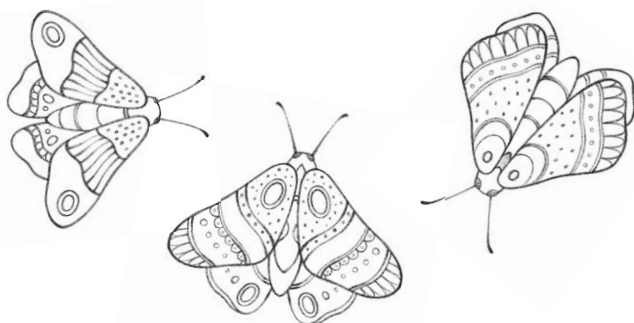
Солнце как будто решило ускориться, неожиданно просев до верхушек деревьев, и Леша, несмотря на усталость, нашел в себе силы пойти быстрее. Теперь у него просто не было права сдаваться. Дина

не отставала. Он скатился по бетонным плитам к воде и помог спуститься подруге, отметив, что тоненькие подошвы ее вязаных тапок истерлись до дыр. «Ну, теперь-то уже все. Больше идти никуда не надо», — подумал Леша. Осознание того, что сейчас произойдет настоящее чудо, вызывало в душе странный боязливый трепет.

Мутная пелена на несколько секунд схлынула с тонущего солнечного диска. Дина крепко стиснула Лешину ладонь, он сжал пальцы в ответ. От волнения перехватило дыхание. Держась за руки, они стояли у самой кромки воды — черной, неподвижной. На миг встретились глазами и повернулись к закату.

**STONE HEDGE**





## Глава 6

# ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПАУЗА

*Генеральная пауза — одновременная продолжительная пауза всех голосов в оркестре, внезапно прерывающая течение музыкального произведения.*

Последний луч знакомо ослепил. Дина зажмурилась, до боли сжав опустевшую руку, и открыла глаза. Под воздушными арками моста ЗСД\* чернела полоска густой тени. Мутное солнце висело в зените, словно Дину забросило в мультфильм, где нарисованный диск способен прыгать по небу туда-сюда, как ему заблагорассудится.

Она обернулась, машинально обшарив взглядом берег. Алекса рядом не было. Его не было нигде. Он вернулся! Он — вернулся, а Дина застря-

---

\* Западный скоростной диаметр — внутригородская платная автомагистраль в Санкт-Петербурге.

ла. Мертвый серый мир расплылся перед глазами. Едва удержавшись на ногах от потрясения, не замечая, что слезы текут по щекам, Дина развернулась и побрела по берегу туда, откуда можно подняться наверх. Все-таки это не ее день, и на пустом берегу она осталась совершенно одна.

Гравий сухо хрустел и разъезжался под ногами. Вот теперь ей стало не по себе. «Сколько длится наркоз? Час? Полтора? Пусть время здесь течет по-другому, но разве я не должна была уже проснуться? А если что-то пошло не так? У врачей вечно что-нибудь идет не так...» Мысли пугали. Вдруг стало зябко, и Дина поплотнее запахнула расстегнутую жилетку Алекса.

Вскарабкавшись по бетонному откосу, она выбралась на дорогу, которая тянулась вдоль набережной, и задрала голову. Солнце не сдвинулось с места. Ей показалось, что оно издевательски кривляется в туманном мареве сизого неба. Дина посмотрела вперед. Над ровной полоской деревьев неподвижным крестиком без нолика нависали крылья мельницы, венчающие башню немецкого ресторана, где она несколько раз ужинала с папой. Уходить с Крестовского не имело смысла, торчать на берегу — тоже. Она со всхлипом втянула сырой воздух и пошла вперед, медленно переставляя ноги. Тьма, отступившая перед ней там, в центре города, и никак не проявлявшая себя больше, вдруг ожила, завозила в тени кустов вдоль набережной, заворачивалась слабым мельканием где-то на границе зрения. Дина напряглась, выпрямилась, напомнив себе, что теперь ей незачем бояться этой твари,

ведь она не умирает там, дома. Это просто воображение играет с ней злые шутки. Упрямо задрав подбородок, она продолжила идти вперед.

Но страх — мурашками по спине, холодком в сердце — уже заполз под теплую изнанку жилета. Прокрался из памяти, зазвучав далеким вкрадчивым эхом мерзкого шипения: «А-р-р-ш».



Она почти добралась до плотной стены деревьев, отделявшей уступы открытых веранд ресторана от пустой автомобильной стоянки, когда услышала голоса. Они звучали так буднично, что на миг Дине показалось, будто она незаметно для себя вернулась в нормальный мир.

— Мить, и мне бутылочку захвати, — окликнула кого-то девушка.

— Светлого? — отозвался грубый мужской голос.

— Какое найдешь.

Только теперь Дина увидела тонкую струйку дыма, поднимающуюся из-за кустов, и ощутила запах. Кто-то жарил шашлык здесь, посреди безумия. Струдом подавив желание сейчас же присоединиться к людям, чтобы не оставаться совсем одной, она тихо подобралась поближе и вытянула шею, чтобы посмотреть из-за каменной кладки уступа на компанию, пирующую на открытой террасе ресторана.

Они оккупировали столик возле кирпичного купола над большим мангалом — трое мужчин и девушка. Похоже, что их совсем не волновало происходящее вокруг — отсутствие людей, шевелящиеся

под деревьями тени, сбрендившее солнце, маленькое и тусклое.

Девушка, на вид постарше Дины, обернулась и крикнула в сторону ресторана:

— Митя! Ну чего застрял?

— Иду, — неожиданно громко прозвучал ответ прямо у Дины за спиной. — Гостью вот захвачу только.

Кто-то грубо схватил ее за предплечье раньше, чем она успела обернуться, и толкнул вперед, к декоративному мостику, который прорубал аккуратную дорожку в голых ветках кустарника под деревьями. Ухватившись за поручень свободной рукой, Дина затормозила и оказалась лицом к лицу с невысоким мужчиной в застиранной ковбойской рубашке-куртке, из тех, что обычно продаются на рынке возле метро.

— Иди давай! — подтолкнул он Дину и покрепче прижал к груди несколько бутылок. Те приглушенно брякнули, стукнувшись стеклянными телами. Одну, неприжатую, он держал за горлышко в кулаке, а другая рука переместилась на Динино запястье и больно его стискивала.

— Отпустите! Вы кто? — дернувшись, попыталась освободиться она, но навстречу им с другой стороны мостика уже вышли приятели «ковбоя».

Девушка, с выбеленными концами коротких волос, торчащих в разные стороны, оценивающе и презрительно оглядела Дину с головы до ног. Острым подбородком и глубоко посаженными глазами она напоминала ежика, совсем не страшного, но взгляд, которым она одарила Дину, ничего хорошего не предвещал.

— Уже и днем приходят! — удивленно сказал один из ее спутников, высокий и полный парень, подойдя ближе и освободив «ковбоя» Митю от бутылок. — Запри ее где-нить пока, пожрать же надо.

Девушка-еж посмотрела на солнце, застрявшее в зените, и проворчала:

— Пока у этой свечереет, мы раз пять поедем.

Остальные, как по команде, задрали головы к небу. Дина возмущенно дернулась. «Этой» прозвучало так, словно она была каким-то неодушевленным предметом. Но вырваться не удалось, Митя держал крепко. Освободившись от бутылок, он вцепился в нее двумя руками.

— Отпустите! Что вам нужно?

Никто даже не посмотрел в ее сторону. Троица развернулась и направилась обратно к мангальной, а назначенный конвоиром Митя грубо толкнул Дину к мощенной камнем лестнице, которая вела наверх, в ресторан. Вспомнилось, как Алекс говорил, что пленников запирают до темноты, чтобы потом... Он так и не рассказал, что с ними происходит потом, но Дина догадывалась. Оставалось только проклинать себя за глупое любопытство.

— Митя, вас же так зовут? — обернулась она к угрюмому провожатому. — Отпустите меня, пожалуйста. Зачем вы это делаете? Вы не понимаете...

Договорить не получилось.

— Иди вперед, дура.

Он зло и больно пихнул ее в бок кулаком.

Дина охнула и согнулась. Так, полусогнутая, лбом вперед, она и влетела в распахнутые двери ресторана. Митя протащил ее за собой налево,

к крохотной комнатке с большим окном, втокнул внутрь и запер.

Дина судорожно огляделась. Комната была набита игрушками, на полу зеленел ковер с нарисованными дорогами, светофорами и пешеходными переходами. Это была игровая. Окно давало столько света, а комната оказалась такой маленькой, что никакого намека на тень здесь не ожидалось до заката. «До какого заката? Я же не в коме? Почему, почему все это никак не заканчивается?» — одни и те же вопросы разрывали мозг. Она рухнула на податливое кресло-мешок и спрятала лицо в ладонях.

Немного успокоившись, Дина попыталась мыслить логично: «Надо выбраться отсюда, вернуться на берег. Зря я ушла». Принятое решение требовало действий. Она подошла к окну и осторожно выглянула наружу: оно выходило в сторону стоянки, и террасу скрывала стена из кустов вечнозеленой туи, подстриженных как по линейке. Мысленно рисуя, как остаться незамеченной при побеге, Дина оглядывала раму в поисках ручки. И снова. И — против часовой стрелки. Ни ручки, ни даже намека на что-то подобное! Окно оказалось глухим. Видимо, строители решили, что не стоит искушать детишек, и отделались кондиционером, чья белая панель сейчас не издавала ни звука.

— Черт! — вырвалось у Дины.

В отчаянии треснув кулаком по узкому намеку на подоконник, она с тоской уставилась в крошечный кусочек ненастоящего блеклого неба, видневшийся в верхней части рамы, а потом опустила

на пол и села, опираясь спиной о стену под окном. Отчаяние мутило разум и грозило захлестнуть его целиком. Подтянув колени, Дина уткнулась в них лицом. Что-то больно уперлось в бок, неприятно и жестко. Дина поправила жилетку Алекса, не поднимая головы, и нащупала что-то во внутреннем кармане. Что-то, чего она раньше не заметила. Там оказался плотный, сложенный вчетверо сверток пожелтевших от времени бумажных листов. По-медлив, она осторожно развернула похрустывающую бумагу и принялась читать.

*«Горбун и Бес ушли, оставили меня на хозяйстве. Сегодня уже легче, чем накануне, когда столкнулся в “Ленте” с целой толпой придурков. Они решили, что я “возвращенец”, еле отбил. Увы, ни хрена мне не светит. Я здесь уже две недели, завтра пятнадцатая ночь, и никакой последний луч мне не поможет.*

*Кстати о луче: я так перестарался, няясь на солнце тогда, на первом закате, что до рассвета зайчики в глазах плясали. Кровавые. Так-то. Бес потыкал меня носом в неочевидное и невероятное: если ты не зомбак типа “уходящих” и, не вспомнив ровным счетом ничего до первого заката, остался целехоньким, то велкам к нашему шалашу. И не приставай с идиотскими вопросами типа «Когда это кончится?». Справочное бюро на вокзале, а здесь справок не дают.*

*По поводу справок это он напрасно. Как раз здесь и можно узнать хоть что-то, потому что только Горбун, Бес, занудливый Блондин и Наша Маша пытаются разобраться, что к чему в этом дурдоме. И уж я-то своего не упущу. Все хотят свалить отсю-*

да, а я хочу вспомнить хоть что-нибудь, кроме очевидного: вода мокрая, дважды два — четыре. Может, там, куда сваливают самые везучие, “возвращенцы”, еще хуже, чем здесь, и мне туда не надо?



Горбун тут дольше всех и самый смурной. Все ему не так. Я сегодня не мог заснуть — Жуть повадилась выть прямо под окнами, — так он уселся рядом, стал забалтывать. У меня даже голова болеть перестала. От ночного визга Жуты всегда раскалывается, до тошноты.

Оказывается, он сначала в банде был. Не сказал, как долго. “Возвращенцев” ловили, забавлялись. Жуты скармливали. Ну, что они творят с беднягами, мы недавно с Блондином застали. Хреново вышло, конечно. Блондину башку разбили, я мордой по асфальту проехался, а несчастный “возвращенец” все равно ничего вспомнить не успел: солнце уже почти село. Бес матюгами обложил за то, что вдвоем на семерых полезли. Убить тут нельзя, но отделать как следует — легче легкого. Как у меня получилось Блондину скальп на место пришить — не знаю. Руки сами все делали, но теперь ко мне новое имечко приросло — Доктор. Пусть так, все же лучше, чем Сморок.



Блондин тихий, интеллигентный. Вежливый. Башковитый. Все из ничего соберет. Правда, сам не понимает, как это у него так ловко получается.



*Наша Маша смешливая и дурашливая. Легкая. Без мыслей особенных. Я дал бы ей тридцатку, но только не тогда, когда она замолкает и смотрит вглубь себя. Тут во что угодно поверишь, но она на глазах стареет лет на двадцать. И вся легкость испаряется.*

*Горбун плюс-минус моего возраста. Хотя кто знает, сколько каждому из нас? Здоровенный мужик, сутулый. Потому и Горбун.*

*Бес... Бес умный. Чернявый. Вертялый. Без возраста. И без амбиций. На месте не сидит спокойно, совсем. Даже сидя — притопывает. Ходить с ним — одна мука, у всех ноги отваливаются, а он все чешет без остановки. Ему больше всех надо знать. Все. Его бесят непонятки (а их здесь — одна сплошная непонятка).*

*Не знаю, когда кого заберет Жуть, но я начинаю к ним привыкать. Может быть, меня первого? Достало ждать неизвестно чего.*



*Блондин придумал карту рисовать! Будем город вдоль и поперек исследовать, — может, выход найдем?*

*Машка считает, что нас инопланетяне похитили и опыты проводят. Она верит, что выход есть, наивная. Прямо дверь ей. С ключами.*

*У Беса теорий до хрена, включая и эту.*

*Горбун думает, что мы попали в ад. Ага, так ему в аду вискарика и нальют. Сидит, хлещет дорогое пойло и с умным видом разглагольствует о чертях и сковородках в виде Жути. Типа на всех не хватает и мы тут в очереди... Ага.*

*У меня вообще нет мыслей на этот счет. Я пока наблюдаю. Как-нибудь соберу все в кучу да запишу».*

У Дины перехватило дыхание. Она читала дневник Доктора! Того сморщенного неопрятного человечка, который, по словам Алекса, жил здесь дольше всех. Качество печати было ужасным, светло-серые буквы терялись на желтой бумаге, но Дина не могла оторвать от нее взгляд. Словно околдованная чужими переживаниями, она почти забыла про свои собственные.

*«Рюкзаки упакованы, план похода намечен. Все спят. Бес храпит с присвистом, Машка льнет к спине Горбуна — широкой и надежной, как бетонная стена. Горбун не спит. Считает, что разучился. Лежит не шевелясь, лица не разглядеть. Моя свечка дает слишком мало света. Блондин затих, даже дыхания не слышно. Он частенько говорит во сне, только слов не разобрать. А мне приспичило в туалет, и сон ушел.*

*Сегодня иду вместе с ними в первый раз! Так надоело сидеть в четырех стенах, что я готов тронуться в путь прямо по темноте. Про четыре стены — это не так. Мы живем в помещении кафе “Чайникофф”. Вывеска с нелепым названием украшает главный вход, которым мы не пользуемся, а потому он заколочен гвоздями и заложен куском швеллера изнутри, через ручки. Маловероятно, что к нам вломится Жуть. Ей, похоже, гвозди и запоры не преграда, но было бы неприятно, вернувшись, обнаружить следы пирушки скотов типа Большого Босса (это у него мания величия такая забавная)*

*или другой похожей компании. Эти любят на все готовенькое являться».*

Никаких дат над кусками текста не было. Скорее всего, они шли друг за другом не по порядку. Иногда казалось, что между ними отсутствуют дни, а то и недели.

*«Идем на север, в сторону Бугров. Через Кольцевую перебираемся уже почти в полдень, тусклое солнце не греет и почти не дает теней. За всю дорогу встретили только парочку “зомби” — молоденькую девушку, такую худую, что издаലെка приняли за пацана, и бабу, бодро ковылявшую без всяких тросточек на искривленных артритом ногах. Ну вот откуда, скажите на милость, я знаю про артрит? Спрашиваю у Блондина. Вместо него с ответом влезает Бес:*

*— Доктор, когда ты поумнеешь? Тут все что-то знают, только не помнят откуда.*

*Я затыкаюсь. Спорить с Бесом бесполезно, уж он-то уверен, что знает все на свете. И непременно — лучше всех. Горбун изредка бледнеет, как будто собирается исчезнуть, но потом проявляется с прежней четкостью. Все упорно делают вид, что этого не замечают. Я тоже. Делаю вид.*

*Далеко впереди небо приобретает свинцовый оттенок. Зубчатая линия горизонта, небрежно обозначенная верхушками елей и сосен, выглядит на таком фоне угрожающе.*

*— Что это там? — нервно спрашивает Наша Маша, уставившись на необычное зрелище.*

*Горбун останавливается. Смотрит на солнце над головами, на темноту впереди и пожимает плечами.*

— Не ночь, если ты об этом.

Бес подпрыгивает от нетерпения, Блондин щурится, прикидывая расстояние, а мне становится не по себе. Чем дольше я смотрю на странное небо, тем больше оно напоминает мне стену. О которую и лоб расшибить недолго.

— Это то, что мы искали, — не выдерживает Бес. — Конец географии. Выход.

Никто, кроме него, не выглядит убежденным. И никто — воодушевленным.

Машка жметя к Горбуну, снизу вверх заглядывает в глаза, пытается понять, что он об этом думает. Горбун мрачно отмалчивается, но делает шаг вперед. Машке ничего не остается, как отступить и пристроиться рядом. Бес вырывается вперед и задает темп. Мы с Блондином замыкаем процессию.

Лес на горизонте — никакой не лес. Так, обгрызенная лесополоса шириной метров тридцать. Уже на подходе видно неладное — темнота. Если у ближних деревьев еще светло, то к дальним свет почти не пробивается. И стена чернильной тьмы теперь просматривается над головами отчетливо, нигде не заканчиваясь, хищно протыкая серенькое дневное небо.

— Я туда не пойду! — заявляет Машка и пятится для верности, демонстрируя свою решимость.

— Или все, или никто, — отрезает Горбун.

— Мария! — Бес подскакивает к Машке. — Ты всех ставишь в неприличную позу, ой, прости, в неудобное положение. Мы шли несколько часов, столько же и возвращаться, а ты решила поистерить?

Он приплясывает вокруг не на шутку испуганной Машки, размахивает руками, тараторит и умудря-

ется каким-то чудом не спускать глаз со “стены”. Горбун вопросительно смотрит на Блондина, потом, спохватившись, на меня. Пожимаю плечами. Мне тоже страшно, но не нить же, как Машка. Блондин сжимает узкие губы, и они пропадают совсем, из чего я делаю вывод, что ему тоже не по себе. Человек-без-рта энергично кивает. Легкая соломенная челка вспархивает надо лбом и опадает.

— Пойдем, посмотрим, что за хрень, — резюмирует Горбун и обнимает Машку за плечи.

Она съезживается и почти исчезает в медвежьих объятиях. Бес срывается с места и проносится между деревьев, как ракета. На середине пути он пытается зажечь лампу, возится и бормочет невнятные ругательства, пока мы не подходим. Огонь сегодня гореть не желает. У Горбуна есть зажигалка, но и она только сверкает искрами кремня да вхолостую шипит газом.

Глаза привыкают к оттенкам темноты неожиданно быстро. Мы вываливаемся из леска и оказываемся на ровной проплешине прямо перед “стеной”. До нее не больше пяти метров, и она действительно черная, сожравшая весь свет и все краски. Тихо так, что я слышу, как дышат остальные.

— Граница, — шепчет Блондин, и я понимаю, почему он не говорит громче: здесь чертовски страшно.

Машка тихо скулит под мышкой у Горбуна, сам он застыл с непроницаемым лицом, плохо различимым в сумраке. Бес подходит к “стене” первым.

— Ну что, пошли домой?

Он натушно, неестественно весел, и меня пробирает озноб. Хочу сказать ему: “Отойди”, но не успеваю.

*Горбун, обманчиво медлительный, как медведь, на деле оказывается быстрым, какими и бывают медведи. Он прыгает вперед и успевает схватить Беса за руку.*

*— Стой!*

*— Отпусти, я пойду. Вот увидишь, зайду и вернусь за вами, трусы.*

*В быстрых, сбивчивых словах Беса нет уверенности, но есть маниакальная жажда. “Стена”, “граница”, чем бы она ни была, тянет его к себе, и мы все это видим.*

*Он ловко выкручивает руку из хватки Горбуна и валится внутрь черноты. Исчезает в ней за один миг, в который никто из нас не успевает издать ни звука. А потом любой звук перекрывает его крик, многократно усиленный, словно вопит вся стена мрака целиком, от одного невидимого глазом края до другого. Крик пронзает голову. Мучительный. Страшный. Такой, который исходит не из горла, а откуда-то гораздо ниже, из легких, из живота, из всей человеческой требухи, за которой прячется душа. От этого крика мы дружно сбиваемся в дрожащую кучу и смотрим-смотрим-смотрим в черную пасть, проглотившую нашего друга. А потом он обрывается тишиной. Глубокой. Окончательной».*

Дина вздрогнула от внезапного озноба. Запахнула жилетку на груди. В ушах звучало далекое эхо другого крика — того мужчины, что повернул назад от близкого берега. От возможности вернуться и жить... Она со всхлипом вздохнула и продолжила читать.

*«Все. Горбуна больше нет. Я думал, да все думали, что он уйдет первым, а вышло вон оно как. Я шел рядом и старался не смотреть ему в лицо. Нет ничего приятного в том, как выглядит человек, потерявший себя. Но не проводить его я не мог. Не знаю, правильно ли сделал, ведь теперь длинная (откуда же их столько?) шеренга тел, застывших в ступоре, пустыми глазами уставившихся в темнеющее небо, будет сниться мне до самого конца, каким бы он ни был.*

*Горбун знал, что уходит, и был готов к этому. Все мы знали. Но к тому, что вдруг не обнаружим Блондина, который просто исчез однажды ночью, не был готов никто. Машка рыдала в голос, размазывая слезы по лицу. Она едва оправилась от потрясения после гибели Беса, и вот на тебе — снова потеря.*

*Но и она не задержалась слишком долго. Накануне мы вернулись из города поздно, едва успев до темноты, и завалились спать вповалку, вдвоем на здоровенном матрасе Горбуна, так было теплее. А утром она разбудила нас криком:*

*— Мальчики, мальчики!*

*Я еле продрал глаза, Горбун просто сел идохнул сивухой от выпитого накануне — так он пытался вернуть способность спать.*

*— Машка, кончай орать, — проворчал я и остолбенел.*

*Такой я Нашу Машу еще не видел. Она сияла. Свет пробивался сквозь жалюзи, и рыжие кудряшки горели нимбом вокруг ее восторженного лица.*

*— Мальчики! Я — не Маша! Меня Таня зовут. Таня Грызлова.*

*Я продолжал таращиться, а Горбуна подбросило на матрасе. Он вскочил на ноги и выпрямился так, что даже спина разогнулась неведомым образом.*

*— Пошли, — только и сказал.*

*Я чуть не спросил: “Куда?” — да вовремя очухался. На Крестовский, куда ж еще? Наша Маша, то есть Таня, возвращалась!*

*Так мы остались вдвоем. А теперь я совсем один, и никто мне не нужен.*



*У Нашей Маши есть страсть. Она обожает фотографии. Выдирает их из журналов, вырезает из книг. Единственная, кто может ходить по пустым квартирам и рыться в вещах. Она никогда ничего оттуда не забирает, кроме фотографий. Ими увешаны все стены в нашем жилище. Я никогда не присматриваюсь, не разглядываю чужих лиц, для меня это всего лишь пестрые заплатки на бежевом пластике стен.*

*Вчера она весь вечер (короткий, как никогда) носилась с вырезанной из журнала фотографией лося. Как всегда, я вспомнил об этой громадине только тогда, когда мельком глянул на страницу журнала у нее в руке.*

*— Где все животные? — пристала она к Блондину.*

*— Маш, не знаю, — отмахнулся тот, погруженный в чтение.*

*Все свободное время он или читает, или мастерит что-нибудь страшно полезное.*

*— Доктор, — пришла моя очередь быть жертвой расспросов, — почему нет животных? Хоть бы крыса? Или кошка?*



*Я как-то не задумывался об этом до сих пор. Затупил, и вместо меня ответил Горбун:*

*— Машуль, кому интересны звериные души? Они же чистые.*

*Мы дружно уставились на него. Картинка едва не вывалилась у Машки из пальцев.*

*Вот такая философия.*



*Забавный пацан. Истерить перестал быстрее, чем я в свое время. Все рвется куда-то. Имя себе выдумал заковыристое. Торможу его, как могу, но он слишком молод, чтобы сидеть на месте и не задавать вопросов. А я не знаю, что ему отвечать. Да и не очень-то хочу. Он вроде еще не готов к ответам.*



*Снова один. Птенец ушел. Улетел в собственное гнездо. Наслушался моих бредней о прошедшем времени и решил стать провожатым. Говорит о помощи, а глаза в пол. Совсем врать не умеет. У меня в ларьке тесно для двоих, грязно и неудобно, но все равно жаль, что он ушел».*

Дина сразу поняла, что это об Алексе. Последний лист задрожал в руке, строчки расплылись перед глазами. Захотелось отыскать Доктора и сказать, что Алекс уже дома, что Доктор тоже еще жив, заставить его вспоминать. Она шмыгнула носом, вытерла слезы и дочитала оставшиеся записи.

*«Все чаще вспоминаю Границу, Беса. Давно решил, что он догадывался, какая судьба его там ждет, и просто использовал нас, чтобы спокойно дойти. А может, подарил нам шанс увидеть единственный настоящий выход отсюда? С него стало бы и то и другое.*



*Перепечатал кое-какие заметки из старых дневников. Еле разбираю собственный почерк. Может статься, что я действительно врач? Завтра закончу книгу, отнесу Музыканту — Алику (а Птенец мне нравилось больше), пусть делает с этим что хочет. Меня ждет Граница. Мерещится по ночам. Я все искал смысл в том, почему сижу здесь так долго, и неожиданно понял, что от меня требуется решение. Выбор. Кто-то надеется, что я еще годен на поступок, потому Тьма меня и не берет. Пока перепечатывал старый дневник, сообразил, что так и не систематизировал свои наблюдения. Увлёкся процессом. У нас, старожилков этого проклятого места, тоже есть воспоминания. Тонкая шкурка своего “я”, которая выросла уже здесь. Когда я писал то, что выше, был совсем голым. Будто ребенок. И наивным, что, как ни странно, сейчас умиляет.*

*Надеюсь, кому-нибудь пригодится моя писанина. А если и нет, какая разница? Я ухожу, удачи».*

Сколько времени она провела, глядя на стиснутые в руке бумаги? Пятнадцать минут? Полчаса? Казалось, что прошла целая вечность. Время... Ка-

кое значение это имело здесь? Бесполезное, раздражающее знание о том, что время можно измерить и что от его хода может что-то зависеть. Здесь не осталось никого, о ком стоило бы беспокоиться. Беспокоиться нужно было о себе.

Дина вздохнула. Скоро закончат с шашлыками Митя со товарищи, и тогда... Что случится тогда, она не знала, не хотела об этом думать. Ничего хорошего, по определению. Она с тоской повернулась к окну и подышала на стекло. В мутном пятнышке осевшего пара вывела буквы Д и А. Вдруг вспомнила, как Алекс испуганно сказал, что она могла его не застать, и похолодела. Если он читал дневник Доктора, то мог отправиться за ним или... Последняя мысль пугала. Тряхнув головой, Дина отмела ее прочь. «Алекс не такой. Он не мог так поступить!»



Она все еще смотрела в окно, когда зелень туй вдруг почернела, а ровный обрез верхушек стал расплывчатым, теряя четкость линий. Не сразу сообразив, что происходит, Дина посмотрела наверх. Небо мрачнело, превращаясь в темно-серое из блекло-голубого.

— Да хрен его знает почему, — донесся до нее раздраженный мужской голос из-за двери. — Даже поразвлечься не успеем.

Щелкнул замок, и дверь распахнулась. В проеме нарисовался высокий толстяк, из-за его плеча выглядывала девушка-еж. Дина отступила бы, да было

некуда: она прижималась спиной к подоконнику, до боли стиснув кулаки.

Темнело слишком быстро. Вся пятерка, набившаяся в маленькое помещение игровой, держалась возле двери, но теперь Дина не могла их даже толком разглядеть. Казалось, что внезапно потемнело в глазах, будто она смотрела сквозь закопченное стекло. Затравленно, словно попавший в ловушку зверек, Дина обернулась к окну и не увидела неба — только узкую полоску кровавого отсвета на деревянной решетке рамы.

— Начинается, — негромко сообщила почти невидимая девушка-еж и нервно хихикнула.

— Р-ш-ш-ш-ш-ш-а-х! — победно зашипела обступавшая Дину Тьма. Уже не в памяти, а наяву: в углах комнаты, за почерневшим стеклом окна, в зияющей черным провалом распахнутой двери, которую заслоняли нечеткие человеческие фигуры.

«Господи! — взмолилась никогда не помышлявшая о боге Дина. — Нет!»

— Да-а! — слышалось ей в шорохе подкрадывающейся Тьмы.

Дина рванулась к двери, не помня себя от ужаса, но не успела сделать и трех шагов.

Холод проворно окутал ступни, она содрогнулась и опустила глаза. «Я ослепла!» — мысль пронзила, кажется, весь позвоночник, а не только голову. Она не видела ничего, кроме чернильной тьмы.

— Хор-рош-шо? — спросила Тьма, подбираясь к коленям ледяными прикосновениями.

Дина забилась, как пойманная птица, но ноги ей больше не повиновались. Она закричала изо всех

сил, но звук завяз во мраке. Не было больше ничего — ни игровой, ни ресторана, ни верха, ни низа. Она падала в бесконечное ничто, беззвучно крича.

*...Поручни мокрые и холодные. Пальцы стыннут. Стынет шея, открытая ветру и брызгам осенней мороси. Упрямое «Пусть! Так всем будет лучше!» крутится в голове, как аудиоролик на повторе, раз за разом возвращаясь тоскливой мантрой. Дина отклоняется вперед, насколько позволяет боль в заведенных за спину руках. Страх нет совсем. Есть только маленький червячок сомнения, который и удерживает ее на краю балкона: не похоже ли это на предательство? Не похоже ли это на трусость?*

*«Тридцать», — шепчут губы, и Дина, победоносно отметая мысль о трусости, разжимает руки...*

— Ты этого хотела! — проревела Тьма.

— Нет! — закричала Дина и не услышала своего голоса.

Но Тьма услышала, вскинулась холодом к самому сердцу, сжала клещами. Остро, резко, так, что стало невозможно вдохнуть.

— Не-ет! — просипела Дина, сопротивляясь холоду, высасывавшему душу.

— Это была не я, — прошептала она из последних сил. — Не я!

*Никто не спросил, что именно толкнуло ее на край балкона. Ни родители, ни полиция, ни въедливый доктор Брумм. «Почему же он спрашивает? — сердито сжимая губы, думает Дина. — Почему — сейчас?»*

*Владимир Анатольевич заглянул в палату пару минут назад, предупредил, что Антонина перевезет ее в другое отделение до обеда, и задержался, задумчиво глядя на Дину. Он сунул руки в карманы голубого халата и теперь возвышается над кроватью эдакой молчаливой горой, увенчанной аккуратной, почему-то не голубой, а белой шапочкой.*

*— Ответь мне на один вопрос, Дина... — начинает он.*

*Как можно ответить вот так, сразу? Дина беспокойно ерзает, пытается поправить подушку одной рукой. Заведующий молча ждет.*

*Она хмурится, выдыхает и неожиданно для самой себя начинает говорить:*

*— Сначала это была обида. И страх. Потом — злость. Потом снова обида и снова страх, — честно перечисляет Дина. — Мое лицо, конечно. Я думала, что всем так будет легче. Маме... Конечно, я была полной дурой. Теперь понимаю. И не в родителях было дело, я просто боялась так дальше жить. Мне казалось, что самое ужасное уже произошло и я никогда не стану прежней. Что у меня не будет друзей, родные будут страдать и мучиться, а окружающие — шептаться за спиной или тыкать пальцем.*

*Дина торопится, слова почти обгоняют мысли, принося невероятное облегчение. Она чувствует себя так, словно разбирает захламленный дом, впуская в открытые окна свежий ветер и солнечный свет.*

*— Я просто сбежала, струсил. А потом оказалось, что я сама себя не знаю. Что главное — то,*

*о чем я даже не думала, — вовсе не снаружи меня. Оно — внутри. И оно не искалечено, скорее наоборот, Владимир Анатольевич. И знаете, что я поняла? Я старалась победить обстоятельства, а достаточно было просто победить собственные страхи.*

*Она смотрит на доктора. Он кивает, очень серьезно, и мягко сжимает запястье ее здоровой руки.*

*— У тебя все будет хорошо, Самойлова. Ты — сильная девочка. Я рад, что ты это понимаешь.*

— Не я! — из последних сил сопротивлялась Дина, больше не отождествляя себя с той сломанной девочкой на краю балкона.

Хватка ослабела.

— Я — другая! — теперь у нее получилось заговорить. — Я — живая! — силилась закричать Дина и слышала свой ломкий, полный отчаянной страсти голос, звенящий в ушах почти так же громко, как завывания Тьмы.

Холод отпрянул под дикие вопли и разъяренный шипящий визг: «Ж-живай-я?» Ненастоящее солнце, словно гротескно-большой ночник, вспыхнуло где-то за окном, позволяя Тьме, не исчезая совсем, клубиться у потолка и по углам, разочарованно шипя: «А-р-х-ш-ш-а-х».

Она больше не говорила с Диной, а Дина ее больше не слушала. И не боялась. Страх исчез, осталась только уверенность в том, что все закончилось и теперь ей пора туда, где заканчивается ненастоящий день в этом ненастоящем мире. Она сделала несколько шагов к двери, не сводя глаз

с попятившейся девушки-ежа и не замечая остальных, застывших у стены. В полном молчании Дина вышла из комнаты, из ресторана и быстро пересекла террасу. Никто не шел за ней следом.

Солнце поднялось совсем невысоко и почти касалось красным боком воды у горизонта, когда Дина спустилась на узкую полосу каменного пляжа.



Каталку потряхивало на стыках линолеума. За головой грохнула металлическая дверь допотопного больничного лифта. Дина застонала, не в силах ворочать языком, ошaleвшая, одурманенная наркотом, но готовая прыгнуть с жесткой каталки и пуститься в пляс: она победила Тьму! победила смерть! она — вернулась!

— Тише-тише, — наклонилась к ее лицу Антонина, — все хорошо, детка. Все хорошо.

«Все хорошо», — подумала Дина, проваливаясь в забытье.



— Ну и напугала ты докторов! — укоризненно сообщила ей Антонина на следующее утро, меняя раствор в капельнице. — Взяла да и отключилась прямо на столе! Что тут было! Все забежали, дефибриллятор подтянули, а ты вдруг как засипишь! Анестезиолог, Марина Ивановна, решила, что с интубационной трубкой беда, ты хрипишь и бьешься, пришлось вынимать, а ты ну орать,



в наркозе-то! «Я живая!» Потом снова отключилась, расслабилась, еле успели снова интубировать. Господи, никогда такого не видела!

— Правда? — прошептала Дина едва слышно. Голоса у нее не было — что-то приключилось с горлом. Оно болело, словно при ангине.

— Правда-правда, — возбужденно подтвердила Антонина и, помедлив секунду, напряженным голосом спросила: — А сама не помнишь ничего, да? Как же ты упасть-то ухитрилась, не помнишь?

Дина повозила головой по подушке, отрицая такую невероятную возможность. Внутри тоненько дрожал смех. Значит, Антонине ничего не грозит. Виновата во всем сама Дина. Вот и хорошо!

— Ну, теперь тебе до ста лет жить, девонька, не иначе, — заключила Антонина и затопала к дверям. — Ой, забыла! — обернулась она на пороге. — Лешу Давыдченко из третьей палаты помнишь? Вышел из комы! Подумала, что тебя это порадует, ты ж его жалела.

Она вздохнула, большая, как мама-медведица, и вышла, тихонько прикрыв за собой дверь.

Дина широко улыбалась, глядя, как солнечный зайчик, отраженный от спиц новенького аппарата Илизарова, дрожит на потолке. Было радостно просто от того, что небо синее, а солнечный свет греет макушку. Никакой унылой пустоты — мир был до краев заполнен звуками: за окном шумели машины, в коридоре то и дело раздавались чьи-то быстрые шаги, ворчала Зойванна, что-то металлически бряцало. На тумбочке распускали рулончики бутонов свежие розы, и Дине показалось,

что она способна услышать нежный шелест лепестков.

Она подумала о маме. Сначала — о своей. «Досталось ей страха! Хорошо бы до нее не дошли рассказы о происшествии в операционной». Потом — о маме Алекса. «Наверное, теперь она сможет себя простить?» Болело горло, ныла, словно распиленная на части, рука, но разве можно было сравнить эту боль с холодом у сердца? Дина улыбалась крошечному пятнышку света на потолке, словно приятелю, ведь его породило настоящее живое солнце!



В палату к Алексу Дину торжественно вкатила Антонина. Ей вклеили выговор за происшествие, но не уволили. «А кто работать-то будет?» — пожимала она плечами, рассказывая.

Алекс был один. Все так же неподвижно лежал на кровати, только аппаратура больше не поддерживала в нем жизнь.

— Спит, — громко прошептала Антонина, подкатив кресло к изголовью. — Он под лекарствами. Можешь побыть недолго, я через пару минут вернусь.

Из двух пластиковых труб через капельницу в худую белую руку вливался раствор. В уголках сухих губ были трещинки, на обтянутых кожей скулах — ни кровинки. Но Алекс дышал сам, ресницы чуть подрагивали, и глаза быстро бегали под опущенными веками.

— Ты поправишься, вот увидишь!

Дина смотрела без жалости и говорила уверенно и громко. В своих словах она не сомневалась.

— Почему ты так думаешь? — тихо прозвучало из-за спины.

Дине пришлось вывернуть шею, чтобы увидеть говорившую: развернуть кресло самостоятельно мешала больная рука. Мать Алекса была все такой же худенькой и осунувшейся, но скорбное выражение исчезло из ее глаз, в них светилась надежда.

— Потому что я его знаю. Он сильный и очень этого хочет. А человек может все, чего хочет по-настоящему.

— Спасибо, что ты в него так веришь, девочка. Как тебя зовут?

Женщина встала рядом с Диной и осторожно поправила сыну краешек одеяла.

— Дина. Передайте ему привет, когда очнется, а то я теперь смогу прийти нескоро.

— Передам, — вздохнула женщина. — Но он никого не узнает, даже меня.

Губы у нее задрожали.

— Врачи говорят, что могут понадобится месяцы, может быть, тогда...

— Он справится, — упрямо повторила Дина, снова посмотрев на Алекса. — Видите? Ему снится сон. Значит, он вспоминает.



Из-за руки, снова заключенной в стальные зубы аппарата Илизарова, управлять креслом самостоятельно

не получалось, пришлось просить маму. Доброй Антонины рядом давно не было, и вообще, в общей хирургии, где Дина теперь лежала, все оказалось совсем не таким, как в отделении реанимации.

Они поднялись на лифте, и мама подкатила кресло к дверям отделения. Нажала кнопку звонка и назвала имя больного. Алексу разрешили посещения совсем недавно, да и к тому же его собирались переводить в неврологию, вот Дина и захотела попрощаться.

Матери поздоровались и тихо разговаривали у окна, а Дина протянула Алексу подарок — музыкальный планшет-синтезатор, который по ее просьбе купил папа.

Алекс шел на поправку быстро. Болезненная бледность и худоба уже не делали его лицо неузнаваемым, а сил прибавилось настолько, что он мог самостоятельно садиться в кровати. Вот только память возвращаться не желала.

Он не смог справиться с эмоциями — при виде планшета глаза осветились такой радостью, что Дина широко улыбнулась в ответ. Будь ее губы из резины, они растянулись бы до ушей.

— Спасибо, — слабо выдохнул Леша, изумленно уставившись на Дину.

За несколько визитов он успел к ней привыкнуть, но так и не узнал. Дина переживала ужасно, но по сравнению с тем, что он не мог вспомнить даже свою маму, ее переживания как-то мельчали.

— Поправляйся, Алекс. Ты обещал мне «Лесного царя».

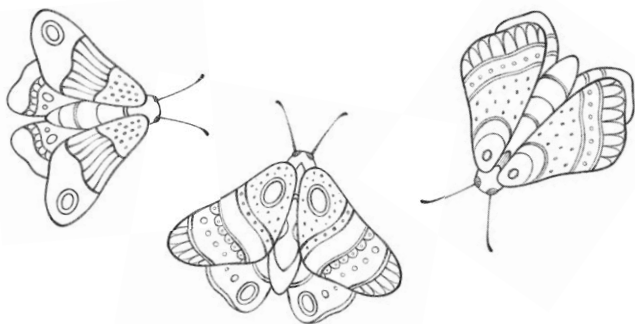
Он нахмурился, смущенный. Так происходило всякий раз, когда нужно было реагировать на забытые вещи. Дина протянула здоровую руку и вложила в его ладонь. Пожала тихонько.

— Все будет хорошо. Пока. — Она обернулась: — Мам?



Грузовой лифт, кряхтя и потряхивая створками дверей, полз вниз. От досады Дине хотелось заревать. Ее выписывают, а Алекс остается в больнице. Растерянный, смущенно вглядывающийся в видео и фото, на которых он в кругу незнакомых людей играет, учится, отмечает праздники...

И ничем-ничем она больше не могла ему помочь. Но ведь он жив? Значит, надежда есть. А это — главное, решила Дина. Когда лифт остановился на третьем этаже, слез в ее глазах уже не было.



## Глава 7

# ФЕРМАТА

*Фермата — знак в нотном письме, обозначающий продление ноты или паузы на неопределенное время.*

Пять месяцев комы — не шутка. Из таких передряг без потерь не выходят. Тело перестает слушаться из-за мышечной дистрофии, могут отказать и отказывают внутренние органы. Теряется речь, теряется память. Леше Давыдченко повезло, молодой организм восстановился удивительно быстро, за одним досадным исключением: парень ничего не помнил.

«Невыносимо-невыносимо-невыносимо», — стучало в висках. Пустая упаковка из-под сока с ненатурально ярким зеленым яблоком на боку, крутясь, взлетела вверх, подброшенная тупым носком кроссовки, и приземлилась в траву перед оградой Никитского сада.

— Не-вы-но-си-мо, — яростно прошипел он вслух сквозь зубы, шагнул с тротуара на газон и снова пнул несчастную картонку. На этот раз она отлетела по косой, в сторону и вверх, и застряла между прутьями ограды.

Женщина, которую он теперь называл мамой, только чтобы не слышать приглушенных рыданий в соседней комнате каждую ночь, просила не уходить далеко от дома. Он оглянулся. Поискал глазами окно большой комнаты на фасаде. За стеклом угадывался женский силуэт. Она стояла, обняв себя руками, и, должно быть, провожала Лешку взглядом. Следила.

В его лексиконе никак не находилось нужное слово, которым Лешка мог бы описать свое состояние. Все вокруг было чужим. Чужой дом. Чужие руки и ноги, чужое лицо в зеркале, чужое имя. И бесконечное, навязчивое ощущение дежавю. Такое уже было с ним когда-то. Что именно было? Когда? Где? Невыносимо!



Поздно вечером в небе включали звезды. Лешка лежал в темноте и смотрел на них через окно. Удобно, когда во дворе не горит фонарь! Он перебирал в памяти названия созвездий — тех, что мог видеть в сумеречной темноте июльского неба, и тех, что отсюда увидеть нельзя.

Он знал много созвездий. Еще больше, чем звезд, он помнил мелодий, но не мог прочитать нотный лист! Пальцы слушались неохотно, и Лешка играл

по памяти, вздрагивая каждый раз, когда передерживал ноту... Раскрытая на семнадцатой странице партитура стояла перед глазами, пестря диаграммой черных символов. Он уже знал, что это — нотные знаки. Не вспомнил — мама рассказала. Знал, что все мелодии, теснящиеся в его голове, записаны этими крошечными головастиками на разлинованных листах нотных тетрадей, но для него они теперь ничего не значили. Он ничего не помнил и не мог понять. Как не мог прочесть ни единого слова в книге: совершенно разучился читать и только-только пытался освоить алфавит...

На кровать взобралась Муза — старая серая кошка, к которой пришлось привыкать, как и к чужой женщине за стеной, — и улеглась в изголовье. Тяжело вздохнула и завела свой негромкий моторчик. Лешка не помнил, но теперь знал, что сам принес ее когда-то в дом.

— Муза, я так никогда не усну, — проворчал он, когда кошка принялась несильно когтить отрастающие волосы у него на макушке.

В тишине ночи голос прозвучал странно знакомо.

— Муза, — неуверенно позвал Леша, слушая себя самого.

«Муза, немедленно отдай!» — далеким эхом прозвучало в памяти. Комок серой шерсти промчался прямо под ногами, передними лапами кошка подбрасывала черный бант галстука-бабочки и мчалась за ним вдогонку.

— Старушка, а ведешь себя, как котенок!



Лешка, смеясь, выхватил галстук из кошких лап, и она села, обиженно уставившись вверх, на Лешкины руки, отнявшие законную добычу.

— Ты готов? — заглянула в комнату мама.

— Иду. Муза опять стянула бабочку.

— Быстрее, а то опоздаем!

Лешу подбросило в кровати, он сел, мучительно пытаясь ухватить воспоминание. Звук, цвет, вкус. Интонацию маминого голоса, полоску солнечного света через всю комнату наискосок, саднящую царапину от кошачьего когтя на левой руке...

Муза прошла по подушке и ткнулась головой ему в ладонь. Продолжая цепляться за всплеск памяти, он машинально погладил кошку по голове, потом — под челюстью, где тихонько вибрировало равномерное «м-р-р-р». «Мурчалло» — так называла это мягкое, нежное местечко на кошачьем горле бабушка, а маму это словечко смешило...

— Мама! — вскрикнул он в темноте, еще не до конца осознавая, что происходит, но отчаянно нуждаясь в этом слове именно сейчас.

Дверь в комнату распахнулась так быстро, словно мама стояла прямо за ней и ждала. Только и ждала, когда он позовет. Невидимая в темноте, она обняла его, прижала к себе. Мамины руки непрерывно оглаживали плечи, спину, ерошили волосы. Она что-то бормотала, коротко всхлипывая. Лешка уткнулся носом в теплую ночную рубашку под распахнутым халатом, в мягкий живот, задыхаясь от знакомого запаха, от тысячи знакомых запахов родного дома.



Память возвращалась постепенно и ужасно медленно. Он вспомнил маму и старенькую кошку Музу. Но странную, слишком коротко стриженную девочку с невозможно зелеными глазами, которая несколько раз навещала его в больнице и вернула единственное, что сохранила память, — музыку, вспомнить не смог. Она не оставила маме свой номер телефона, ее не было ни на одной из видеозаписей или фотографий семейного архива. Мама даже не смогла вспомнить ее имя, огорченно разводя руками: не до того было.



По средам и пятницам приходила Ирина Петровна, врач. Она настойчиво, а порой и бесцеремонно копалась в Лешкиной голове, пытаясь выудить оттуда утраченные воспоминания. Боролась с обнаружившейся дислексией каким-то новым методом. Лешку раздражало ее присутствие, ее настойчивость, резкий запах духов, который вливался в квартиру, кажется, еще до того, как эта высокая, прямая как столб женщина переступала порог.

— Алексей, не отвлекайся! — голос у нее был резким, как воронье карканье, и таким же немелодичным.

Лешка оторвал взгляд от Музы, которая умывалась на подоконнике, раздраженно подергивая кончиком хвоста. Ей тоже не нравилась Ирина Петровна.

— Я стараюсь, — промычал Лешка, честно пытаясь сосредоточиться.

Наплывало очередное дежавю. Похолодело в животе. Навалилось пугающее ощущение пустоты и полной, невероятной тишины. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Лешка встал со стула и медленно двинулся в сторону двери. Ирина Петровна оборвала фразу на полуслове и заворуженно смотрела ему вслед.

Словно слепой, неуверенно придерживаясь рукой за стену, Лешка вышел в коридор, остановился там и прислушался. Сознание раздвоилось. Со двора доносился металлический лязг мусорного контейнера: как обычно по пятницам, приехал мусоровоз. Кран в кухне выводил привычную мелодию капли, пробивая ржавую дорожку в толстой эмали чугунной раковины, — кран молчал, как будто отключили подачу воды. Громко тикал древний лупоглазый будильник в маминой комнате, похожий на летающую тарелку своими стальными штырьками-ножками, — в квартире стояла оглушающая тишина.

Едва не ступив ногой в кошачий лоток, Лешка дернулся, точно его током шибануло, и уставился на закрытую входную дверь. Она должна быть открыта, там, на пороге, должен кто-то стоять. Кто-то очень важный, нужный, необходимый...

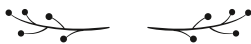
Наваждение прошло. Он удивленно заметил, что Муза трется об ноги, выписывая вокруг них восьмерки, и вопросительно муркает на весь коридор. В дверях его комнаты застыла Ирина Петровна, буравя Лешку испытующим взглядом. В наэлектризованном воздухе между ней и Лешкой

повисли невысказанные вопросы: «Вспомнил? Что именно?»

Растерянный и вспотевший от напряжения, он попытался ответить на них хотя бы себе самому. И не смог.



Лешка проводил за роялем все свободное время, тренируя непослушные пальцы в сложнейших вариациях и простых гаммах. Он прекратил насиловать свой слух и инструмент попытками воспроизвести что-то действительно сложное из сотни мелодий, хранящихся в памяти: его руки, плечи, спина и даже пальцы оказались к такому просто не готовы... Упражнения сменяли друг друга, перетекая в следующее на полутонах, а в голове теснились музыкальные термины, каждому из которых он должен был отыскать в памяти обозначение. Все эти *Andante*, *A tempo*, *Grave*, *Con brio* и *Legato*, все секвенции и форшлаги имели значение и обозначения, которыми он жил долгие годы и которые выскользнули из Лешкиной памяти в один короткий миг, когда его череп соприкоснулся со стойкой маминой «Шкоды». Но сейчас они были всего лишь странно звучащими словами, пустыми оболочками, не способными раскрыть свои секреты. Как незнакомые лица на фотографиях, как заплакавшая прямо возле рояля пожилая сухонькая женщина с пронзительным взглядом светлых глаз, как оказалось — его педагог, наставница, которую Лешка так и не вспомнил...



— Невыносимо! — прошипел он, выплюнув слово, как комок едкой горечи.

Но от горечи плевком не избавишься. Она разъедала душу, как если бы Лешка глотнул уксуса или чего похуже.

Обойдя сад кругом, он вернулся назад, к дому. Там было спасение. Только клавиши возвращали ему равновесие, заставляя забыть. Только музыка не позволяла впасть в отчаяние.

Ковыряясь ключом в замке, он внезапно услышал далекий рокот. Дробный, равномерный, как перестук копыт... Мелодия оживала, нарастала, незнакомая и пугающая. Кто-то спешил так отчаянно, что обгонял мчащиеся на тридцать вторых долях ноты... «Что это за чертовщина?» — озадаченно попытался сообразить Лешка. Мелодия казалась незнакомой. Сбросив кроссовки, парень метнулся к роялю.

Звуки заполнили комнату, выплеснулись в открытую форточку, полетели над пыльным тротуаром, рикошета о кроны тополей и лип.

«Лесной царь» Шуберта выворачивал наизнанку Лешкину душу, гремел тревожным набатом, заставляя вспомнить что-то важное, самое главное...

«Я специально не слушала “Лесного царя”». Его мне сыграешь ты!» — прозвучало так явственно, что он открыл глаза и оглянулся, — комната была пуста.

«А-але-екс!» — далекий зов разбивал какие-то преграды внутри него, и они осыпались с хрустальным звоном.

«Беги! Ты должна жить!»

«Меня зовут Дина!»

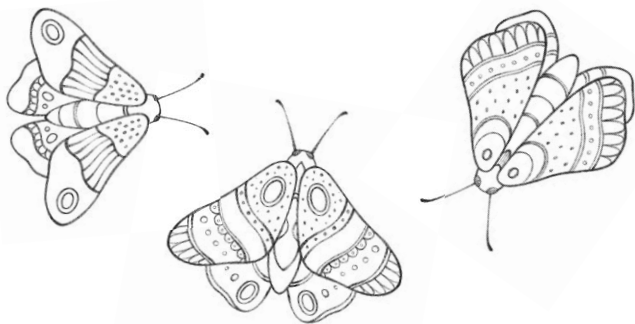
«Ты пианист, Алекс. Тебя так и зовут — Алексей Давыдченко. Возвращайся, я тебя жду!»

«...Ты — самая лучшая девушка на Земле...»

Он не успел ей тогда договорить, девушке с невероятно зелеными глазами. Дине...

Лешка уронил руки, оглушенный воспоминаниями. Тьма, Доктор, сумасшедший бег по пустому городу, вкрадчивый шепот, зовущий раствориться в небытие... Дина!

Он выскочил в коридор и, прыгая на одной ноге, попытался натянуть нерасшнурованную кроссовку. «Дина-Дина-Дина», — звенело в ушах колокольчиковое имя. Теперь он знал, где сможет ее найти...



## Эпилог КОДА

*Кода — дополнительный раздел, возможный в конце музыкального произведения; завершающая часть.*

Гардемарин неспешно рысил вдоль борта и, тихонько всхрапывая, поворачивал уши назад, словно понимал, что ей страшно. Врачи не разрешили садиться в седло. Разумеется, Дина послушалась, но по-своему. Седла не было. Под попой перекатывались мышцы теплой лошадиной спины. Легкий июньский ветерок раздувал гриву коня и Динину короткую челку. Полоска кустов с яркими молодыми листочками убегала назад. Страх отступал перед счастьем.

Она старалась не смотреть в сторону смешного, сорокасантиметрового препятствия, скорее кавалетти, чем барьера, которое по утрам ставили в центре площадки. Для малышей.

Замирало сердце.

«Нет-нет! Никогда больше», — успокаивала себя Дина. Никогда? Так и жить с этим страхом? Или потом, попозже? Попробовать?

Стыдно не было. Было противно. Шенкеля при-  
тиснули бока Гардемарина сами. Руки сами подо-  
брали повод. Без седла, без жокейки, без краг, за-  
хваченная гибельным отчаянием, она послала коня  
вперед.

Темп. Темп. Темп. Короткий миг полета и мяг-  
кое приземление. Сердце не взорвалось, взорва-  
лась душа. Мир обрел утерянные краски. Она вер-  
нулась! Вот теперь — окончательно!



— Ди-ина! Тебя ищут! — донеслось от входа на пло-  
щадку.

Она придержала Гардемарина, пустив шагом.

— Кто?

Никто не знал, что она отправилась на конюш-  
ню. Никто не должен был знать... Но позвавшая ее  
девушка уже исчезла.

Осторожно соскользнув на землю, Дина похло-  
пала Гардемарина по шее:

— Спасибо. Я теперь буду приезжать часто.

Конь потянулся губами к карману, Дина рассме-  
ялась:

— Ах ты попрошайка! Помнишь, да?

Конь легонько боднул ее головой, предлагая не  
отвлекаться на разговоры, а достать наконец чест-  
но заработанный кусочек сахара.



— Дина?

Из-за плеча Гардемарина она не видела говорившего, но колени мгновенно ослабели. Его голос она не могла не узнать. Алекс! Алекс пришел к ней!

**STONE HEDGE**

# Благодарности

Хочу поблагодарить моего литературного редактора Екатерину С. за неизменное терпение и тонкое чувство языка, а также верного друга и первого читателя каждой страницы — Елену Румянцеву за поддержку и веру в мои силы! Также благодарю своих педагогов по литературному мастерству и «крёстную мать» этой книги, талантливого писателя Наталью Способину!

# Оглавление

## Часть первая

Глава 1. УТРО.....	7
Глава 2. ДЕНЬ .....	56
Глава 3. ВЕЧЕР .....	105

## Часть вторая

Глава 1. КОНСОНАНС.....	121
Глава 2. КАПРИЧЧИО .....	132
Глава 3. ИНТЕРМЕЦЦО .....	157
Глава 4. РЕПРИЗА .....	180
Глава 5. ОСТИНАТО .....	192
Глава 6. ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПАУЗА .....	213
Глава 7. ФЕРМАТА.....	242
Эпилог. КОДА .....	251
Благодарности .....	254

# МИО Проза

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ  
ЛИТЕРАТУРА**

**НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО  
МАСШТАБА**

**ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА**

**РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ**

**КНИЖНЫЙ КЛУБ**

**#mifproza**

Подписывайтесь  
на полезные книжные письма  
со скидками и подарками:  
[mif.to/proza-letter](https://mif.to/proza-letter)

Вся проза  
на одной странице:  
[mif.to/proza](https://mif.to/proza)



**mifbooks**

**STONE HEDGE**

*Литературно-художественное издание*  
*Серия «Red Violet. Задержи дыхание»*

**Ильина Наталья**

# **Пока ты здесь**

Руководитель редакционной группы *Ольга Киселева*

Ответственный редактор *Анна Неплюева*

Литературный редактор *Елена Николенко*

Арт-директор *Вера Голосова*

Верстка *Айшат Илюшина*

Корректоры *Елена Сухова, Надежда Лин*

В книге использованы иллюстрации  
по лицензии © shutterstock.com

ООО «Манн, Иванов и Фербер»  
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,  
д. 7, стр. 2

[mann-ivanov-ferber.ru](http://mann-ivanov-ferber.ru)  
[vk.com/mifbooks](https://vk.com/mifbooks)



**STONE HEDGE**

В темном и пустом незнакомом городе приходит в себя девушка. Она не знает своего имени и ничего не помнит о себе. Кто она и почему оказалась в этом странном, пугающем месте? До захода солнца она должна вспомнить прошлое и найти ответы на свои вопросы, иначе тьма заберет ее навсегда.

По-настоящему сильное произведение, цепляющее глубинные струны души, дает повод задуматься о многом. Как мы проживаем эту жизнь, где окажемся в конце, найдется ли выход, отыщем ли в себе силы сделать решающий шаг?

**Елена Николенко**, редактор  
и переводчик, автор телеграм-канала  
«Сиди переводи»

Этот роман определенно стоит прочитать. Путь, которым проводит автор свою героиню, сложен и опасен, а вопросы, всплывающие по ходу и кажущиеся довольно легкими и даже банальными, заставляют задуматься, потому что, как ни крути, выбор — это всегда сложно.

**Наталья Способина**, автор романа  
«Многогранники»

Есть книги, о которых забываешь, перевернув последнюю страницу. А есть такие работы, как «Пока ты здесь» — к ним мысленно возвращаешься даже спустя долгое время. Трогательная мистическая притча о жизни и смерти.

**Алина @Melanchallina**,  
администратор группы «Чердак  
с историями», книжный скаут

#yamif

Иллюстрация на обложке - Настя Штарк

МИО mann-ivanov-ferber.ru @mifbooks

